

Сотрудничество российских и польских историков:

достижения, проблемы, перспективы

**Изучение и публикация
исторических источников
в России и Польше**

**Москва
2011**

inslav

Российская академия наук
Комиссия историков России и Польши
Институт славяноведения

Сотрудничество
российских и польских историков:
достижения, проблемы, перспективы

Изучение и публикация
исторических источников
в России и Польше

Москва, 2011

Издание подготовлено в рамках
Программы фундаментальных исследований
Отделения историко-филологических наук Российской академии наук
«Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Составители: Л.П. Марней, Б.В. Носов
Редакционная коллегия
Н.А. Макаров (ответственный редактор)
О.С. Каштанова, Л.П. Марней, Б.В. Носов

Рецензенты
доктор исторических наук, профессор Н.В. Наумов
кандидат исторических наук В.В. Волобуев

Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы: (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше) / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2011.

Публикуемый сборник – очередной том трудов двусторонней Комиссии историков России и Польши. В нем помещены: публикация Соглашения 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук, материалы «Дней польской науки в Российской Федерации» – доклад Президента РАН академика Ю.С. Осипова и выступление Президента ПАН профессора Михала Кляйбера на совместном заседании Президиумов Российской академии наук и Польской академии наук 14 октября 2008 г. – а также материалы междуна-родной научной конференции, проходившей в Москве 4–5 июня 2008 г. (в рамках «Дней польской науки...»), тема которой вынесена в заглавие сборника. В помещенных в нем статьях проанализированы перспективы польско-российского научного сотрудничества в современную эпоху социально-политических трансформаций, новые условия совместной работы историков обеих стран и соответствующие им организационные формы, предложены конкретные совместные проекты.

ISBN-10-5-7576-0235-X
ISBN-13-978-5-7576-0235-6

© Институт славяноведения РАН, 2011
© Комиссия историков России и Польши, 2011
© Авторы, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве

между Академией наук СССР и Польской академией наук

(подготовка публикации, вступительная статья и комментарии <i>Л.П. Марней,</i> <i>Б.В. Носов</i>)	13
---	----

Материалы

«Дней польской науки в Российской Федерации»

(октябрь 2008 года)

Осипов Ю.С. (Москва)

Сотрудничество Российской и Польской академий наук: взгляд сквозь годы.....	54
--	----

Михал Кляйбер (Варшава)

История и дальнейшее развитие двусторонних отношений Российской академии наук и Польской академии наук в контексте перспектив европейского сотрудничества (перевод <i>С. Кочегаровой</i>)	68
---	----

Лешек Заитовт (Варшава)

Перспективы польско-российского сотрудничества в области изучения и публикации источников по истории Польши и России	77
--	----

Станислав Вех и Веслав Цабан (Кельце)

Публикация и познавательная ценность источников военного и полицейского происхождения в изучении истории польских земель в составе Российской империи во второй половине XIX века (перевод <i>В. Волобуева</i>).....	93
--	----

Макарова Г.В. (Москва)

Из истории российско-польского научного сотрудничества: публикация источников по истории общественного движения в Королевстве Польском в 30–50-е годы XIX в.....	108
--	-----

Ян Трынковский (Варшава)

Юлиан Сабиньский (1797–1869) и его «Дневник» – уникальный источник по истории ссыльных поляков и не только (перевод <i>С. Кочегаровой</i>).....	119
--	-----

Барбара Ендрыховска (Варшава)

Переписка польских ссыльных XIX века как исторический источник (на примере корреспонденции Феликса Зенковича) (перевод <i>Г. Макаровой</i>)	128
--	-----

<i>Горизонтов Л. Е. (Москва)</i> Источниковедение российско-польского исторического пограничья XIX века: опыт и перспективы изучения.....	140
<i>Фалькович С. М. (Москва)</i> «Голоса из народа»: стихи и песни как источник изучения общественных настроений в Польше XIX –начала XX века.....	147
<i>Иоланта Сикорска-Кулеша (Варшава)</i> О пользе публикации фотографий XIX века. (Замечания в связи с новой литературой о фотографии как историческом источнике)	156
<i>Лебедева Н. С. (Москва)</i> Российско-польское сотрудничество в издании «катынских документов»	165
<i>Яжборовская И. С. (Москва)</i> Материалы Политбюро ЦК КПСС о событиях 1980–1981 гг. в Польше.....	176
<i>Бухарин Н. И. (Москва)</i> Специфика источниковой базы «современной истории» и исследования по истории российско-польских отношений рубежа XX–XXI вв.	188

**Из истории Комиссии
историков России и Польши**

<i>Имам М. Т. Жук (Варшава)</i> К 130-летию со дня смерти Юзефа Ковалевского (1800–1878) (перевод О. Каштановой)	196
<i>Каштанова О. С. (Москва)</i> Первая российская монография о творчестве и научном наследии польского историка Ежи Топольского	205
<i>Каштанова О. С. (Москва)</i> К юбилею Виктории Сливовской	210
<i>Макаров Н. А., Носов Б. В.</i> Памяти Юльюша Бардаха (1914–2010).....	216
Сведения об авторах.....	219

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник это очередной том трудов двусторонней Комиссии историков России и Польши. Вот уже более 40 лет они публикуются в обеих странах по материалам проводимых Комиссией международных российско-польских научных конференций. В последние годы такие конференции были приурочены к «Дням польской науки в России» и к «Дням российской науки в Польше», проходивших соответственно поочередно в обеих странах в 2001, 2004, 2008 гг. Настоящий том выходит из печати накануне предстоящих в 2011 году «Дней российской науки в Польше».

Форум российской и польской науки 2008 г. проводился под знаком 50-летия Соглашения о сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук 1957 г. В связи с этим в настоящем томе публикуются: Соглашение 1957 года о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук, Материалы «Дней польской науки в Российской Федерации» – доклад Президента РАН академика Ю.С. Осипова и выступление Президента ПАН профессора Михала Кляйбера на совместном заседании Президиумов Российской академии наук и Польской академии наук 14 октября 2008 г.

Пятидесятилетнему юбилею соглашения о сотрудничестве наших академий была посвящена и конференция Комиссии историков России и Польши на тему: «Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспективы. (Изучение и публикация исторических источников в России и Польше)», проходившая в Москве в рамках «Дней польской науки ...» 4–5 июня 2008 г. Выбор названной темы был не случаен. Сотрудничество ученых России и Польши последовательно развивалось в течение столетий, что было обусловлено как общностью исторических судеб наших народов, так и объективными процессами интернационализации научных исследований. Вместе с тем за это время был накоплен бесценный позитивный опыт товарищества, доверия и взаимного уважения ученых наших стран. Все это служит убедительным объяснением, почему история российско-польского научного сотрудничества постоянно находится в сфере внимания Комиссии российских и польских историков*.

Центральной проблемой конференции 2008 г. стало изучение и публикация исторических источников в России и Польше, что в определяющей степени является фундаментом исторической науки. Организаторами конференции, наряду с Комиссией историков, выступили Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН, Институт славяноведения РАН, с польской стороны – Институт истории ПАН, Институт истории науки ПАН.

* См., напр.: Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В.К. Волков. М.: Индрик, 2003.

Одно из центральных мест на конференции принадлежало докладу профессора *Лешека Заштовта (Варшава)*. Незадолго до конференции он сменил на посту председателя польской части Комиссии, почетного доктора Российской академии наук, профессора Викторю Сливовскую. Доклад Л. Заштовта был посвящен ближайшим перспективам польско-российского сотрудничества в области изучения и публикации источников по истории Польши и России. В нем была дана оценка важнейшим совместным достижениям польских и российских историков, проанализированы новые условия совместной работы и соответствующие им организационные формы, указаны не только классы и группы источников, которые представляют для нас общий интерес, но и предложены конкретные проекты.

Хронологически представленные на конференции доклады охватывали период с XIV века до наших дней. Начало было положено рассмотрением комплекса наиболее фундаментальных исторических источников периода позднего Средневековья и раннего Нового времени – Литовской метрики. О ней говорил, в частности, Л. Заштовт. Специально теме Метрики были посвящены доклады *Анджея Рахубы (Варшава)* и *А.Л. Хорошкевич (Москва)*. Докладчики отмечали, что Литовская метрика является не только важнейшим и ценнейшим источником по истории Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, но также во всех упомянутых странах, рассматривается как их национальное достояние. Последнее оказывает весьма существенное влияние и на методы изучения Метрики, и на характер интерпретации собранных в ней источников, а также на приемы и подходы к их публикации, начиная от языка издания и вплоть до специфики комментирования и различного рода описаний. В связи с этим докладчики подчеркивали не только назревшую необходимость объединения усилий историков разных стран в изучении Метрики, но и в разработке общих подходов к ее археографическому и источниковедческому изучению, общих методов анализа и согласованных принципов публикации. В дискуссии, в частности, отмечалось, что основное внимание исследователей Литовской метрики направлено на ранние периоды (до рубежа XVI–XVII вв.), в то время как содержащиеся в Метрике ценнейшие источники XVII–XVIII вв. еще только ожидают изучения.

Отдельный круг проблем, связанных со спецификой источников по истории общественного устройства и политических отношений стран и народов средневековой Восточной Европой, был поставлен в докладах: *С.М. Каштанова (Москва)* – «К вопросу об идентификации топонимов в российской историографии»; *Б.Н. Флори (Москва)* – «Публикация источников по истории русского дворянства (землевладение и служба в XV – начале XVII вв.)»; *Хенрыка Люлевича (Варшава)* – «Проект издания источников по истории парламентаризма в Великом Княжестве Литовском (проблемы источниковедческие и издательские)». О значении источников иностранного происхождения (в частности, собраний архивов и библиотек Ватикана) по истории Польско-Литовского государства и России XVI–

XVIII вв. и о накопленном опыте их научной публикации говорили *Лешек Ярминьский (Варшава)*, *С.Г. Яковенко (Москва)*, *М.Е. Бычкова (Москва)*.

Пожалуй, наибольшее внимание на конференции было уделено проблемам изучения истории и источников по истории России и Польши в XIX веке, и, думается, это не случайно. За последние 20–30 лет в исторической науке наших стран в области изучения XIX века проявились две противоречивые тенденции. С одной стороны, можно наблюдать заметное ослабление интереса исследователей к изучению названного столетия как своеобразной исторической эпохи, что, правда, в большей степени характерно для исторической науки Польши, в меньшей – для российских историков. На первое место выходят проблемы Новейшей истории и сохраняют свои позиции медиэвистика и история раннего Нового времени. Однако сказанное не относится к такой специфической области как «империология», обнаружившей бурный рост в новейшей историографии (не говоря уже о массовом увлечении такого рода тематикой среди публицистов). С темой разного рода «империй» нередко связываются проблемы национальных и религиозных меньшинств, межэтнических отношений и конфликтов. Последнее, вероятно, можно объяснить стремлением известного круга политологов опровергнуть марксистские представления об империализме.

Вместе с тем, как отмечалось на конференции, XIX век в мировой истории стал в значительной мере переломным периодом, связанным с переходом от аграрного общества – к индустриальному, от сословного строя – к гражданскому обществу. Именно в XIX веке была преодолена относительная взаимная обособленность Европы, Азии и Америки. Не менее важным был XIX век и для судеб России и Польши, ознаменовавшись подъемом освободительного движения, перемещением центра революционного движения в Российскую империю, падением крепостничества, буржуазными реформами. В XIX веке польский народ в условиях разделенной страны сумел отстоять национальную самобытность и, несмотря на тяжелые поражения, собрать силы для возрождения Польши и восстановления независимого польского государства. О значении исследований социально–политической истории польских земель в XIX веке и о месте в этих исследованиях публикаций материалов российских архивов говорилось в докладе *Веслава Цабана, Станислава Веха (Кельце)*. На социально–политической проблематике сосредоточил внимание и *Кишиштоф Латавец (Люблин)*, посвятивший свой доклад анализу на основе ипотечных актов поземельных отношений в Королевстве Польском второй половины XIX в.

Традиционным направлением сотрудничества российских и польских историков было изучение переписки и мемуаристики. В этой области нами накоплен немалый опыт, а работающие в ней наши коллеги вправе гордиться серьезными достижениями. Во многом это связано с ведущимися совместно вот уже более пятидесяти лет работами по истории связей российского и польского освободительного движений, исследованиями широчайшего спектра взаимодействия российского и польского обществ

в сфере народного хозяйства, общественной деятельности, культуры, народного просвещения и науки. Выдающийся вклад в наше сотрудничество в этой области внесла участвовавшая в работе конференции профессор Виктория Сливовская. В своем докладе, который был ею подготовлен вместе с мужем, она обратилась к проблеме личной корреспонденции второй половины XX века (*Виктория Сливовская, Рене Сливовский (Варшава)* – «XX столетие – закат личной переписки, непревзойденного до сих пор исторического источника, на примере писем полученных авторами от Ю.Г. Оксмана, С.Б. Рассадина и др.»). Авторами был поставлен целый ряд принципиальных вопросов: о внутренних и внешних ограничительных рамках корреспонденции, обусловленных общественной атмосферой, в частности, угрозой перлюстрации или полицейских преследований; об особенностях стилистики корреспонденции (сочетание доверительного тона и «эзопова языка»); о влиянии революции в технических средствах коммуникации на содержание и форму личной переписки, а также о сохранности личных электронных архивов и ряд других не менее важных проблем. Добавим только, что сделанный В. Сливовской и Р. Сливовским доклад был подготовлен в ходе работы авторов над вышедшей в 2008 г. автобиографической книгой, озаглавленной «Россия – наша любовь»^{*}.

Об изучении корреспонденции и дневников польских ссыльных XIX века, осужденных за участие в освободительном движении и приговоренных к каторжным работам и поселению в Сибири, говорили на конференции *Барбара Ендрыховска (Вроцлав)* и *Ян Трынковский (Варшава)*. Среди поднятых ими проблем были и такие как значение названных источников для исследований по истории России, в частности о функционировании полицейской и тюремной системы, но, прежде всего, по истории Сибири, о землях и городах которой в дневниках и корреспонденции ссыльных имеются уникальные сведения, более подробные и достоверные, чем мемуары и сочинения других иностранных путешественников, которые, как правило, писали свои воспоминания и записки спустя значительное время после возвращения из поездки, руководствуясь при этом преимущественно политической конъюнктурой у себя на родине. Примечательно и то, что рассмотренный в докладе Я. Трынковского «Дневник» Юлиана Сабиньского представляет собой не только созданный в особых условиях конвойного этапа и поселения в Сибири уникальный источник, но и произведение подлинно художественной литературы.

Ряд докладов, относящихся к XIX веку, был посвящен введению в научный оборот новых классов и типов источников. XIX век ознаменовался революцией в области исторических источников, особенно это касалось Центральной и Восточной Европы, где в этот период получила широкое распространение массовая пресса, статистические исследования и материалы и т. д. Распространение грамотности и специальных профессиональных знаний среди населения, а также совершенствование организационных

^{*} *Wiktoria i Rene Śliwowsky. Rosja – nasza miłość. Warszawa, «Iskry», 2008.*

форм и техники хранения и передачи информации повлекли за собой существенный количественный рост источников и умножение их качественного многообразия. Тем не менее, казалось бы, что эти исторические источники достаточно изучены и, если можно так выразиться, освоены исследователями. Однако, как показали доклады *Иоланты Сикорской-Кулеши (Варшава)* «О пользе публикации фотографий XIX века. (Замечания в связи с новой литературой о фотографии как историческом источнике)» и *С.М. Фалькович (Москва)* – «“Голоса из народа”: поэзия и песни как источник изучения общественных настроений в Польше второй половины XIX – начала XX вв.» существуют довольно значительные группы источников, для введения которых в научный оборот требуется дальнейшая разработка методики их исследования, описания и анализа. В частности это касается фотографии и городского фольклора общественно–политической тематики, а также различных стихотворных текстов публицистического содержания.

Тема источников по истории XIX века получила на конференции освещение также и с региональной точки зрения в докладах *Л.Е. Горизонтова (Москва)* «Источниковедение российско–польского исторического пограничья XIX века: опыт и перспективы изучения»; *И.И. Шарифжанова (Казань)* «Исторические источники польской ссылки в Казани (типология, классификация, институты хранения)»; *А.В. Котовой (Казань)* «Наследие польских художников в Казани: исторический портрет XIX в.».

Как уже было отмечено выше, наибольшее внимание современная историография уделяет проблемам истории минувшего XX века. С одной стороны, это обусловлено политическим значением событий, которые лишь недавно стали фактами исторического прошлого, а с другой – открытием для исследователей архивов. В первую очередь это касается архивных фондов, хранившихся в СССР и в странах советского блока. Естественно, что обе отмеченные тенденции имеют для российских и польских историков особое значение, ибо история наших стран не только предстает в фактах добрососедства и сотрудничества, но и дает немало примеров противостояния, следствием чего стали накопившиеся «белые пятна» и «трудные вопросы», большинство из которых относится к XX веку.

Посвященная источниковедческим проблемам конференция уделила существенное внимание вводимым в научный оборот новым источникам, а также публикации архивных материалов по истории СССР (России) и Польши в XX веке. Говоря о новых источниках, укажем на доклад *В.А. Невежина (Москва)* «Новые источники о восприятии Польши в Советском Союзе в 1939–1941 гг.», посвященный материалам политорганов Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. В них нашли отражение содержание идеологической работы с командным составом, а также восприятие и оценка красноармейскими командирами т. н. «освободительного похода» Красной Армии в сентябре 1939 г. и дальнейшего развития военно–политической ситуации. Обращает на себя внимание, что, вопреки официальному курсу на партнерство с гитлеровской Германией,

политическая работа среди командного состава исходила из вероятности войны с фашизмом. В отношении польского государства проводился «классовый подход», выразившийся в поддержке польских трудящихся и непримиримой позиции в отношении «буржуазно–помещичьих верхов». При этом обращает на себя внимание, что среди командиров (особенно старшего поколения) бытовали, хотя и не часто, мнения о враждебности Польши и нежизнеспособности польского государства, с одной стороны, восходившие к представлениям времен царской России, а с другой, к официальной внешнеполитической риторике сталинского руководства 1939 г.

Новым историческим источником, ставшим доступными благодаря открытию партийных архивов СССР, был посвящен доклад *И.С. Яжборовской (Москва)* «Материалы Политбюро ЦК КПСС о событиях 1980–1981 гг. в Польше». В нем на основе протоколов заседаний Политбюро и материалов специально созданной для анализа ситуации в Польше комиссии под руководством секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова были проанализированы позиция советского руководства по отношению к «глубокому общественно–политическому конфликту 1980–1981 гг. в ПНР» и поиски советским и польским руководством пути «для его преодоления и применения на практике так называемой “доктрины Брежнева”». Автор пришла к выводу, что, хотя угроза советского военного вмешательства и существовала, руководство СССР, исходя из анализа международного положения и внутренней ситуации в ПНР, считала недопустимым применение военных сил Варшавского договора для подавления оппозиционных общественных движений и антиправительственных сил в Польше.

Специфические исторические источники, размещенные в виртуальном информационном пространстве, были в центре внимания *Н.И. Бухарина (Москва)*, выступившего с докладом «Источники по истории российско–польских отношений рубежа XX–XXI вв.». Автор провел сравнительный анализ помещенных в Интернете информационных материалов глав государств и правительств Российской Федерации и Республики Польша, министерств и ведомств, информационных агентств, дипломатических и консульских учреждений, политических партий и общественных организаций обеих стран и т. п. В докладе был сделан вывод, что имеющиеся в Интернете материалы содержат практически исчерпывающую и, главное, оперативную информацию для исследований по современной истории, отражающую сферы политики, экономики и культуры. В ходе дискуссии по докладу были поставлены вопросы: имеют ли источники, помещенные во всемирной паутине, типологические особенности по сравнению с аналогичными материалами, опубликованными или распространенными иными (традиционными) способами; является ли оперативность публикации, в известной мере способствующая большей объективности информации, гарантией от тенденциозности и от заведомых искажений действительности в распространяемых посредством Интернета материалах. Участники дискуссии подчеркивали, что только

привлечение максимально возможного круга источников, сопоставление данных Сети с материалами иных информационных потоков может способствовать повышению качества исследований.

Отмеченная потребность в расширении информационной базы, при этом речь идет не только о необходимости привлечения большого количества источников, но и гигантского объема историографии, существенно повлияла на качественные черты исследований по истории XX века. Эта тенденция все более проявляется в изучении современной истории и будет только усиливаться в XXI веке. Ее воздействие сказывается на углублении специализации исторических исследований, на выборе историками монографических тем, на форме и жанровых особенностях публикуемых научных трудов. В этих условиях происходит усложнение научных задач синтетического характера. В преодолении отмеченных трудностей видная роль принадлежит публикациям исторических источников, которые позволяют не только расширить доступ к ним исследователей, но также посредством специализированного отбора, обработки, описания, критики и комментирования сэкономить силы и тем самым расширить источниковую базу исследования, в частности, способствовать привлечению историков разных стран к разработке общих тем, развивая таким образом и международные научные дискуссии.

В известной мере этим объясняется значение, придаваемое историками России и Польши публикациям исторических источников по истории XX века. Этому направлению совместной работы были посвящены доклады: *В.С. Христофорова (Москва)* «Научное и практическое значение публикации архивных документов органов безопасности по истории советско-польских отношений 1939–1945 гг.»; *Н.С. Лебедевой (Москва)* «Российско-польское сотрудничество в издании “катынских документов”»; *В.С. Парсадановой (Москва)* – Документальные публикации XXI века по истории отношений СССР/России и Польши». В.С. Христофоров охарактеризовал новейшие публикации документов, отразивших действия органов НКВД СССР на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 и 1945 гг., а также опубликованные материалы о судьбах участников Варшавского восстания 1944 г. Названные публикации были подготовлены на материалах Архива Федеральной службы безопасности (ФСБ) России, в котором хранятся документы органов государственной безопасности СССР. Характеризуя названные публикации и говоря об их научном значении, докладчик подчеркнул, что они отразили существенные черты стратегического курса СССР в отношении классов и социальных слоев советского общества, в частности, в отношении так называемых «классово-чуждых» групп населения, а также отразили подготовку и реализацию на присоединенных к советским республикам территориях комплекса мер, направленных на мобилизацию сил и средств для отражения возможной фашистской агрессии. Опубликованные материалы 1945 г., в частности, о судьбах участников Варшавского восстания, раскрывают ряд существенных черт политики советской администрации (военной и гражданской) на освобожденных от гитлеровцев территориях.

Особо докладчик остановился на практическом значении названных публикаций. Он подчеркнул, что такие издания позволяют сформировать и дополнить объективную основу для разрешения ряда «трудных вопросов» в современных российско-польских отношениях, в частности, предоставляют материал для вынесения компетентными инстанциями суждения о политической и юридической ответственности органов власти и отдельных лиц за проведенные репрессии, об основаниях для реабилитации жертв неправосудных приговоров и иных необоснованных репрессий и о возможности применения соответствующего российского законодательства.

К новейшим документальным публикациям по истории советско-польских и российско-польских отношений обратилась и В.С. Парсаданова. При этом в сферу ее внимания оказались вовлечены и те издания, в которых российско-польские отношения были затронуты лишь отчасти, наряду с другими темами и проблемами. Сделанный ею анализ получил явно выраженный критический оттенок. Автор доклада указала на целый ряд досадных ошибок и промахов, которые в совокупности свидетельствовали о поспешности в работе коллектива составителей, комментаторов и редакторов, что, разумеется, снижает качество изданий. Однако главный ее упрек состоял в том, что в рассмотренных публикациях отчетливо проявлялась политическая тенденция, субъективный подход выступивших инициаторами изданий общественных и политических сил и связанных с ними коллективов составителей. В развернувшейся по этому поводу дискуссии отмечалось, что любая научная публикация как «историографический факт» является субъектом исследовательского процесса и процесса познания и поэтому не может быть свободна от субъективного подхода. Критика такого подхода является закономерным и естественным элементом научного познания, а приближение нашего знания к объективности происходит путем сопоставления субъективных мнений. Разумеется, субъективное мнение в науке не допустимо подменять мотивированным и сознательным искажением исторической действительности.

В целом проблемы методологии исторического познания, так или иначе, возникали в ходе обсуждения всех сделанных на конференции докладов ибо подлинный источниковедческий анализ неотделим от стройной и последовательной научной методологии. Специально же методологическим проблемы были рассмотрены в докладе *В.Е. Туманина (Казань)* «"История – это моя жизнь": творческий путь Ежи Топольского», посвященном одному из видных польских историков, в прошлом члену Комиссии историков, много работавшего в области методологии и теории исторической науки. Названный доклад подготовлен на основе недавно опубликованной в России книги В.Е. Туманина, рецензионная статья о которой также помещена в настоящем томе, в разделе «Из истории Комиссии историков России и Польши». Думается, что публикации материалов по истории Комиссии, более 10 лет присутствующие в ее изданиях, стали уже доброй традицией.

*Член-корр. РАН Н.А. Макаров
Б.В. Носов*

**СОГЛАШЕНИЕ 1957 ГОДА
о научном сотрудничестве между
Академией наук СССР и
Польской академией наук**

От издателей

Знаменательные события середины 1950-х годов в Европе, Азии, Африке, Америке оставили заметный след в истории XX века. В их ряду были и глубокие перемены в социалистических странах. Достаточно упомянуть XX съезд КПСС и начавшиеся процессы «десталинизации» в Центральной и Восточной Европе, а также события в Венгрии.

И все же в эту эпоху политическому кризису 1956 г. в Польской Народной Республике принадлежало особое место¹. Он, в частности, положил начало существенной трансформации польско—советских отношений, в основу которых с того времени были заложены принципы национального суверенитета стран социалистического лагеря и многообразия форм социалистического строительства, с учетом своеобразия развития отдельных государств. В «Декларации Советского правительства об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими странами» от 30 октября 1956 г.² говорилось, что XX съезд КПСС, «со всей решительностью» осудив негативную практику и ошибки предшествующего периода, поставил задачу последовательного осуществления во взаимоотношениях СССР с другими социалистическими странами «ленинских принципов равноправия народов». В декларации провозглашалась «необходимость полного учета исторического прошлого и особенности каждой страны, вставшей на путь строительства новой жизни», а также готовность Советского правительства «обсудить с правительствами других социалистических государств меры, обеспечивающие дальнейшее развитие и укрепление экономических связей между социалистическими странами, с тем чтобы устранить какие бы то ни было возможности нарушения принципа национального суверенитета, взаимной выгоды и равноправия в экономических отношениях»³. Эти же принципы, согласно декларации, распространялись и на военное сотрудничество в рамках Варшавского договора и на определение международно-правового статуса находившихся на территории социалистических стран советских войск⁴.

Обновленный характер взаимоотношений стран социалистического лагеря предусматривал перестройку всей системы политических, экономических, общественных и культурных связей между СССР и ПНР. Одной из главных черт создаваемой новой системы становились параллельные кооперационные связи на всех уровнях хозяйственной, общественной и культурной жизни, расширение сферы непосредственных контактов между людьми при условии самостоятельности планирования социально-экономического развития отдельных стран и координации народнохозяйственных планов государств социалистического содружества. Соответственно такая система была сформирована и получила развитие и в области научного сотрудничества, в авангарде которого были Академии наук СССР и ПНР.

Взаимная заинтересованность Советского Союза и Народной Польши в развитии связей в области науки осознавалась и раньше. Расширение контактов предусматривалось договором о дружбе и послевоенном сотрудничестве между обеими странами, заключенным весной 1945 г., а также специальным Соглашением о научно-техническом сотрудничестве между СССР и ПНР от 5 марта 1947 г. Для реализации последнего была образована специальная двусторонняя межправительственная Польско-советская комиссия по научно-техническому сотрудничеству, сессии которой поочередно проводились в Москве и в Варшаве. При этом существенным было то, что развитие научных связей реализовывалось на межправительственном уровне. Показательным в этом смысле стало советско-польское взаимодействие в области исследований атомного ядра и применения атомной энергии в мирных целях⁵.

Программа ядерных исследований требовала мобилизации огромных людских и материальных ресурсов и гигантского промышленного потенциала, поэтому ее реализация не могла осуществляться иначе, как на самом высоком правительственном уровне и в соответствии с решениями, принятыми высшими партийными органами и государственными властями, а также на основе государственных планов развития народного хозяйства обеих стран. Заинтересованность СССР в привлечении к ее осуществлению своих ближайших союзников из числа стран народной демократии объяснялась не только стремлением увеличить таким образом совокупный потенциал ядерной программы, но и стремлением содействовать сплочению советского блока, продемонстрировать общность усилий «братских стран» на путях социалистического строительства и их военно-политическое единство в рамках Варшавского договора.

Однако поставленные в 1955 г. задачи научного сотрудничества были сформулированы в общем виде, их еще предстояло наполнить конкретным содержанием и реализовать. Вместе с тем уже тогда среди советских и польских ученых созрело понимание, что намеченные планы межправительственного сотрудничества не охватывают даже первоочередных потребностей развития научных исследований в обеих странах. Об этом свидетельствуют высказывания в то время видных деятелей советской и польской науки.

В апреле 1955 г. в связи с десятилетием Договора о дружбе один из руководителей ПАН – Хенрык Яблоньский в интервью газете «Жиче Варшавы», отвечая на вопрос о влиянии на развитие польской науки сотрудничества польских и советских ученых и давая тому высокую оценку, подчеркнул, «что трудно отделить воздействие сотрудничества польских и советских ученых от воздействия самой советской науки на польскую науку». Далее он пояснил, что «большинство польских научных работников познакомились с советскими коллегами посредством публикаций научных трудов последних». Отвечая на вопрос о том, в каких областях науки это сотрудничество было наиболее значительным, Х. Яблоньский констатировал, что

«едва ли можно в целом провести такое сравнение, имея в виду особенности отдельных научных дисциплин, различные формы может иметь сотрудничество биологов или историков и археологов, русистов или физиков и астрономов». Говоря об областях сотрудничества, в которых можно ожидать наиболее важных результатов, он в качестве примера привел только археологию, назвав ее «очень важной дисциплиной для изучения древнейшей истории наших стран», а также указал на выход в свет в СССР в 1954 г. первого из трех томов «Истории Польши»⁶. Достаточно скромные результаты межакадемического сотрудничества в это время упомянуты и в «Справке о научных связях с Польской академией наук в 1954–1955 гг.», подготовленной в декабре того же года в Президиуме АН СССР и приуроченной к очередной сессии Комиссии по научно-техническому сотрудничеству⁷. В ней говорилось: «Польская академия наук (в Варшаве) была создана в 1951 г. В 1951–1953 гг. научные связи с Польской академией наук были незначительными. В 1953 г. в Москву приезжала делегация руководящих работников Президиума Польской академии наук во главе с президентом ПАН академиком Я. Дембовским. Делегация интересовалась в основном организационными вопросами. После приезда делегации ПАН научные связи с учеными Польши значительно расширились»⁸. Однако как следовало из дальнейшего содержания справки, эти связи нашли выражение исключительно в участии ученых обеих стран в проводимых научных конференциях или же выступлениями с лекциями.

Впервые вопрос об установлении непосредственных связей между Академиями наук СССР и ПНР был поставлен в ходе работы IX сессии Польско-советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству⁹. Сессия состоялась с 6 по 15 декабря 1955 г. в Москве. В повестке дня среди прочих стоял вопрос об «установлении непосредственных связей между родственными научно-исследовательскими институтами и проектными организациями Советского Союза и Польской Народной Республики». В принятых решениях говорилось, что «в целях расширения форм научно-технического сотрудничества стороны считают целесообразным организовать непосредственное сотрудничество между родственными научно-исследовательскими институтами и проектными организациями Советского Союза и Польской Народной Республики и поручают секретариатам Комиссии подготовить мероприятия для обсуждения их на десятой сессии Комиссии»¹⁰. Тогда же по заданию Комиссии был разработан перечень научно-исследовательских учреждений двух стран, между которыми предполагалось установить прямые кооперационные связи. Он был весьма обширен и свидетельствовал о том, что такие связи планировалось развивать по всем направлениям фундаментальной и прикладной науки, практически по всем отраслям народного хозяйства. Центральное место в нем, разумеется, принадле-

* Тот же первый том в обновленной редакции был издан в 1956 г. См.: История Польши. Т. I. Второе дополненное изд. / под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

жало академиям наук. С советской стороны в него были включены Академия наук СССР и Академия медицинских наук.

Значение принятого решения было велико, однако очевидно, что задача установления прямых связей между учреждениями науки была только поставлена. Характер и формы осуществления таких планов должны были определиться в будущем, что и свершилось уже под влиянием событий 1956 года. Причем, размах, динамика и формы этого процесса приобрели принципиально иной облик, нежели это выделось еще годом ранее.

30 июня 1956 г. в Варшаве министром культуры СССР Н.А. Михайловым и министром Высшей школы ПНР Стефаном Жулкевским было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве между Польшей и СССР¹¹. Оно было нацелено на существенное расширение культурных связей между двумя странами. Согласно его третьей статье, стороны постановили, в частности, поддерживать «сотрудничество между академиями наук, научно-исследовательскими институтами, а также творческими союзами и культурно-просветительными организациями». Именно Соглашение от 30 июня 1956 г. послужило юридическим и международно-правовым основанием для подготовки и заключения Соглашения о сотрудничестве между академиями наук двух стран.

Практически сразу же за достигнутыми договоренностями последовало их конкретное воплощение. 6 февраля 1957 г. в Москве был подписан Рабочий протокол Польско-российской смешанной комиссии по подготовке плана реализации Соглашения о культурном сотрудничестве Польши и СССР на 1957 год¹². В протоколе предусматривалось значительное расширение программы обучения польских студентов в ВУЗах СССР, проведение декады культуры Литовской ССР в Польше, а также развитие культурного обмена в приграничных воеводствах и областях обеих стран. Важно отметить, что приграничные области и воеводства СССР и ПНР представляли собой в то время территории, в административном и правовом отношении сложившиеся в результате Второй мировой войны и оформленные только после ее окончания, где вплоть до середины 1950-х годов сохранялась существенная политическая напряженность, действовало антиправительственное подполье. Поэтому развитие здесь культурных связей, с одной стороны, свидетельствовало о нормализации общественной ситуации и имело для двух стран немаловажное политическое значение.

На следующий день после подписания названного Протокола последовала публикация в официальном органе ЦК ПОРП – газете «Трыбуна люду»¹³ корреспонденции из Москвы о планах культурного сотрудничества двух стран в 1957 году. В ней нашли отражение не только конкретные намерения сторон, но и весьма существенные аспекты, характеризующие новые формы и атмосферу культурного взаимодействия. В корреспонденции подчеркивалось, что обе стороны с удовлетворением констатировали «углубление и расширение» сотрудничества «на основе полного равноправия и братской дружбы, а также указывали на значение культурных

взаимоотношений прошлых лет для углубления взаимопонимания и сердечной дружбы между народами обеих стран. <...> Особое значение во всех достигнутых договоренностях придавалось развитию личных контактов, обмену материалами и информацией между заинтересованными учреждениями и лицами». Отдельно в корреспонденции упоминалось о подписании плана сотрудничества между ПАН и АН СССР, а также между министерствами высшего образования обеих стран¹⁴.

Одним из наиболее существенных и актуальных в тот период направлений культурного сотрудничества стала передача Советским правительством польских архивных материалов, хранившихся в государственных архивах СССР, а также находившихся на территории Советского Союза книг и других коллекций из собраний польских библиотек. Подавляющее большинство этих культурных и исторических ценностей были спасены Красной Армией от уничтожения и разграбления гитлеровцами или же от гибели вследствие военных действий в годы Второй мировой войны. Соответствующие акты передачи состоялись в декабре 1956 г.¹⁵ и в августе 1957 г., когда Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Отделу истории партии при ЦК ПОРП были переданы материалы, вывезенные гитлеровцами из Польши¹⁶. В октябре 1957 г. были переданы рукописные материалы, хранившиеся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина. В акте передачи упомянуты 5 117 единиц хранения, согласно 16 инвентарным спискам. Среди переданных собраний были материалы городской и университетской библиотек Вроцлава (рукописи и книги XIII–XVIII веков), материалы Архива Варшавы и Национальной библиотеки, материалы Библиотеки Гданьска и другие рукописи и уникальные издания¹⁷. В ноябре 1957 г. последовала передача архивных материалов из архивов в Гданьске и Познани¹⁸. Отмеченные акты, помимо своего политического, общественного и культурного значения, сыграли немаловажную роль в развитии научного сотрудничества двух стран, поскольку проделанная работа требовала взаимодействия и непосредственных контактов между историками, архивистами, специалистами в области библиотечного дела СССР и ПНР, именно эти акты внесли значительный вклад в восстановление и обновление традиций совместной работы над изучением и публикацией исторических источников в обеих странах.

В соответствии с Рабочим протоколом по реализации Соглашения о культурном сотрудничестве Польши и СССР на 1957 год, в Варшаве 21 августа 1957 г., было заключено Соглашение между Правительством ПНР и Правительством СССР об основах взаимного обмена студентами и аспирантами гражданских высших учебных заведений и лицами, направляемыми для научной специализации¹⁹. Это соглашение существенно расширяло рамки предшествовавших договоренностей в направлении кооперации обеих стран в подготовке кадров научных работников высшей квалификации. В свою очередь такое сотрудничество способствовало, с одной стороны, формированию и расширению кадрового челове-

ского потенциала научного взаимодействия, а с другой – налаживанию и углублению личных контактов между учеными.

Таким образом, развитие всесторонних связей на основе принципов национального суверенитета и непосредственной кооперации между СССР и Народной Польшей в 1956–1957 гг. послужило фундаментом для заключения Соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и Польской академией наук. Его основы были окончательно определены в ходе работы в Москве XI сессии Польско-советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству в первых числах марта 1957 г.²⁰. Четвертый пункт повестки дня был посвящен «установлению непосредственных связей между родственными научно-исследовательскими институтами и организациями» СССР и ПНР. Соответственно было принято решение «дополнить принятый на X сессии Комиссии перечень научно-исследовательских институтов <...>, которые установят между собой непосредственные научные связи в 1957 году». Дополнительно в него были включены: а) Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина и Комитет сельскохозяйственных наук Польской академии наук; б) Центральный научно-исследовательский институт шелковой промышленности и Польский институт натурального шелка; в) Научно-исследовательские институты машиностроительной промышленности Советского Союза и Польши. Из содержания Протокола следовало, что все принципиальные решения к марту 1957 г. были уже приняты и осталось только воплотить их в конкретные документы.

Тогда же, в марте 1957 г., делегация Академии наук СССР прибыла в Варшаву для выработки совместно с польскими коллегами соглашения о сотрудничестве. Возглавлял делегацию вице-президент АН СССР академик К.В. Островитянов* – видный советский экономист. Высокий партийно-правительственный статус делегации подчеркивало и то, что ее руководитель одновременно был кандидатом в члены ЦК КПСС (в 1952–1961 гг.) и одним из разработчиков концепции экономической политики СССР в 1951–1962 гг. В советскую делегацию входили члены-корреспонденты академии – В.И. Спицын** и В.А. Тра-

* Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) – советский ученый, партийный и общественный деятель, член КПСС с 1914 г., участник Революции 1917 г. в Москве, с 1920-х годов на научной и преподавательской работе, главный редактор журнала «Вопросы экономики», директор Института экономики (1948–1954 гг.), зав. кафедрой политэкономики Экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

** Спицын Виктор Иванович (1902–1988) – выдающийся советский химик, специалист в области общей и неорганической химии, в частности редкоземельных металлов, радиоактивных элементов и методики получения высококичтых веществ. Долгие годы он возглавлял кафедру неорганической химии Химического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, – действительный член АН (1958 г.), Герой Социалистического труда (1969 г.).

пезников*, а также И.А. Хренов** – историк-полонист, в прошлом ответственный работник ЦК КПСС, а в то время заместитель директора Института славяноведения АН СССР. Состав делегации свидетельствовал не только о высочайшем научном уровне ее членов, среди которых Спицын и Трапезников представляли наиболее передовые научные направления, но и о высоком уровне политического доверия со стороны партийного и государственного руководства и соответствующих полномочий по заключению соглашения, которыми были обличены Островитянов и Хренов. В целом же персональный состав делегации представлял собой органическое сочетание научной компетентности и политической ответственности.

Делегацию Польской академии наук возглавляли Президент ПАН один из крупнейших польских философов академик Тадеуш Котарбиньский***, вице-президент ПАН Януш Грошковский****, заместитель ученого секретаря ПАН Витольд Новацкий****. В делегацию входили видные польские ученые – представители руководства академии.

В день прибытия в Варшаву, говоря о стоявших перед советской делегацией задачах, К.В. Островитянов в интервью корреспонденту газеты «Трибуна люду», в частности подчеркнул, что «в целях дальнейшего расширения научных контактов между Польшей и Советским Союзом следует придать им большую организованность и систематический характер. Этой задаче будет посвящено, в частности, соглашение о научном сотрудничестве между Польской академией наук и Академией наук СССР».

* Трапезников Вадим Александрович (1905–1994) – выдающийся советский ученый, конструктор, член-корр. (1953 г.), действ. член (1960 г.), лауреат Сталинской и Ленинской премии, внесший значительный вклад в разработку передовых технологий, в частности в военной области.

** Хренов Иван Александрович (1906–1975) – сотрудник международного отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями стран народной демократии (1949–1953), с 1953 г. зам. директора в 1962–1969 гг. директор Института славяноведения АН СССР, член Комиссии историков Советского Союза и Польши, специализировался в области истории польского рабочего, революционного и коммунистического движения первой половины XX века (1966 – доктор исторических наук).

*** Тадеуш Котарбиньский (1886–1981) – ректор Университета в Лодзи, Президент ПАН (1957–1962), профессор Варшавского университета, основные труды в области логики и этики.

**** Януш Грошковский (1898–1984) – специалист в области электроники и радиотехники, директор Государственного института телекоммуникаций (1945–1951), вице-президент ПАН (1957–1962), Президент ПАН (1962–1971), посол Сейма ПНР.

***** Витольд Новацкий (1911–1986) – один из основателей Польской академии наук, специалист в области механики, напряженности и термонапряженности металлов, ученый секретарь Отделения технических наук ПАН (1952), заместитель главного ученого секретаря ПАН (1957–1965), вице-президент (1969–1977) и Президент ПАН (1978–1980)

В заключение, поблагодарив за «теплый прием и гостеприимство», он особо отметил, что пребывание советской делегации в Варшаве ее участники «намерены использовать для близкого ознакомления с научными институтами ПАН и для установления личных контактов с польскими учеными»²¹.

Официальные переговоры по подготовке соглашения проходили 23–27 марта, однако, как следует из протокола работы делегаций²², уже 22 марта на первом заседании обе делегации обменялись предварительными подготовленными проектами текстов соглашения и условились принять за основу вариант, предложенный советской стороной. В дальнейшем была образована редакционная комиссия для подготовки окончательного текста соглашения, а также польской стороной был принят «с небольшими изменениями» совместный план научно исследовательских работ. В итоге основные вопросы подготовки соглашения были разрешены, предстояло только согласовать участие в совместной работе Академии медицинских наук СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, академий наук союзных республик. Предстояло также «провести консультации» по предложенной польской стороной тематике совместных научных исследований. Хотя эти предложения и были в принципе одобрены, однако еще предстояло определить с советской стороны для их реализации институты-партнеры. Оставался невыясненным вопрос о согласовании нынешнего плана научно-исследовательских работ с аналогичным планом, который предполагалось принять во исполнение Соглашения о культурном сотрудничестве между Польшей и СССР от 30 июня 1956 г.

К осени 1957 г. эти вопросы были успешно разрешены, когда в ноябре состоялось заседание смешанной Польско-советской комиссии по подготовке плана реализации Соглашения о культурном сотрудничестве между Польшей и СССР на 1958 год²³, а затем, в декабре в Варшаве, прошло заседание XII сессии Польско-советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству²⁴.

В те же самые дни одновременно с варшавской сессией делегация Польской академии наук прибыла в Москву, где в торжественной обстановке 21 декабря 1957 г. состоялось подписание Соглашения о научном сотрудничестве между Польской академией наук и Академией наук СССР²⁵, от имени Польской академии наук – академиком Т. Котарбиньским, от имени Академии наук СССР – академиком А.Н. Несмеяновым. Тогда же академиками Х. Яблоньским и А.В. Топчиевым был подписан План научного сотрудничества между ПАН и АН СССР на 1958 год²⁶, согласно которому академии, в частности, обязались «координировать в течение 1958 года научные исследования в областях, поименованных в приложении № 2»*. Таким образом, сделанные в марте предложения польской

*К тексту соглашения, парафированному в Варшаве 27 марта 1957 г., были добавлены приложения № 1 и № 2. В первом содержались предложения по тематике совместных работ, внесенные советской стороной, во втором – польской стороной.

стороны были утверждены окончательно. В Плате также содержалось положение, что «в случае потребности подлежащие координации научные задания и тематика совместных научно–исследовательских трудов могут быть изменены по согласованию сторон», и предписывалось «научным учреждениям обеих академий, участвующим в проведении работ, поименованных в приложении № 1 и № 2, не позднее февраля 1958 г. согласовать планы совместных работ и планы координации»²⁷.

Как следует из текста Плана, принятого в декабре 1957 г., первоначально программа совместных исследовательских работ определялась ежегодно. Однако выработанная совместно обеими сторонами исследовательская тематика, да и сам характер научных исследований требовали более долгосрочного планирования, что и было установлено в дальнейшем, когда специальные протоколы предусматривали пятилетний цикл планирования совместных работ. В настоящее время, в соответствии с установленной практикой планирования научных работ в Российской и в Польской академиях наук, срок действия очередных Протоколов установлен в три года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр.: *Polski październik 1956 w polityce światowej / pod red. Jana Rowińskiego*. Warszawa: Polski Instytut spraw międzynarodowych, 2006; *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М.: Изд-во Индрик, 2005.

² *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. T. 11. Styczeń 1956 – grudzień 1960 / oprac. W. Bajcerak, E. Basiński, S.M. Falkowicz, I.I. Kostiuszko, P.N. Olszanski. Warszawa, 1987. S. 83–86.

³ *Ibidem*. S. 84.

⁴ В декларации провозглашалось: «В целях обеспечения взаимной безопасности социалистических стран Советское правительство готово рассмотреть с другими социалистическими странами – участниками Варшавского договора – вопрос о советских войсках, находящихся на территориях указанных выше стран. При этом Советское правительство исходит из того общего принципа, что размещение войск того или иного государства – участника Варшавского договора – на территории другого государства – участника Варшавского договора – производится по договоренности между всеми его участниками и только с согласия того государства, на территории которого по его просьбе размещены или имеется в виду разместить эти войска». *Ibidem*. S. 85.

⁵ Согласно Постановлению Правительства СССР (*Известия 18.01.1955 г. № 14*) «Советское правительство сделало предложение Китайской Народной Республике, Польской Народной Республике, Чехословацкой Республике, Румынской Народной Республике и Германской Демократической Республике об оказании им всесторонней помощи в проектировании, поставке оборудования, постройке экспериментальных атомных котлов тепловой мощностью до пяти тысяч ки-

ловатт каждый и ускорителя элементарных частиц. <...> Ученым и инженерам этих стран будет предоставлена возможность ознакомиться с научно-исследовательскими работами, проводимыми в СССР в области использования атомной энергии для мирных целей и с работой опытных атомных котлов». См.: *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. Т. 10. Styczeń 1950 – grudzień 1955 / oprac. W. Bajcerak, E. Basiński, S.M. Falkowicz, I.I. Kostiuszko, P.N. Olszanski. Warszawa, 1982. S. 399. 23 апреля 1955 г. в Москве было заключено Соглашение между Правительством ПНР и Правительством СССР о предоставлении Польше со стороны СССР помощи в развитии исследований в области физики атомного ядра и применения атомной энергии в народном хозяйстве. *Ibidem*. S. 444–446.

⁶ *Życie Warszawy 19.04.1955 Nr. 92*; *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. Т. 10. S. 438–441.

⁷ *Ibidem*. S. 506–507.

⁸ *Ibidem*. S. 506.

⁹ Протокол сессии от 15 декабря 1955 г. см.: *Ibidem*. S. 503–505.

¹⁰ *Ibidem*. S. 504–505.

¹¹ *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. Т. 11. Styczeń 1956 – grudzień 1960 / oprac. W. Bajcerak, E. Basiński, S.M. Falkowicz, I.I. Kostiuszko, P.N. Olszanski. Warszawa, 1987. S. 48–51.

¹² *Ibidem*. S. 110–112.

¹³ *Trybuna Ludu 7.02.1957*. *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich*. Т. 11. Styczeń 1956 – grudzień 1960. S. 112–113.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ 27 декабря 1956 г., Москва. – *Ibidem*. S. 107.

¹⁶ 23 августа 1957 г., Москва. – *Ibidem*. S. 159–160.

¹⁷ 4 октября 1957 г., Москва. – *Ibidem*. S. 168–169.

¹⁸ 28 ноября 1957 г., Москва. – *Ibidem*. S. 197–198.

¹⁹ *Ibidem*. S. 155–158.

²⁰ См.: Протокол заседания Комиссии 5 марта 1957 г., Москва. – *Ibidem*. S. 115–119.

* * *

Настоящая публикация включает Соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской академией наук, заключенное в Варшаве 27 марта 1957 года, Протокол работы делегаций Академии наук СССР и Польской академии наук по заключению указанного Соглашения и Приложения к нему за №№ 1 и 2, содержащие предложенную соответственно советской и польской сторонами тематику научных работ, проводимых совместно Польской академией наук и Академией наук СССР. Публикация осуществляется по оригиналу документов, хранящихся в Архиве Российской академии наук: ***Учреждение Российской академии наук архив РАН Фонд 579. Опись 1 доп. Том 1. Дело 687. Листы 1–30.***

В соответствии с оригиналом публикация выполнена на русском и польском языках с сохранением всех грамматических и стилистических

особенностей текста, в частности, в приведенных названиях учреждений, а также согласно размещению текста на листах архивного дела. Соглашение и Протокол подписаны К.В. Островитяновым (главой делегации АН СССР) и Тадеушем Котарбиньским – Президентом ПАН, возглавлявшим польскую делегацию. Ими же завизированы все страницы документов, включая приложения.

Текст Соглашения и протокол публиковались ранее в издававшихся параллельно в СССР и ПНР «Документах и материалах советско-польских отношений» (См.: Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. 11. Styczeń 1956 – grudzień 1960 / oprac. W. Bajcerak, E. Basiński, S.M. Falkowicz, I.I. Kostiuszko, P.N. Olszanski. Warszawa, 1987. №№ 69–70. S. 125–131). Однако в этом издании названные документы были опубликованы только на русском языке. Публикация на польском языке в настоящем издании осуществляется впервые. Приложения к Соглашению в издании «Документов и материалов...» опубликованы не были, а именно они представляют наибольший интерес, так как отражают позиции советских и польских ученых по научной проблематике, институциональным и организационным принципам сотрудничества академий наук двух стран. В настоящем издании тексты приложений также публикуются впервые.

Соглашение о научном сотрудничестве и дополняющие его документы существуют в двух вариантах: первый от 27 марта 1957 г., подписанный (парафированный) в Варшаве К.В. Островитяновым и Т. Котарбиньским, и второй от 21 декабря того же года, подписанный в Москве А.Н. Несмеяновым и Т. Котарбиньским. Второй (окончательный) вариант содержит некоторые редакционные изменения стилистического характера (в частности изменена разбивка текста Соглашения по параграфам). Однако эти изменения были незначительны и не повлияли на содержание документов. Поэтому для публикации был выбран первый вариант, который, с одной стороны, первый по времени составления и подписания, а с другой – несколько в большей степени отражает специфику подхода к проблеме научного сотрудничества каждой из сторон.

СОГЛАШЕНИЕ
о научном сотрудничестве в 1957 году между
Академией наук СССР и Польской Академией наук

В целях укрепления дружбы между советским и польским народами, дальнейшего развития братского научного сотрудничества советских и польских ученых, Академия наук СССР и Польская Академия наук заключают на 1957 год в соответствии с Соглашением между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Польской Народной Республики от 30 июня 1956 г. о культурном сотрудничестве следующее соглашение:

I

Научное сотрудничество

1. Академия наук СССР и Польская Академия наук будут оказывать друг другу необходимую помощь в научных исследованиях путем взаимного консультирования, командирования научных работников, обмена научно-исследовательскими планами и информационно-справочными материалами.

2. Родственные по научному профилю научно-исследовательские учреждения академий установят между собой непосредственный контакт и сотрудничество. При необходимости эти научно-исследовательские учреждения будут обмениваться планами научно-исследовательских работ, а также информацией о проводимых научных исследованиях и достигнутых результатах.

Л. 2

3. Академии наук обмениваются перечнями тем научных исследований, по которым целесообразно проводить совместную работу.

Соответствующие научные учреждения академий предпримут необходимые меры для конкретного согласования и осуществления совместных научных исследований.

4. Академии наук, в пределах своих возможностей, приглашают научных работников другой стороны на важнейшие съезды, конференции, совещания и прочие научные мероприятия, представляющие взаимный интерес.

5. Академии наук, при необходимости, будут оказывать друг другу поддержку при вступлении в международные научные организации и осуществлять, через своих представителей, сотрудничество в процессе работы этих организаций и на международных конгрессах.

6. Обе Академии оказывают друг другу содействие в установлении связей с научными учреждениями, архивами и библиотеками своей страны, не входящими в состав Академий.

Академии наук содействуют, по возможности, друг другу в приобретении научной литературы, фотокопий и микрофильмов, а также других материалов и приборов для научных целей.

Связанные с этим расходы несет заказчик, если не будет особой договоренности по этому вопросу.

II

Обмен научной литературой и информационно-справочными материалами

7. Обмен книгами и журналами, а также передача книг во временное пользование по международному абонементу осуществляются, как и ранее, в централизованном порядке Библиотекой Академии наук СССР и Фундаментальной библиотекой по общественным наукам Академии наук СССР, с одной стороны, и Центром распространения научных изданий Польской Академии наук, с другой стороны, на основе непосредственной договоренности между ними.

Л. 3

Библиотеки Академии наук СССР и Центр Библиографии и научной документации Польской Академии наук высылают друг другу микрофильмы и фотокопии в порядке обмена или, по договоренности, за счет заинтересованной Стороны.

8. Академии наук будут оказывать содействие в опубликовании в своих научных журналах статей, подготовленных научными сотрудниками другой Стороны.

9. Издательства академий обмениваются годовыми планами издания научной литературы на 1957 год и будут осуществлять сотрудничество на основе непосредственной договоренности.

10. Академии наук будут обмениваться также следующими информационными материалами:

а/ сведениями о научных учреждениях академий и списками академиков и членов-корреспондентов;

б/ сведениями о членстве академий, представителях и их работе в международных научных организациях;

в/ информацией об участии в международных научных конгрессах;

III

Научные командировки

11. Академия наук СССР примет, в порядке эквивалентного обмена, научных работников Польской Академии наук всего сроком на 50 месяцев для ознакомления с научными исследованиями и обмена опытом в академических учреждениях.

Польская Академия наук примет, в порядке эквивалентного обмена, научных работников Академии наук СССР всего сроком на 50 месяцев

для ознакомления с научными исследованиями и обмена опытом в академических научных учреждениях.

Л. 4

Расходы по этим командировкам, за исключением проезда в страну и обратно, несет принимающая Сторона в соответствии с п. 20 настоящего Соглашения.

Программа работы командируемых должна, в основной своей части, соответствовать профилю академических научных учреждений.

12. Академии наук могут, по договоренности с принимающей Стороной, направлять в научные командировки работников сверх указанных в п. 11 для ознакомления, обмена опытом, проведения совместных научных работ и пр.

В этом случае расходы по командировке несет направляющая Сторона, включая оплату услуг переводчика.

13. Академии наук могут приглашать научных работников другой Стороны для оказания научной и научно-организационной помощи, для консультаций и экспертиз, чтения лекций и докладов.

В этом случае направляющая Сторона, по возможности, учитывает персональные пожелания приглашающей Академии. Замена приглашенного лица другим работником той же научной специальности согласовывается с приглашающей Академией.

Расходы по этим командировкам, за исключением проезда в страну и обратно, несет приглашающая Сторона в соответствии с п. 20 Соглашения.

14. Академии наук, в пределах возможного, содействуют проведению одиночных и групповых поездок своих научных сотрудников за счет последних.

Принимающая Сторона в этом случае оказывает необходимую помощь в выполнении научной программы.

15. Академии наук обмениваются планами научных командировок по п.п. 11, 12, 13 и программами работ командируемых.

Л. 5

16. Академии наук предоставят возможность научным работникам другой Стороны проводить научно-исследовательскую работу в академических библиотеках, архивах и научных институтах.

17. При командировках по п.п. 11, 12 направляющая академия заблаговременно высылает подробную программу работы командируемого с указанием желательного времени приезда и необходимые сведения о нем. Если предполагается чтение лекций или докладов, то указывается их тема. По получении согласия от принимающей Академии принять данного научного работника направляющая Академия не менее, чем за 10 дней информирует телеграфно о предполагаемой дате отъезда.

Приглашения на съезды, конференции, совещания и т.п. /п. 4/ посылаются, как правило, за 2 месяца до проведения мероприятия с указанием

продолжительности пребывания в стране и порядка финансирования. Приглашенная Сторона за месяц до начала мероприятия информирует другую Сторону о том, будет ли, и кто именно, присутствовать в качестве ее представителя, сообщает возможные темы докладов и высылает тезисы.

IV

Финансовые положения

18. Расходы по проезду до места назначения и обратно во всех случаях командировок несет направляющая Сторона. Если таковое точно не известно, то местом назначения считается местопребывание принимающей Академии /Москва или Варшава/.

19. Делегатам на съезды, конференции и совещания /п. 4/ принимающая Академия обеспечивает гостиницу, питание, транспорт, культурное, бытовое и медицинское обслуживание и, при необходимости, услуги переводчика для групп делегатов, а также выплачивает денежные суммы на личные расходы в размере, установленном принимающей Стороной.

Л. 6

20. Научным сотрудникам, направляемым в порядке эквивалентного обмена /п. 11/ и по приглашению /п. 13/ принимающая Академия оплачивает гостиницу, питание, разъезды по стране /по договоренности/, культурное, бытовое и медицинское обслуживание, и при необходимости, услуги переводчика, а также выплачивает денежные суммы на личные расходы.

Приглашенным для чтения лекций и докладов принимающая Сторона выплачивает соответствующий гонорар.

21. При командировках за счет направляющей Академии /п. 12/ она оплачивает все расходы, включая услуги переводчика.

22. Медицинское обслуживание, в случае заболевания в период командировки, обеспечивает принимающая Сторона.

23. Принимающая Академия может выдавать указанным в п.п. 19, 20 лицам суточные наличными деньгами для оплаты расходов на питание, культурное и бытовое обслуживание в соответствии с внутренними правилами принимающей Академии.

V

Общие положения

24. Настоящее Соглашение является составной частью плана культурного сотрудничества на 1957 год между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой.

25. Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его утверждения президиумами академий наук, о чем договаривающиеся Стороны поставят друг друга в известность.

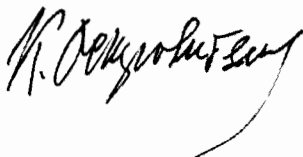
Л. 7

26. Вышеизложенные положения Соглашения могут быть в любое время полностью или частично изменены в течение 1957 года при условии обоюдного согласия академий наук на предлагаемые изменения.

27. Настоящее Соглашение подписано в Варшаве 27 марта 1957 года в двух экземплярах, каждый на русском и польском языках, при чем оба текста имеют одинаковую силу.

Варшава 27 марта 1957 г.

Руководитель делегации
Академии наук СССР ¹

Руководитель делегации
Польской Академии наук ²

¹ Подпись К.В. Островитянова

² Подпись Тадеуша Котарбиньского

POROZUMIENIE
o współpracy naukowej między Akademią Nauk Związku
Socjalistycznych Republik Radzieckich a Polską Akademią Nauk
na rok 1957

Pragnąc przyczynić się do wzmocnienia przyjaźni między narodami radzieckimi a narodem polskim oraz do rozwoju przyjacielskiej współpracy między naukowcami radzieckimi i polskimi, Akademia Nauk Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich i Polska Akademia Nauk opierając się na umowie o współpracy kulturalnej zawartej między Rządem Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich i Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej w dniu 30 czerwca 1956 r. zawierają następujące porozumienie:

I

Współpraca naukowa

1. Akademia Nauk Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich i Polska Akademia Nauk będą udzielać sobie niezbędnej pomocy w badaniach naukowych za pośrednictwem wzajemnych konsultacji, wymiany pracowników naukowych, planów naukowo-badawczych i materiałów informacyjnych.

2. Placówki i instytucje naukowo-badawcze ustalą między sobą bezpośredni kontakt i współpracę. W razie potrzeby placówki naukowo-badawcze będą wymieniać plany prac naukowo-badawczych oraz informacje o przeprowadzonych badaniach naukowych i osiągniętych rezultatach.

Л. 9

3. Obie Akademie będą wymieniały spisy tytułów prac naukowo-badawczych, które będą uważały za celowe do prowadzenia wspólnych prac.

Odpowiednie instytucje naukowo-badawcze podejmą niezbędne środki w celu konkretnego uzgodnienia i zrealizowania wspólnych badań naukowych.

4. W miarę możliwości obie Akademie będą zapraszały pracowników nauki drugiej Strony na ważniejsze kongresy, zjazdy, konferencje i inne imprezy naukowe, w których obydwie Strony są zainteresowane.

5. W miarę potrzeby obie Akademie będą udzielać sobie wzajemnie poparcia przy wstępowaniu do międzynarodowych organizacji naukowych i za pośrednictwem swoich przedstawicieli będą współpracować w pracach tych organizacji oraz na międzynarodowych kongresach.

6. Obie Akademie będą sobie udzielać wzajemnie pomocy w nawiązywaniu kontaktów z instytucjami naukowymi, archiwami i bibliotekami nie podlegającymi Akademiom.

Obie Akademie w miarę możliwości będą sobie udzielać wzajemnie pomocy w uzyskiwaniu literatury naukowej, fotokopii, mikrofilmów oraz innych materiałów i pomocy naukowych. Wszelkie koszty związane z tym ponosi Strona zamawiająca, jeśli nie ma w tej sprawie odpowiedniego porozumienia.

II

Wymiana literatury naukowej oraz materiałów informacyjnych

7. Wymiana publikacji i wydawnictw oraz wzajemne czasowe wypożyczenie książek jest realizowane centralnie w Polskiej Akademii Nauk za pośrednictwem Ośrodka Rozpowszechniania Wydawnictw Naukowych PAN, w Akademii Nauk Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich za pośrednictwem Biblioteki Akademii Nauk ZSSR i Fundamentalnej Biblioteki Nauk Społecznych, na podstawie bezpośredniego porozumienia między nimi.

П. 10

Biblioteka Akademii Nauk Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich i Ośrodek Bibliografii i Dokumentacji Naukowej Polskiej Akademii Nauk będą sobie wzajemnie wysyłać mikrofilmy i fotokopie na zasadzie wzajemności albo na koszt Strony zainteresowanej na zasadzie porozumienia.

8. Obie Akademie będą sobie udzielać pomocy w publikowaniu artykułów naukowych w wydawnictwach naukowych drugiej Strony.

9. Obie Akademie wymienią roczny plan wydawnictw naukowych na rok 1957 i nawiążą współpracę na podstawie bezpośredniego porozumienia.

10. Obie Akademie wymienią następujące materiały informacyjne:

a/ dane dotyczące placówek naukowych Akademii, członków rzeczywistych i korespondentów;

b/ dane dotyczące członkostwa obu Akademii, ich przedstawicieli oraz ich współpracy z międzynarodowymi organizacjami naukowymi;

c/ dane dotyczące udziału w międzynarodowych zjazdach naukowych.

III

Wymiana osobowa

11. Akademia Nauk Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich przyjmie na zasadzie wzajemności pracowników naukowych Polskiej Akademii Nauk w celu zapoznania ich z badaniami naukowymi i wymianą doświadczeń placówek naukowych Akademii na ogólny okres 50 miesięcy.

Polska Akademia Nauk przyjmie na zasadzie wzajemności pracowników naukowych Akademii Nauk Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich w celu zapoznania ich z badaniami naukowymi i wymianą doświadczeń placówek naukowych Akademii na ogólny okres 50 miesięcy.

Koszty związane z pobytem za wyjątkiem kosztów podróży tam i z powrotem pokrywa Strona przyjmująca zgodnie z punktem 20 niniejszego porozumienia.

П. 11

Program pobytu osoby delegowanej musi objąć w zasadzie placówki naukowe Akademii.

12. Obie Akademie mogą przyjąć większą ilość pracowników naukowych niż przewiduje to punkt 11 porozumienia, po uprzednim porozumieniu z dru-

gą Stroną w celu wymiany doświadczeń, przeprowadzenia wspólnych prac naukowych itd. W tym wypadku koszty związane z pobytem pokrywa całkowicie Strona wysyłająca, łącznie z opłatą tłumacza.

13. Obie Akademie mogą zapraszać pracowników nauki w celu udzielania wzajemnej pomocy naukowej i naukowo-organizacyjnej, przeprowadzania ekspertyz i konsultacji, wygłaszania referatów i wykładów. W tym wypadku Strona wysyłająca będzie brała pod uwagę w miarę możliwości życzenia Strony zapraszającej.

W wypadku zmiany osoby zaproszonej na inną osobę z tej samej specjalności, Strona wysyłająca uzgadnia ze Stroną zapraszającą.

Koszty związane z pobytem zaproszonego naukowca, za wyjątkiem kosztów podróży, pokrywa Strona zapraszająca zgodnie z punktem 20 porozumienia.

14. Obie Akademie w miarę możliwości okażą pomoc w organizowaniu pojedynczych lub zbiorowych wyjazdów pracowników naukowych na koszt zainteresowanych. W tym wypadku Strona przyjmująca udzieli niezbędnej pomocy w realizowaniu programu naukowego.

15. Obie Akademie wymienią wzajemnie plan wyjazdów naukowych zgodnie z punktem 11, 12 i 13 oraz program pobytu delegowanych.

16. Obie Akademie umożliwią pracownikom naukowym Strony drugiej przeprowadzenie prac naukowo-badawczych w bibliotekach, archiwach i instytutach naukowych podległych obu Akademiom.

17. Zgodnie z punktami 11 i 12 Strona wysyłająca prześle z góry program pobytu delegowanego z podaniem daty przyjazdu oraz niezbędnych danych o delegowanym. Jeśli przewidziane są wykłady i referaty, należy podać ich tytuły.

Л. 12

Po wyrażeniu zgody Strony przyjmującej Strona wysyłająca zawiadamia telegraficznie o dacie przyjazdu, nie później jednak jak na 10 dni przed wyjazdem.

Zaproszenia na kongresy, zjazdy, konferencje itd. /punkt 4/ wysyła się w zasadzie na dwa miesiące przed rozpoczęciem imprezy, z podaniem czasokresu trwania oraz podaniem kto ponosi koszty pobytu. Jeśli Strona zaproszona zgłosi udział, należy podać nazwisko przedstawiciela oraz tytuły ewentualnych referatów i ich tezy, na 1 miesiąc przed rozpoczęciem imprezy.

IV

Postanowienia finansowe

18. Strona wysyłająca pokrywa koszty podróży do miejsca przeznaczenia i z powrotem. W wypadku jeśli nie jest bliżej wiadome miejsce w którym naukowiec będzie pracował, punktem docelowym będą Warszawa i Moskwa.

19. Osobom przyjeżdżającym na zjazdy i konferencje /p. 4/ Strona przyjmująca zapewni hotel, wyżywienie, transport, rozrywki kulturalne, opiekę le-

karską, a w razie potrzeby przydzieli tłumacza do delegacji oraz wypłaci kieszonkowe w wysokości przewidzianej przepisami Strony przyjmującej.

20. Pracownikom naukowym wyjeżdżającym w ramach wymiany bezdewizowej /p. 11/ i na zaproszenie /p. 13/ Strona przyjmująca pokrywa koszty hotelu, wyżywienia, przejazdu wewnątrz kraju /zgodnie z porozumieniem/, rozrywki kulturalne, pomoc lekarską, w razie potrzeby tłumacza oraz wypłaca kieszonkowe na drobne wydatki. Naukowcom, którzy zostali zaproszeni w celu wygłoszenia referatów i wykładów, Strona przyjmująca wypłaca odpowiednie honoraria.

21. Delegowanym /p. 12/ Strona wysyłająca pokrywa wszelkie koszty łączne z tłumaczem.

22. W wypadku choroby – osobom delegowanym Strona przyjmująca zapewni opiekę lekarską.

Л. 13

23. Przyjeżdżającym pracownikom zgodnie z p. 19 i 20 może zostać wypłacona kwota gotówką na wyżywienie, kulturalne rozrywki i inne wydatki, zgodnie z obowiązującymi przepisami Strony przyjmującej.

V

Postanowienia ogólne

24. Niniejsze porozumienie stanowi część składową planu realizacji umowy o współpracy kulturalnej między Związkiem Socjalistycznych Republik Radzieckich i Polską Rzeczpospolitą Ludową.

25. Niniejsze porozumienie wchodzi w życie od momentu zatwierdzenia go przez Prezydium obu Akademii, o czym Strony umawiające powiadomią się wzajemnie.

26. Postanowienia niniejszego porozumienia mogą w całości lub częściowo ulegć zmianie w każdej chwili w ciągu roku 1957 przy obopólnej zgodzie obu Akademii na ewentualnie proponowane zmiany.

27. Tekst niniejszego porozumienia został sporządzony w dwóch egzemplarzach w języku rosyjskim i polskim, przy czym oba teksty mają jednakową moc obowiązującą.

Warszawa, dnia 27 marca 1957 r.

**Przewodniczący Delegacji Akademii
Nauk Związku Socjalistycznych
Republik Radzieckich**

**Przewodniczący Delegacji
Polskiej Akademii Nauk**

ПРОТОКОЛ РАБОТЫ
делегаций Академии наук СССР и Польской Академии наук
по заключению Соглашения о научном сотрудничестве
между Академиями на 1957 год.

I

Совместная работа обеих делегаций проходила в Варшаве с 22 по 27 марта 1957 года.

С Советской Стороны участвовала делегация в составе:

1. Проф. др. К.В. Островитянов — руководитель делегации
2. Проф. др. В.И. Спицын
3. Проф. др. В.А. Трапезников
4. Кандидат ист. наук И.А. Хренов
5. С.А. Соколов

С Польской Стороны участвовала делегация в составе:

1. Проф. др. Тадеуш Котарбинский — руководитель
2. Проф. др. Януш Грошковский
3. Проф. др. Витольд Новацкий
4. Проф. др. Станислав Арнольд
5. Проф. др. Витольд Стефанский
6. Проф. др. Михаил Смяловский
7. Проф. др. Мечислав Чая
8. Проф. др. Витольд Завадский
9. Проф. др. Владимир Михайлов
10. Проф. др. Стефан Минц
11. Проф. др. Павел Новацкий
12. Проф. др. Михаил Лунц

Л. 15

13. Мгр. дир. Збигнев Помяновский
14. Мгр. Генрих Костинский

На первом заседании делегаций 22 марта т. г. после приветственных речей руководителей обеих делегаций был произведен обмен проектами Соглашения, подготовленными Советской и Польской сторонами. Проект Соглашения, представленный Советской Стороной, по предложению делегации Польской Академии наук, был принят в качестве основы для дальнейшего обсуждения.

Для подготовки окончательного текста Соглашения было решено создать редакционную комиссию.

Делегация Академии наук СССР передала на рассмотрение делегации Польской Академии наук свои предложения о тематике научно-

исследовательских работ, которые было бы целесообразно проводить совместно. Указанная тематика совместных научно-исследовательских работ и предложения делегации Польской Академии наук по этому вопросу были обсуждены на втором заседании делегаций 23 марта т. г. Предложения Академии наук СССР по проведению совместных научных работ были приняты с некоторыми изменениями делегацией Польской Академии наук /приложение № 1/.

Результатом переговоров явилась выработка Соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской Академией наук на 1957 год. Кроме того, Стороны согласились о том, что:

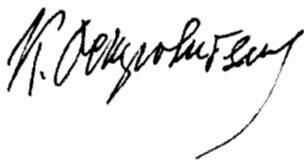
1. Академия наук СССР окажет Польской Академии наук помощь в установлении контактов с Академией Медицинских наук СССР, Всесоюзной Академией сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина и другими академиями наук Советского Союза.

Л. 16

2. Академия наук СССР рассмотрит внесенные Польской Академией наук предложения по тематике совместных научно-исследовательских работ /приложение № 2/ и о своем решении информирует Польскую Академию наук.

Варшава, 27 марта 1957 года

Руководитель делегации
Академии наук СССР

Руководитель делегации
Польской Академии наук

PROTOKÓŁ
obrad Delegacji Akademii Nauk Związku Socjalistycznych
Republik Radzieckich i Polskiej Akademii Nauk w sprawie podpisania
porozumienia o współpracy naukowej między Akademiami
na rok 1957

I

Obrady obu delegacji odbyły się w Warszawie w dniach od 22–27 marca 1957 r.

Ze strony radzieckiej – delegacja w następującym składzie:

1. Prof. dr. K.W. Ostrowitianow – Przewodniczący Delegacji
2. Prof. dr. W.I. Spicyn
3. Prof. dr. W.A. Trapeznikow
4. Kandydat nauk historycznych I.A. Chrenow
5. S.A. Sokołow

Ze strony polskiej – delegacja w następującym składzie:

1. Prof. dr. Tadeusz Kotarbiński – Przewodniczący Delegacji
2. Prof. dr. Janusz Groszkowski
3. Prof. dr. Witold Nowacki
4. Prof. dr. Stanisław Arnold
5. Prof. dr. Witold Stefański
6. Prof. dr. Michał Śmiałowski
7. Prof. dr. Mieczysław Czaja
8. Prof. dr. Witold Zawadowski
9. Prof. dr. Włodzimierz Michajłow
10. Prof. dr. Stefan Minc
11. Prof. dr. Paweł Nowacki
12. Prof. dr. Michał Łunc
13. Mgr. Zbigniew Pomianowski
14. Mgr. Henryk Kościński

Л. 18

Na pierwszym posiedzeniu w dniu 22 marca po przemówieniach powitalnych obie delegacje wymieniły między sobą projekty tekstów porozumień przygotowanych przez obie Strony.

Projekt tekstu porozumienia przedstawiony przez Stronę radziecką został przyjęty jako podstawa do dyskusji.

Ustalono powołanie komisji redakcyjnej dla opracowania ostatecznego tekstu porozumienia.

Delegacja radziecka przedstawiła Stronie polskiej do wspólnego rozpatrzenia propozycje dotyczące problematyki wspólnych badań naukowych. Dezy-

deraty problematyki wspólnych badań naukowych delegacji polskiej i radzieckiej były dyskutowane na drugim posiedzeniu delegacji w dniu 23 marca.

Propozycje dotyczące tematyki wspólnych badań naukowych przedstawione przez delegację radziecką zostały przez Stronę polską przyjęte z niewielkimi zmianami.

W wyniku przeprowadzonych rozmów został opracowany tekst porozumienia o współpracy naukowej między Akademią Nauk ZSRR i Polską Akademią Nauk na rok 1957.

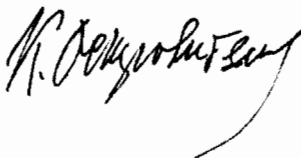
Ponadto obie Strony uzgodniły:

1. Akademia Nauk ZSRR udzieli pomocy Polskiej Akademii Nauk w nawiązaniu kontaktów z Akademią Nauk Medycznych ZSRR, Wszechzwiązkową Akademią Nauk Rolniczych im. W.Lenina oraz innymi Akademią Nauk republik związkowych.

2. Akademia Nauk ZSRR przekonsultuje zaproponowane przez Stronę polską dezyderaty dotyczące tematyki wspólnych badań naukowych /załącznik Nr 2/ i poinformuje Polską Akademię Nauk o powziętej decyzji w tej sprawie.

Warszawa, dnia 27 marca 1957 r.

Przewodniczący Delegacji Akademii
Nauk Związku Socjalistycznych
Republik Radzieckich

Przewodniczący
Delegacji Polskiej
Akademii Nauk

ТЕМАТИКА
научных работ, проводимых совместно Польской Академией наук
и Академией наук СССР

№ пп	Название темы	Научные учреждения и руководители работ	
		Польская Академия наук	Академия наук СССР
		<u>Физика</u>	
1.	Исследования в области ультразвука и его технических применений	Институт основных проблем техники /член-корр. И. Малецкий/	Акустический институт
2.	Исследования по физике полупроводников и новым полупроводниковым материалам	Институт основных проблем техники /акад. Я. Грошковский/	Институт полупроводников и Лаборатория акад. Б.М. Вула в Физическом институте
		<u>Химия</u>	
3.	Изучение атмосферной радиоактивности и работы в области физики космических лучей	Институт ядерной физики /проф. М. Даньш/	Радиевый институт
4.	Синтез и исследование полимеров, пригодных для изготовления синтетических волокон	Лаборатория органического синтеза	Институт элементо-органических соединений

5.	Химия комплексных соединений рения	Институт физической химии /акад. проф. В. Пшебятковский/	Институт общей и неорганической химии /доктор хим. наук В. Г. Тронеv/
<u>Л. 20</u>			
6.	Теория флотации /электрические и молекулярно-поверхностные силы в механизме флотации/	Институт физической химии /акад. В. Пшебятковский/	Институт физической химии /акад. П. А. Ребиндер, член-корр. Б. В. Дерягин/
7.	Теория электрохимической коррозии /атмосферная, почвенная и морская коррозия/ металлов и методы их защиты	Институт физической химии /член-корр. М. Смяловский, проф. С. Минц/	Институт физической химии /проф. Н. Д. Томашев/
8.	Контактный катализ и кинетика каталитических реакций, исследование структуры катализаторов, исследование механизма и технической кинетики важнейших химических реакций	Институт физической химии /акад. В. Пшебятковский/	Институт физической химии /член-корр. С. З. Рогинский/
9.	Исследование механизма электродных процессов	Институт физической химии /член-корр. М. Смяловский, проф. С. Минц/	Институт физической химии /акад. А. Н. Фрумкин/
10.	Наводораживание металлов	Институт физической химии /член-корр. М. Смяловский/	Институт физической химии /проф. К. М. Горбунов/
11.	Кислотно-каталитические процессы	Институт физической химии /член-корр. М. Смяловский/	Институт химической физики

Геология

12. История угленакпления на территории СССР и стран народной демократии /карбоновый этап угленакпления/
Лаборатория геологических наук /акад. Я. Самсонович/
Лаборатория геологии угля /член-корр. И.И. Горский/

Л. 21**Биология**

13. Изучение растительного покрова Карпат
Институт ботаники /акад. В. Шафер/
Ботанический институт /проф. В.В. Сочава/
14. Картография растительности Польши и западных территорий СССР
— " —
Ботанический институт
15. Разработка единой систематики, таксономии и классификации почв
Отдел сельскохозяйственных наук¹ /член-корр. А. Мусерович/
Почвенный институт
16. Работы по природной очаговости болезней в Польше
Лаборатория паразитологии /акад. В. Стефанский/
Зоологический институт
17. Интродукция и акклиматизация новых для средней полосы европейской части СССР древесных растений
Лаборатория помологии и дендрологии /проф. С. Бялобок/
Главный ботанический сад /проф. П.С. Лапин/
18. Эволюция физиологических функций животных и человека
Институт эксп. биологии имени Ненского /член-корр. Е. Конорский/
Институт эволюционной физиологии /акад. Л.А. Орбели/

19.	Исследования по засухоустойчивости растений	Лаборатория физиологии растений / проф. Ф. Гурский и член-корр. А. Листовский/	Институт физиологии растений
<u>Техника</u>			
20.	Разработка программы исследований по единой энергетической системе Восточной Европы	Комитет электрификации Польши / акад. Я. Якубовский/	Энергетический институт
<u>Л. 22</u>			
21.	Получение чистых металлов	Институт основных проблем техники / акад. А. Крупковский/	Институт металлургии / член-корр. Д. М. Чижиков/
22.	Термодинамические исследования процессов стали	Институт основных проблем техники / акад. А. Крупковский/	Институт металлургии / член-корр. А.М. Самарин/
<u>История</u>			
23.	Совместное издание документов и материалов польского восстания 1863 г.	Институт истории / проф. С. Кеневич/	Институт славяноведения / научн. сотр. В.Д. Королок, И.С. Миллер/
24.	«Народы Центральной и Восточной Европы» / том серии «Народы мира»/	Институт истории материальной культуры / проф. В. Хенсель/	Институт этнографии / доктор исторических наук П.И. Кушнер. С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров/

25.	«Революционное движение в России весной и летом 1905 года» /сборник документов/	Институт истории /член-корр. Т.Мантойфель/	Институт истории / канд. ист. наук Н.С. Трусова/
26.	«Революционное движение в России в 1906 году»	— " —	Институт истории / научн. сотруд. Л.М. Иванов/
27.	Кельтские влияния на юге Польши	Институт истории материальной культуры /проф.А.Гейштор/	Институт истории материальной культуры
28.	Проблема памятников позднеримского периода с так называемой серой керамикой. Установление их идентичности или неидентичности черняковским памятникам на Украине	— " —	Институт истории материальной культуры
<u>Л. 23</u>			
29.	Русско-польские музыкальные связи	Отделение общественных наук
ПАН — Комитет истории искусств	Институт истории искусств
/доктор истор. наук
И.Ф. Бэлза/
30.	Польское искусство конца XVIII — начала XIX века	— " —	Институт истории искусств /научн. сотруд.
Л.И. Тананаева/
31.	Народное зодчество и прикладное искусство	Отделение общественных наук
ПАН — Комитет истории искусств	Институт истории искусств
/канд.ист.наук И.В. Мако-вецкий, д-р искусствоведе-ния М.А Ильин/

Экономика, философия и право

32.	«Вопросы социалистической индустриализации стран народной демократии» /монография/	Отдел экономики /проф. Б. Минц/	Институт экономики
33.	«Развитие и укрепление мировой социалистической системы хозяйства» /сборник статей/	Отдел экономики /проф. Б. Минц/	Институт экономики
34.	«Особенности развития производственной кооперации в сельском хозяйстве стран народной демократии» /монография/	Отделение сельскохозяйственных наук /проф. Ф. Делиц/	Институт экономики /канд.экон.наук
В.Н. Стародубровская/
35.	Высшие представительные органы стран народной демократии	Институт права /член-корр.
С. Сливинский/	Институт права
<u>Литература и языковедение</u>			
36.	Творчество М. Конопницкой и развитие реализма в польской литературе конца XIX и начала XX вв.	Институт литературных исследований /член-корр.
К. Выка/	Институт мировой литературы

TEMATYKA

**wspólnych prac naukowych prowadzonych przez
Akademię Nauk ZSRR i Polską Akademię Nauk**

Nr	Tytuł tematu	Instytut naukowy odpowiedzialny za pracę	
		Polska Akademia Nauk	Akademia Nauk ZSSR
		Fizyka	
1.	Badania w dziedzinie ultradźwięków i ich techniczne zastosowanie	Instytut Podstawowych Problemów Techniki /czł.koresp.prof. dr. I. Malecki/	Instytut Akustyki
2.	Badania w dziedzinie fizyki półprzewodników i nowych materiałów półprzewodnikowych	Instytut Podstawowych Problemów Techniki /akad. prof. dr. J. Groszkowski/	Instytut Półprzewodników, Pracownia B.M. Buły w Instytucie Fizyki
		Chemia	
3.	Badania w dziedzinie radioaktywności w atmosferze i prace w dziedzinie fizyki promieni kosmicznych	Instytut Badań Jądrowych /prof. M. Danysz/	Instytut Radowy
4.	Synteza i badania polimerów używanych przy przygotowywaniu syntetycznych włókien	Pracownia Syntezy Organicznej	Instytut Chemii Organicznej

5.	Chemia związku kompleksowych renu	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. W. Trzebiatowski/	Instytut Chemii Ogólnej Nieorganicznej /dr.nauk chem. W.G. Tro- new/
6.	Teoria flotacji /siły elektryczne i molekularno-powierzchniowe w mechanizmie flotacji/	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. W. Kamiński/	Instytut Chemii Fizycznej /akad. P.A. Rebinder, czł.koresp. B.W. Deriagin/
7.	Teoria korozji elektrochemicznej /atmosfera, gruntowa, morska/ metali i metod ich ochrony	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. M. Śmiałowski, prog.dr. S. Minc /	Instytut Chemii Fizycznej /prof. N.D. Tomaszew/
<u>Л. 25</u>			
8.	Kataliza kontaktowa i kinetyka reakcji katalitycznych, badania struktury katalizatorów, badania mechanizmu i technicznej kinetyki ważniejszych reakcji chemicznych	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. W. Trzebiatowski/	Instytut Chemii Fizycznej /czł. koresp. S.Z. Rogiński/
9.	Badania mechanizmu procesów elektrodowych	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. M. Śmiałowski, prof.dr. S. Minc/	Instytut Chemii Fizycznej /akad. A.N. Trumkin/
10.	Nasywanie metali wodorem	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. M. Śmiałowski/	Instytut Chemii Fizycznej /prof. K.M. Gorbunow/
11.	Procesy kwaso-katalityczne	Instytut Chemii Fizycznej /prof.dr. M. Śmiałowski/	Instytut Chemii Fizycznej

Geologia

12. Historia nagromadzenia węgla na terytorium ZSSR oraz krajów demokracji ludowej /karbonowy okres nagromadzenia węgla/

Zakład Nauk Geologicznych / akad. J. Samsonowicz/

Pracownia geologii węgla /czł.koesp. I.I. Gorski/

Biologia

13. Studia nad roślinnością Karpat

Instytut Botaniki /akad. W. Szafer/

Instytut Botaniki /prof. W.W. Soczawa/

14. Kartografia roślin Polski oraz zachodnich terytoriów ZSSR

Instytut Botaniki /akad. W. Szafer/

Instytut Botaniki

15. Opracowanie wspólnego systemu taksonomii i klasyfikacji gruntu

Wydział Nauk Rolniczych /czł. koesp. A. Masierowicz/

Instytut Gruntów

16. Prace nad naturalną ogniskowością chorób w Polsce

Zakład Parazytologii /akad. W. Stefański/

Instytut Zoologii

17. Introdukcja i aklimatyzacja nowych roślin drzewiastych dla środkowej strefy europejskiej części ZSSR

Zakład Dendrologii i Pomologii /prof. dr. S. Białobok/

Główny Ogród Botaniczny /prof. P.I. Łapin/

Л. 26

18. Ewolucje funkcji fizjologicznych u zwierząt i ludzi

Instytut Biologii Doświadczalnej im. M. Nenckiego /czł. koesp. E. Korski/

Instytut Ewolucyjny Fizjologii u zwierząt /akad. Ł.A. Orbeli/

19. Badania nad wytrzymałością na wysychanie roślin

Zakład Fizjologii Roślin /prof. dr. F. Górski, czł. koesp. A. Listowski/

Instytut Fizjologii Roślin

Technika

20. Opracowanie programu badań nad wspólnym systemem energetycznym Europy Wschodniej
Instytut Energetyki
21. Uzyskiwanie metali czystych
Instytut Metalurgii /czł. koresp. D.M. Czyżykow/
Instytut Metalurgii /czł. koresp. A.M. Samarin/
22. Badania termodynamiczne procesów stali
Instytut Podstawowych Problemów Techniki /akad. A. Krupkowski/
Instytut Podstawowych Problemów Techniki /akad. A. Krupkowski/
23. Wspólne wydanie dokumentów i materiałów dotyczących Powstania 1863 r.
Instytut Historii /prof. dr. St. Kieniewicz/
Instytut Językoznawstwa / pracownicy naukowi W.D. Koroliuk, I.S. Miller/ ²
24. «Ludy Centralnej i Wschodniej Europy» /tom serii «Narody Mira»/
Instytut Historii Kultury Materialnej /prof. dr. W. Hensel/
Instytut Etnografii /pracownicy naukowci P.I. Kuszner, S.A. Tokariow, N.N. Czeboksarow/
25. «Ruch rewolucyjny w Rosji – wiosna i lato 1905 r.» /zbiór dokumentów/
Instytut Historii /czł.koresp. prof. dr. T. Manteuffel/
Instytut Historii /kand. hist. nauk N.S. Trusowa/
26. «Ruch rewolucyjny w Rosji w 1906 r.»
Instytut Historii /czł. koresp. prof. dr. T. Manteuffel/
Instytut Historii / prac. nauk L.M. Iwanow/
27. Wpływy celtyckie na południu Polski
Instytut Historii Kultury Materialnej /prof. dr. A. Gieysztor/

Л. 26

28. Problem zabytków późnorzymskiego okresu tak zwanej szarej ceramiki. Ustalenie
Instytut Historii Kultury Materialnej /prof. dr. A. Gieysztor/

identyczności zabytków czerniakowskich na Ukrainie

29.	Stosunki rusko-polskie w dziedzinie muzyki	I Wydział – Komitet Historii Sztuki	Instytut Historii Sztuki /dr.histor. nauk I.F. Belza/
30.	Sztuka Polska końca XVIII i początku XIX w.	I Wydział – Komitet Historii Sztuki	Instytut Historii Sztuki /prac.nauko-wy L.I. Tananaewa/
31.	Architektura ludowa i sztuka stosowana	I Wydział – Komitet Historii Sztuki	Instytut Historii Sztuki /kand.nauk hist. I.W. Makowiecki, dr. nauk w dziedzinie sztuki M.A. Iljin/
<u>Ekonomia, Filozofia i Prawo</u>			
32.	«Zagadnienia uprzemysłowienia socjalistycznego w krajach demokracji ludowej» /Monografia/	Zakład Ekonomii /prof.dr. B.Minc/	Instytut Ekonomii
33.	«Rzeczy i umocnienie światowego socjalistycznego systemu gospodarki» /Zbiór artykułów/	Zakład Ekonomii /prof.dr. B.Minc/	Instytut Ekonomii
34.	«Cechy charakterystyczne kooperacji przemysłowej w rolnictwie krajów demokracji ludowej» /Monografia/	Wydział Nauk Rolniczych, Komisja Ekonomiki Rolnej	Instytut Ekonomii /kand.nauk ek. W.N.Starodubrowska/
35.	Najwyższe władze administracyjne krajów demokracji ludowej	Instytut Prawa /czł.koresp.S.Śliwiński/	Instytut Prawa
<u>Literatura i Językoznawstwo</u>			
36.	Twórczość Marii Konopnickiej i rozwój realizmu w końcu XIX i na początku XX w.	Instytut Badań Literackich /czł.koresp.K.Wyka/	Instytut Literatury Światowej

ПРЕДЛОЖЕНИЯ
Польской Академии наук по тематике совместных научных работ

№ пп	Название темы	Научные учреждения и руководители работ	
		Польская Академия наук	Академия наук СССР
Химия			
1.	Синтез и особенности нитропарафинов	Лаборатория органического синтеза /акад. Т. Урбанский/	
2.	Исследования в области синтеза и свойств фосфо-органических соединений как средств охраны растений	Лаборатория органического синтеза /акад. Т. Урбанский/	
3.	Применение изотопных методов в химических исследованиях	Институт физической химии /акад. В. Тшебятковский/	Институт физической химии /член-корр. В.И. Спицын/
Техника			
4.	Исследования магнетических материалов	Институт основных проблем техники /проф. А. Смолинский/	
5.	Динамика газов /неустановившиеся ультразвуковые потоки, конические и молекулярные течения/	Институт основных проблем техники /член-корр. Ю. Бондер, проф. М. Лунц/	Институт механики АН СССР

6.	Вопросы термоупругости	Институт основных проблем техники /акад. В. Новацкий/	—"
Л. 29			
7.	Исследования по теории пластичности	Институт основных проблем техники /акад. В. Ольшак/	Институт механики АН СССР
8.	Металлургия сплавов с малым содержанием меди	Институт основных проблем техники /акад. А. Крупковский/	—"
9.	Вопросы борьбы с подземными пожарами в угольных шахтах	Лаборатория горного дела /акад. В. Будрык/	—"
<u>История</u>			
10.	Археологические исследования в Ольби ³	Институт истории материальной культуры /член-корр. К. Маевский/	Институт археологии Украинской Академии наук
<u>Литература и языкознание</u>			
11.	Совместное издание персидских и арабских источников по истории славян	Отдел ориенталистики /член-корр. А. Заюнчковский/	Институт востоковедения АН СССР
12.	Этимологический турецкий словарь	—"	—"
13.	Исследования в области диалектологии славянских стран	Отдел языковедения /член-корр. З. Штибер/	Институт языкознания и Институт славяноведения

DEZYDERATY

Polskiej Akademii Nauk w sprawie wspólnych badań naukowych między
Polską Akademią Nauk a Akademią Nauk ZSSR

Nr	Tytuł tematu	Instytut naukowy odpowiedzialny za pracę	
		Polska Akademia Nauk	Akademia Nauk ZSSR
	Chemia		
1.	Synteza i właściwości nitroparafiny	Zakład Syntezy Organicznej /akad. prof. dr. T. Urbanski/	
2.	Badania w dziedzinie syntezy i właściwości związków fosforowo-organicznych jako środków ochrony roślin	Zakład Syntezy Organicznej /akad. prof. dr. T. Urbanski/	
3.	Zastosowanie metod izotopowych w badaniach chemicznych	Instytut Chemii Fizycznej /akad. prof. dr. W. Trzebiatowski/	Instytut Chemii Fizycznej /czł. koresp. W.I. Spicyn/
	Technika		
4.	Badania materiałów magnetycznych	Instytut Podstawowych Problemów Techniki /prof. A. Smoliński/	
5.	Dynamika gazów /przepływy naddźwiękowe nieustalone, przepływy stożkowe i molekularne/	Instytut Podstawowych Problemów Techniki /czł.koresp.prof. dr. J. Bonder, prof. dr. Michał Łunc/	Instytut Mechaniki Akademii Nauk ZSSR
6.	Zagadnienia termosprężystości	Instytut Podstawowych Problemów Techniki /akad. prof. dr. W. Nowacki/	— " —

7.	Badania w dziedzinie teorii plastyczności	Institut Podstawowych Problemów Techniki /akad. prof. W. Olszak/	—
8.	Stopy z małą zawartością miedzi	Institut Podstawowych Problemów Techniki /akad. prof. dr. A. Krupkowski/	—
Л. 31			
9.	Zagadnienia walki z pożarami podziemnymi w kopalniach węgla	Zakład Mechaniki Górotworu /akad. prof. dr. W. Budryk/	
Historia			
10.	Badania archeologiczne w Olbii	Institut Historii Kultury Materialnej /czł. koresp. prof. K. Majewski/	Institut Archeologii Ukrainśkiej Akademii Nauk
Literatura i językoznawstwo			
11.	Wspólne badania perskich i arabskich źródeł historii Słowian	Zakład Orientalistyki /czł. koresp. prof. A. Zajęzkowski/	Institut Wschodni Akademii Nauk ZSSR
12.	Etymologiczny Słownik Turecki	—	—
13.	Badania w dziedzinie dialektologii krajów słowiańskich	Zakład Językoznawstwa /czł. koresp. prof. Z. Stieber/	Institut Językoznawstwa ⁴

Подготовка публикации, вступительная статья и комментарии
Л. П. Марней, Б. В. Носов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Комитет сельскохозяйственных наук Польской академии наук.

² В Приложении № 1 на русском языке в этом пункте назван также Институт славяноведения АН СССР. В. Д. Королюк и И. С. Миллер — научные сотрудники Института славяноведения АН СССР.

³ В Ольвии.

⁴ В Приложении № 2 на русском языке в этом пункте назван также Институт славяноведения АН СССР.

**Материалы
«Дней польской науки
в Российской Федерации»**

(октябрь 2008 года)

Сотрудничество Российской и Польской академий наук: взгляд сквозь годы

Доклад Президента Российской академии наук
академика Ю.С. Осипова
на совместном торжественном заседании Президиумов
Российской академии наук и Польской академии наук
14 октября 2008 г.

Глубокоуважаемые коллеги, дорогие гости, дамы и господа!

Проходящие в этом году «Дни польской науки в России» стали за последние годы уже третьим выдающимся форумом российских и польских ученых, деятелей науки и культуры. «Дни ...» 2008 года, главное событие которых происходит сегодня в Москве, приурочены к 50-летию Соглашения о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук. Истекшие полвека ознаменовались грандиозными переменами в жизни наших народов, в экономическом, социальном и политическом облике российского и польского общества. В истории российской и польской науки эти годы были наполнены напряженной совместной творческой работой наших институтов, научных коллективов. Вехами на этом пути стали выдающиеся открытия, убедительно свидетельствующие, что наука в наших странах по праву движется в авангарде мирового научного прогресса.

Думается, что полувековой опыт нашего сотрудничества должен послужить не столько поводом для торжественного рапорта о достижениях, сколько основанием для глубокого анализа избранной стратегии и основных направлений совместного научного поиска, истории совместной работы, практики разрешения сложных научных и научно-организационных проблем, наших успехов и неудач на тернистом пути научного познания.

В предлагаемом докладе я позволю себе остановиться на основных этапах истории нашего научного сотрудничества, на его важнейших направлениях, на оценке его достижений и проблем, а также на уроках, которые, по нашему мнению, из этого следуют. Хотел бы предварительно также констатировать, о чем не раз мне приходилось говорить и раньше, что из всех стран, где ныне существуют академии наук как национальные комплексы научно-исследовательских центров и учреждений, Россия и Польша располагают академиями, наиболее значительными как по своему научному потенциалу, так и по уровню научных достижений. Это, несомненно, является бесценным национальным достоянием, созданным трудом народов наших стран, усилиями и талантом многих поколений российских и польских ученых.

* * *

История взаимных связей российской и польской науки, сотрудничества российских и польских просветителей и ученых охватывает столетия. Однако когда мы говорим о сотрудничестве наших академий, то его исходный этап относится к пятилетию 1952–1957 гг., когда в 1952 г. в соответствии с решениями Первого Конгресса польской науки была основана Польская академия наук. Это было, по сути дела, первое послевоенное десятилетие, когда наши страны, в частности, и наука России и Польши, понесла невиданные потери в годы Второй мировой войны, восстанавливали свой потенциал. Тогда в наших институтах рядом с выдающимися учеными старшего поколения включались в исследовательскую работу вчерашние фронтовики и участники антифашистского подполья, а также университетская и вузовская молодежь. Не могу не сказать о творческой атмосфере тех лет, об оптимизме ученых, закладывавших фундамент нашего сотрудничества. Для наших старших коллег и наших сверстников научные связи с польскими учеными тогда стали как бы продолжением единения наших народов, установившегося на полях битвы с гитлеровским фашизмом.

АН СССР оказала тогда Польской академии наук, всей польской науке существенную помощь в восстановлении материальной базы, в подготовке научных кадров, в развитии новых научных направлений, которые ранее не были представлены в Польше — ядерной физики, физики полупроводников, вычислительной техники, геофизики, квантовой химии и др. Уже в тот период были приняты важнейшие решения по организации и формам научного сотрудничества между академиями наук наших стран. В дальнейшем они были проверены временем, и, как показывает практика, не утратили своего значения и поныне.

Планируя наше сотрудничество, руководство наших академий исходило из потребности его развития по всем основным направлениям фундаментальной науки, уделяя главное внимание новейшим приоритетным направлениям научных исследований. В основу нашего сотрудничества был также заложен принцип единства фундаментальных и прикладных исследований, непосредственной связи науки и практики. Особое внимание было уделено формированию научных кадров, тесной связи академической и университетской науки с учебным процессом, нацеленным на обеспечение преемственности поколений исследователей, на привлечение в науку талантливой молодежи, на создание условий для ее профессионального роста и творческого развития. Хотелось бы подчеркнуть, что эти же задачи, хотя и в новых условиях, стоят перед нашими академиями и сегодня. Именно их мы, прежде всего, имеем в виду, формируя наши планы сотрудничества на будущее и составляя новейшие совместные исследовательские программы.

Эти идеи легли в основу подписанного 21 декабря 1957 г. в Москве президентами академий А.Н. Несмеяновым и Тадеушем Котарбиньским Соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Польской

академией наук. Оно почти на сорок лет определило материальные и организационные основы разносторонних связей двух академий. Пролонгированное в 1960 г. Соглашение было конкретизировано двусторонними протоколами и тематическими планами сотрудничества на различные сроки. В соответствии с Соглашением академии установили безвалютный эквивалентный обмен учеными.

Следующий этап в развитии нашего сотрудничества охватывает десятилетие с конца 1950-х до конца 1960-х годов. Главной задачей этого периода стала детальная проработка планов и программ научных исследований, их наполнение конкретными делами, их воплощение в практике совместных научных исследований. В этот период год за годом расширялось наше сотрудничество в количественном и качественном отношении. Был сформирован корпус исследовательских тем, по которым были разработаны и реализованы научные программы. Этот этап работы требовал установления и развития прямых рабочих связей между институтами наших академий.

Первым в этой области стало заключенное в 1957 г. соглашение ученых-историков, предусматривавшее совместную многотомную публикацию «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Возглавляли эту работу Институт славяноведения РАН и Институт истории ПАН, работой научных коллективов руководили профессор И.С. Миллер и Стефан Кеневич. В проекте участвовали также научные учреждения Белоруссии, Литвы, Украины. Помощь в работе над публикацией оказывали архивные управления Польши и СССР. В начале масштабы проекта были относительно скромные. Издание планировалось выпустить к столетию революционных событий 1861–1863 гг. В итоге оно составило 25 томов, которые публиковались в 1961–1986 гг. (из них 18 – в Польше, а 7 – в СССР). В связи с этим хотел бы отметить, что большой вклад в реализацию этого проекта внесла сменившая академика Кеневича Почетный доктор Российской академии наук, профессор Виктория Сливовска. Ею только что опубликована книга, посвященная своим российским коллегам. Озаглавлена она «Россия – наша любовь».

Уже в середине 1960-х годов в рамках совместной программы «Изучение землетрясений и сейсмическое районирование» на территории Польши была создана сеть сейсмических станций, на которых были установлены высокочувствительные сейсмографы, изготовленные в Институте физики Земли им. О.Ю. Шмидта.

Эти годы стали временем интенсивного развития океанографических, арктических и антарктических исследований, которые послужили широким полем для сотрудничества российских и польских ученых самых различных научных специальностей от геофизики и географии до биологии и медицины. Одним из примеров в этой области стала передача Польше в 1958 г. вместе со всем оборудованием советской антарктической станции «Оазис», в связи с решением Польской академии наук организовать собственную антарктическую экспедицию. Основанная таким образом пер-

вая польская научная станция в Антарктиде была названа именем известного польского ученого Антона Добровольского. В эти же годы базой для исследовательских программ наших академий стал исследовательский флот океанских судов во главе с его флагманом – кораблем «Витязь». Совместные экспедиционные исследования имели огромное значение не только с точки зрения полученных уникальных научных результатов. Они способствовали установлению личных профессиональных и дружеских связей между учеными наших стран. Нельзя не вспомнить в этой связи об уникальной творческой и товарищеской атмосфере совместных семинаров российских и польских ученых, проводившихся во время полярных и океанских экспедиций, о чем их участники с теплотой и сердечностью вспоминают по сей день. Обращаясь к этой незабываемой странице нашего сотрудничества, не могу не сказать, что, к глубокому сожалению, значительная часть исследовательского флота нашей академии в недавнем прошлом оказалась утрачена, что не позволяет нам восстановить прежний объем исследований и достигнутый ранее уровень сотрудничества. Вместе с тем, должен подчеркнуть, что в условиях глобализации мировой экономики, экологических проблем, проблем климата, а также рационального использования и охраны ресурсов мирового океана исследования и международное сотрудничество ученых в этой области приобретают исключительное значение. Думается, что нам совместно стоит рассмотреть вопрос о разработке специальной программы исследований в этой области, исходя из накопленного опыта и имеющегося потенциала сотрудничества.

В целом до начала 1970-х годов академиями наук наших стран было реализовано более 20 крупных совместных проектов, исследования проводились по нескольким десяткам тем. Важная роль отводилась координации усилий по совершенствованию экспериментальной базы научных исследований. Ученые, инженеры, конструкторы наших институтов и предприятий осуществляли программу кооперации в области создания новейших приборов и установок для проведения научных экспериментов. Эта практика развивается и сегодня, в частности, в области космических исследований. Однако во многих случаях этой работе по причинам экономического и технологического характера уделяется, вопреки растущим потребностям, недостаточно внимания. В рассматриваемый период успешно развивался обмен учеными. Уровень межакадемического безвалютного обмена между нашими странами к концу 1960-х годов превысил двести недель ежегодно.

Новый этап научного сотрудничества наших академий открылся на рубеже 1960–1970-х годов и продолжился до конца 1980-х годов. Этот период характеризовался, с одной стороны, углублением всесторонней международной интеграции, когда сама жизнь преодолевала рубежи установленные государственными границами, политическими системами и военными блоками, а общечеловеческие ценности доказали свое превосход-

ство над идеологическими догмами. С другой стороны, это было время научно–технической революции, когда наука все более и более демонстрировала интернациональный характер научного творчества, доказывала, что научные исследования не могут развиваться изолированно в пределах только национальных школ, что они требуют международной кооперации научных учреждений и объединения усилий творческих научных коллективов исследователей.

В этот период объем нашего сотрудничества и разнообразие его тем и форм достигли наивысшего развития. Позволю себе остановиться на наиболее важном и, как свидетельствует опыт, перспективном направлении сотрудничества наших академий – на работе международных научных центров. В конце 1960-х – начале 1970-х годов академии наук двух стран выступили с инициативами по развитию сотрудничества на многосторонней основе. В этот период в Польше были созданы такие крупные международные научные центры, как основанная в 1968 г. расположенная во Вроцлаве Международная лаборатория сильных магнитных полей и низких температур, как действующие в Варшаве с 1972 г. Международный математический центр имени Стефана Банаха и – с 1988 г. Международный центр по биокибернетике. Все эти выдающиеся научные начинания были не просто плодом усилий наших академий, больших коллективов научных сотрудников, но и детищем выдающихся ученых и незаурядных личностей.

Международную лабораторию сильных магнитных полей и низких температур возглавил в то время президент ПАН академик Влодзимеж Тшебятковский. Вместе с ним над ее созданием трудились его ближайший друг – член-корреспондент РАН Н.Е. Алексеевский. В научной программе лаборатории воплотились идеи и замыслы выдающихся ученых нашей страны, прежде всего, академика П.Л. Капицы. Лаборатория во Вроцлаве проводила исследования в области разработки методов получения сильных магнитных полей, изучение сверхпроводников, методов получения сверхнизких температур ниже 1°K . Специальное оборудование, необходимое для проведения экспериментов, изготавливалось в мастерских самой Лаборатории и на польском предприятии «Криопан». В настоящее время в лаборатории проведена коренная модернизация, что позволит проводить эксперименты в рекордных по напряженности магнитных полях. Сегодня в ее работе рядом с учеными Польши и России участвуют специалисты из Украины, Молдавии, Германии, Великобритании.

Современная научная программа Лаборатории, в сравнении со временем ее основания, претерпела глубокие изменения и существенно расширена. Она охватывает наиболее актуальные направления физики конденсированного состояния вещества, в том числе, изучение свойств высокотемпературных сверхпроводников, исследование магнитных свойств редкоземельных соединений и органических металлов. Большие надежды руководства Лаборатории связаны с ее участием в научных программах Европейского союза, прежде всего в программе ЕС, предполага-

ющей поддержку так называемых первоклассных научных центров (centres of excellence).

Другим не менее выдающимся совместным проектом физиков наших стран стало сотрудничество в области лазерного термоядерного синтеза и физики плотной высокотемпературной плазмы. Его зачинателями в 1972 г. были выдающиеся ученые – академики Н.Г. Басов, Л.А. Арцимович и Сильвестр Калиский. В рамках этого проекта была создана уникальная экспериментальная установка «Плазменный фокус». Сейчас это направление не имеющих аналогов в мировой практике экспериментальных исследований совместно развивается российскими и польскими учеными во главе с давним партнером и близким другом Сильвестра Калиского – академиком О.Н. Крохиным.

Говоря о развитии современной науки, нельзя не отметить универсальной роли математических исследований как фундамента в системе сотрудничества между нашими академиями. Именно из этого исходили Академии наук десяти стран, в том числе Польши и СССР, основавшие в Варшаве Международный математический центр им. Стефана Банаха для подготовки высококвалифицированных специалистов в области математики и ее приложений. Директором Центра в течение многих лет был известный польский математик, иностранный член РАН академик Чеслав Олех. Центр организует международные симпозиумы, учебные семестры и рабочие семинары. Для участия в их работе ежегодно прибывают в Варшаву сотни математиков из стран-учредителей, а также из других стран, в том числе 30–40 специалистов из стран СНГ и Балтии. Приглашаемые ученые читают лекции, обмениваются своими научными достижениями. Начиная с 1993 г. Центр осуществляет свою деятельность в тесном взаимодействии с Европейским математическим обществом.

Сотрудничество наших академий в области математики развивается на самом высоком уровне. Однако думается, что перед ним открыты еще немалые возможности, в первую очередь в области математического обеспечения и моделирования сложных многофакторных процессов в народном хозяйстве наших стран, например, в сфере транспорта и энергетики, в сфере исследования экологического баланса Балтики или изучения климатической и метеорологической ситуации в Европе. Такие исследования, помимо своего сугубо научного значения, содействовали бы развитию исследовательского потенциала еще и тем, что могли бы опереться на поддержку заинтересованных государственных и международных институций, а также хозяйствующих субъектов.

Международный центр по биокибернетике, получивший в 1996 г. статус научного и учебного центра Всемирной организации здравоохранения, был создан в июне 1988 г. на базе Института биокибернетики и биомедицинской инженерии ПАН (Варшава). Его основателями стали выдающиеся польские ученые – иностранные члены Российской академии наук – Чеслав Олех и Мачей Халенч. Академик Халенч со времени

основания является директором Центра. Центр по биокибернетике является многонациональной ассоциацией академий наук и научных организаций из 18 стран, открытой для вступления новых членов. Ежегодно в Центре проводятся школы–семинары и конференции по различным направлениям биомедицинской механики, кибернетики, информатики, материаловедения, проблемам создания искусственных органов. В Центре издается журнал «Биокибернетика и биомедицинская инженерия», периодически выходят сборники научных трудов. Центр является единственным в Европе научным учреждением в своей области, осуществляющим регулярный обмен научной информацией между учеными всех стран континента.

Расположенные в Польше международные научные центры позволили повысить уровень совместных исследований, более рационально использовать уникальные установки и оборудование, в широких масштабах осуществлять подготовку молодых научных кадров. В настоящее время ученые Российской АН принимают активное участие в деятельности всех вышеуказанных международных научных центров.

1970–1980-е годы ознаменовались рядом других выдающихся совместных проектов. Так ученые Физического института им. П.Н. Лебедева и Лодзинского университета в сотрудничестве с рядом польских научных центров и учеными из Академии наук Таджикистана многие годы проводили фундаментальные исследования космического излучения на высокогорной станции на Тянь–Шане. Их работы в этой области в 1989 г. были удостоены совместной премии наших академий.

Более 30 лет, с начала 1970-х годов, осуществляется координация выполняемых польскими и российскими учеными исследований на арктическом архипелаге Шпицберген. В 1980-е годы ученые наших академий провели океанологические и биологические исследования в рамках 5 совместных океанских экспедиций на исследовательских судах «Академик Курчатов» и «Дмитрий Менделеев». Продолжались активные совместные исследования в Антарктике. В связи с этим упомяну только о двух уникальных фактах, не имевших аналогов в мировой практике. В 1985 и в 1989 годах на польской Антарктической станции им. Хенрыка Арцтовского (остров Кинг Джордж) российскими и польскими полярниками были проведены два международных симпозиума по проблемам изучения Антарктики. Эти факты указывают не только на прочность нашего сотрудничества, но и свидетельствуют о его уникальной человеческой атмосфере.

Следующий этап сотрудничества Российской и Польской академий наук разворачивался уже в принципиально иных экономических, социальных и политических условиях. В 1990-е годы главная задача состояла в сохранении достигнутых результатов нашей совместной работы и в поиске новых качественных форм сотрудничества, отвечающих потребностям наших стран, тенденциям развития мировой науки и возможностям, опреде-

ляемым новыми условиями рыночной экономики и рамками скудного бюджетного финансирования науки.

В марте 1993 г. в Республику Польша выезжала делегация Российской академии наук во главе с вице-президентом РАН академиком А.Ф. Андреевым. В ходе визита было подписано Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Польской академией наук, формально пришедшее на смену Соглашения 1957 г., но сохранившее его дух и фундаментальные научные принципы. В ноябре 1998 г. Москву посетила делегация Польской академии наук во главе с президентом ПАН академиком Мирославом Моссаковским. В ходе переговоров мы обсудили взаимные предложения и согласовали Протокол о межакадемическом сотрудничестве на 1999–2001 гг., который тогда же и был торжественно подписан.

В соответствии с утвержденным тематическим планом сотрудничества совместные исследования должны были проводиться по 63 темам в области естественных и технических наук, по 14 темам в области общественных и гуманитарных наук. Ежегодная квота централизованного безвалютного обмена учеными между Академиями составила 200 недель. Она предназначалась для выполнения совместных работ, ознакомительных поездок и установления научных связей, участия в международных конференциях и различных научно-организационных мероприятиях, проводимых в двух странах.

Нельзя не отметить, что в количественном отношении объем сотрудничества по сравнению с наиболее успешными периодами значительно сократился. Так, установленная квота безвалютного обмена в 200 недель соответствовала уровню 1960-х гг., в то время как в наилучшие годы она достигала 1400 недель ежегодно. В 1986 г. в Польшу было командировано 944 наших сотрудника и принято в институтах Российской академии наук 998 польских ученых. Из-за экономических трудностей и недостаточного финансирования в 1990-е годы были сокращены многие экспериментальные и экспедиционные исследования.

Однако, обращаясь к итогам проделанной в этот период работы, я хотел бы в первую очередь подчеркнуть ее позитивные результаты. Во-первых, это нашло выражение в концентрации имеющихся интеллектуальных и материальных ресурсов на наиболее перспективных направлениях научных исследований, что, несомненно, позитивно сказалось на эффективности нашего сотрудничества. Во-вторых, во многом благодаря сотрудничеству, нам удалось сохранить и укрепить наши позиции в важнейших областях научного знания, причем в ряду ключевых направлений и тем российская и польская наука обладает международно-признанным приоритетом. В-третьих, сотрудничество наших академий развивается в самой тесной взаимосвязи с исследованиями ученых других стран, в совместной работе с неакадемическими исследовательскими учреждениями и с высшей школой, прежде всего с университетами. Это

создает позитивные предпосылки к интеграции наших совместных исследовательских программ в процесс международного разделения труда в науке. В-четвертых, опыт нашей совместной работы в истекшие годы свидетельствует о набирающей силу отрадной тенденции активного включения научной молодежи в дело межакадемического сотрудничества.

Начало современного этапа сотрудничества наших академий совпало с 50-летием Польской академии наук и открывается Соглашением о межакадемическом сотрудничестве, заключенным в декабре 2002 г. во время пребывания в Варшаве делегации Российской академии наук, которую мне тогда довелось возглавлять. Вскоре в Варшаве, в октябре 2004 г. (во время «Дней российской науки в Польше»), был подписан Протокол о научном сотрудничестве между Российской и Польской академиями наук на 2005–2007 гг., предусматривавший совместную разработку 61 проекта в области естественных и технических наук, а также 14 проектов в области общественных и гуманитарных наук. В соответствии с Протоколом ежегодная квота взаимного обмена учеными составила 250 недель, часть которой академии используют для организации научных сессий молодых ученых.

Сегодня в сотрудничестве с Польской академией наук, в том числе в рамках международных научных центров, активно участвуют многие научные учреждения Российской академии наук, институты наших региональных отделений и научных центров. Наиболее успешно сотрудничество с научными учреждениями Польской академии наук развивается в области математики, космических исследований, физики плазмы, физики твердого тела и низких температур, химии полимеров, биохимии, нейробиологии, наук о Земле. Основу двусторонних связей составляют долговременные научные проекты.

В качестве примеров результативного и взаимовыгодного сотрудничества можно назвать следующие циклы совместных исследований, выполненные коллективами ученых Российской и Польской академий наук. Ученые Физического института им. П.Н. Лебедева и Института физики плазмы и лазерного микросинтеза им. С. Калиского (Варшава) с 1976 г. проводят совместные исследования в области физики плотной высокотемпературной плазмы и лазерного термоядерного синтеза. За годы сотрудничества российские физики и их польские коллеги разработали комплексы уникальной аппаратуры для лазерного нагрева и диагностики нестационарной плазмы.

В Институте физики плазмы и лазерного микросинтеза совместно создана и успешно испытана крупнейшая в мире термоядерная установка типа «плазменный фокус» ПФ–1000 с энергией в импульсе свыше 1 мегаджоуля. Специалисты ФИАН спроектировали и изготовили уникальные электроды, не имеющие аналогов в мировой практике установки, различную лазерную и рентгеновскую диагностическую аппаратуру. Основная цель проводимых на установке «ПФ–1000» исследований – разработка физических принципов создания мощных импульсных источников рент-

геновского и нейтронного излучений. В настоящее время усилия российских и польских ученых направлены на исследования импульсной высокотемпературной плазмы, создаваемой мега-амперными токами высокой плотности. В ходе проведенных на установке ПФ-1000 экспериментов осуществлена проверка методов диагностики высокотемпературной плазмы по её рентгеновскому и нейтронному излучению. В экспериментах с модифицированными электродами удалось увеличить нейтронный выход до 10^{12} н/импульс. Результаты совместных работ российских и польских физиков получили широкое признание мировой научной общественности, неоднократно докладывались на международных конференциях, были дважды отмечены межакадемическими премиями.

Центр космических исследований ПАН, Институт фундаментальных технологических исследований ПАН а также Институт геодезии Варминьско-Мазурского университета совместно с рядом научных учреждений Российской академии наук участвуют в реализации 11 крупных двусторонних проектов с использованием российских космических аппаратов. Эти работы проводятся в рамках подписанного 14 марта 2005 г. в Москве межакадемического соглашения о научном сотрудничестве в области фундаментальных космических исследований. В ходе спутниковых экспериментов, подготовленных коллективами ученых Института космических исследований РАН, Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН и Центра космических исследований ПАН были получены новые данные об электромагнитных излучениях в космической плазме, процессах в солнечной короне и магнитосфере Земли.

Плазма солнечного ветра является основным агентом, с помощью которого активные процессы на Солнце оказывают влияние на состояние околоземного космического пространства и магнитосферу Земли, так называемую «космическую погоду». Для изучения и прогнозирования «космической погоды», также как и атмосферной погоды необходимы постоянные глобальные наблюдения. В настоящее время Институт космических исследований РАН совместно с Центром космических исследований ПАН осуществляют разработку комплекса научной аппаратуры, который будет установлен на борту Международной космической станции в рамках эксперимента «Обстановка-1» с целью длительного исследования плазменно-волновых процессов в ионосфере, являющихся важным компонентом «космической погоды».

Учеными Мурманского морского биологического института РАН и их польскими коллегами из институтов геофизики, экологии и океанологии ПАН выполнены комплексные геофизические и геоэкологические исследования архипелага Шпицберген, Кольского полуострова и прилегающих акваторий Баренцева моря. По результатам совместных экспедиционных работ подготовлена карта биологических ресурсов Баренцева моря, монография «Радионуклиды в экосистеме региона Баренцева и Карского морей».

Учеными Института катализа Сибирского отделения РАН и Института химических технологий ПАН проведены исследования новых высокоэффективных гетерогенных катализаторов селективного жидкофазного окисления органических соединений. Работы российских и польских ученых внесли решающий вклад в создание теоретических основ дизайна новых высокоэффективных каталитических систем, определили наиболее перспективные направления развития окислительного катализа. Были, в частности, разработаны эффективные, важные в прикладном отношении, процессы синтеза витаминов Е и К₃, получения вербенона и вербенола. Результаты работ российских и польских ученых-химиков являются весьма привлекательными с учетом требований экологической безопасности, так как в качестве окислителей использовались только кислород и перекись водорода.

Институт органической химии им. Н.Д. Зелинского РАН совместно с Институтом иммунологии и экспериментальной терапии ПАН (Вроцлав) проводят исследования полисахаридных антигенов — важных в медицинском отношении бактерий. Основная цель этих исследований — создание химической основы для серологической классификации патогенных энтеробактерий родов *Haefnia* и *Citrobacter*, являющихся возбудителями кишечных заболеваний, воспалений мочеполовых путей, внутрибольничных и раневых инфекций. Для достижения поставленной цели выполнен структурный анализ О-антигенов этих бактерий.

Исследования имеют важное прикладное значение для медицины, в частности, для надежной классификации бактерий, необходимой при эпидемиологическом мониторинге штаммов и серодиагностике инфекционных заболеваний, а в перспективе — и для иммунотерапии, включая разработку препаратов, изменяющих чувствительность бактерий к антибиотикам. Результаты исследований, опубликованные в 24 совместных научных статьях в международных журналах, неоднократно докладывались на престижных национальных и международных конференциях. Цикл работ российских и польских биохимиков в 2004 г. удостоен совместной премии Российской и Польской академий наук.

Творческие связи между российскими и польскими историками и филологами, установившиеся еще в середине 1950-х годов, успешно развиваются и сегодня. Фундаментом такого развития является не только общая историческая судьба наших народов и связанные с этим глубокий взаимный интерес к культуре России и Польши, которая в совокупности является нашей общей ценностью и достоянием, не только общностью корпуса исторических источников, без опоры на которые немислима сама историческая наука, но и многолетняя практика совместной работы российских и польских ученых-гуманитариев. Учитывая широкий характер сотрудничества в области исторических наук, Академии в 1965 г. учредили Комиссию историков России и Польши. За 40 лет работы Комиссия, несмотря на неоднократно возникавшие препятствия экономического и

политического характера, ни разу не прерывала своей деятельности. В сентябре 2005 г. в Москве состоялась приуроченная к заседанию Комиссии научная конференция «Столица и провинция в истории России и Польши». Очередной том трудов Комиссии, подготовленный по материалам этой конференции, с участием выдающихся российских и польских историков под одноименным названием вышел из печати в издательстве «Наука» и посвящен 50-летию Соглашения о сотрудничестве между нашими Академиями. Комиссия историков и Институт славяноведения РАН совместно с рядом других научных учреждений и университетов России и Польши ведут совместные исследования в рамках таких значительных проектов как «Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике», «Российско-польские общественные и культурные связи в XIX в.» и ряд других. В 2007 г. вышла в свет подготовленная Институтом российской истории РАН, Институтом национальной памяти и Министерством внутренних дел Польши публикация исторических документов «Варшавское восстание 1944 года в документах из архивов спецслужб». Перед читателем впервые открывается полная и документально точная картина тех трагических событий, воссозданная учеными и архивистами двух стран.

Особо хотел бы выделить выдающийся научный проект, осуществленный большим коллективом российских и польских филологов и культурологов с участием ученых из других стран, «Польша–Россия: взаимное восприятие в литературе и культуре». Ведущими институтами в нем выступают Институт славяноведения РАН и Институт литературных исследований ПАН. Накануне нынешних «Дней польской науки ...» проект и его участники удостоены медали и премии Российской и Польской академий наук. Присуждена премия за 6 томов совместных исследований. С удовлетворением хотел бы сообщить, что только что из печати вышел следующий очередной том, озаглавленный «Русская культура в польском сознании».

Наряду с историками и филологами значительный вклад в межакадемическое сотрудничество вносят представители других направлений общественных наук. В 1973 г. Академии образовали двустороннюю Комиссию экономистов. На проведенных Комиссией в течение ряда последних лет встречах ведущих российских и польских экономистов обсуждались многие актуальные в научном и практическом отношении проблемы: «Инвестиционные процессы в России и Польше: современное состояние и перспективы» (Варшава, 2003), «Факторы обеспечения конкурентоспособности экономик Польши и России» (Варшава, 2005), «Условия перехода Польши и России на инновационный путь развития» (Варшава, 2007).

Значительный импульс сотрудничеству придали организованные Академиями в октябре 2001 г. «Дни польской науки в России» и «Дни российской науки в Польше» (октябрь 2004 г.). В рамках этих научных фору-

мов состоялись 23 российско-польских семинаров и конференций, 2 школы молодых ученых, 6 тематических выставок. Хотел бы выразить уверенность, что и нынешние «Дни польской науки в России» пройдут успешно и станут эффективным стимулом для дальнейшего развития нашего сотрудничества.

Не раз мне уже приходилось говорить о значении привлечения к нашей совместной работе молодых ученых, о значении передачи от поколения – к поколению не только опыта и навыков научной работы, но и добрых традиций товарищеского общения, сотрудничества и взаимопомощи, которые установились между учеными России и Польши. Думается, что сейчас эта работа набирает силы, а позитивные тенденции в этой области все более приобретают устойчивый характер. За последние годы академии значительно расширили практику организации двусторонних научных сессий / симпозиумов с участием молодых российских и польских ученых по наиболее актуальным для двух стран научным направлениям. В сентябре 2006 г. на Беломорской биологической станции им. академика О.А. Скарлато Зоологического института РАН и в Мурманском морском биологическом институте Кольского научного центра РАН состоялся двусторонний симпозиум по проблемам биологии арктических морей. В октябре этого же года в Пущино на базе Института физико-химических и биологических проблем почвоведения прошла 2-ая российско-польская школа по экологии для молодых специалистов. В обоих мероприятиях приняли участие 20 польских ученых из различных институтов ПАН. В июле 2007 г. Институт химии растворов РАН и Институт физической химии ПАН провели в Суздале двусторонний симпозиум «Термодинамика растворов биологически активных компонентов», в котором приняли участие 10 польских и 15 российских молодых специалистов.

* * *

В заключение позволю себе остановиться на некоторых важнейших выводах. Мы по праву можем с удовлетворением констатировать, что сотрудничество российских и польских ученых, объединение усилий наших академий выдержало испытание временем. Отдавая заслуженную дань нашим старшим коллегам и учителям, стоявшим у истоков Соглашения о сотрудничестве 1957 г., нельзя не признать их выдающегося научного предвидения, ибо избранные ими направления и намеченные формы научного взаимодействия наших академий, невзирая на преодоленные экономические трудности и политические препоны, успешно развиваются и сегодня, демонстрируя могучий потенциал движения в будущее.

Наука сегодня не замыкается, как это было еще несколько десятилетий назад, в национальных рамках. Современные поколения ученых стали свидетелями и участниками нового этапа в интернационализации научного познания, когда от обмена результатами исследований и открытиями ученые разных стран все более переходят к совместному на-

учному поиску. Указанные процессы требуют от нас адекватных изменений организационных форм научных исследований. В этой связи хотел бы с удовлетворением отметить, что сотрудничество Польской и Российской академий наук успешно заложило фундамент эффективной интеграции российской и польской науки в мировую науку, обеспечило включение научных сообществ наших стран в международное разделение труда в области научных исследований. Вместе с тем перед нами стоят сложные задачи. Среди них хотел бы особо указать на насущную необходимость совершенствования материальной и экспериментальной базы нашей совместной работы. Мы остро нуждаемся в модернизации существующих установок и приборной базы совместных исследований, а также в разработке и строительстве новых экспериментальных комплексов, отвечающих перспективным задачам мировой науки. Назрела актуальная задача воссоздания на новом качественном уровне исследовательского океанического флота. Российские и польские исследователи достигли высокого уровня арктических и антарктических исследований, однако, чтобы развить и приумножить достигнутое, необходима комплексная модернизация всей инфраструктуры сферы полярных изысканий. Эта задача имеет не только научное значение, имея в виду перспективы освоения Арктики и Антарктики, а также нарастающую международную конкуренцию в высоких широтах.

Мы не сомневаемся в объективной необходимости расширения сотрудничества между нашими академиями, которому суждено также сыграть координирующую роль в совместной работе университетов, высшей школы и других научно-исследовательских учреждений. Залогом успеха наших начинаний должно стать решение долговременной задачи по адаптации академий к новым экономическим и общественным условиям, поиска адекватных им путей и форм совместной работы.

Подводя итог всему сказанному, я хотел бы подчеркнуть, что долгие научные связи Польши и России, полувековое творческое сотрудничество наших академий не только составляет предмет заслуженной гордости польского народа и народов России, но стало в наши дни существенным фактором научного и общественного прогресса наших стран. Оно, несомненно, является позитивным примером для всестороннего развития отношений между нашими странами и народами.

История и дальнейшее развитие двусторонних отношений Российской академии наук и Польской академии наук в контексте перспектив европейского сотрудничества

Выступление Президента Польской академии наук
профессора Михала Кляйбера
на совместном торжественном заседании Президиумов
Польской академии наук и Российской академии наук
14 октября 2008 г.

Дни польской науки в России, которые естественным образом должны быть презентацией польских научных достижений, мы решили приурочить к пятидесятилетию сотрудничества между Российской академией наук и Польской академией наук.

Нельзя, впрочем, забывать, что сфера научного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Польша гораздо шире. Охватывает она множество исследовательских направлений, в которых принимают участие также партнеры ПАН – Российская академия сельскохозяйственных наук и Российская академия медицинских наук, также как и высшие учебные заведения, и так называемые ведомственные научно-исследовательские структуры обеих стран.

Пятидесятилетие сотрудничества – это важная годовщина. В быстро меняющемся мире не много найдется научных организаций, которые не только так последовательно и плодотворно взаимодействуют столь длительный период, но и стремятся расширить и усовершенствовать свое сотрудничество, сделать его более разнообразным.

Для эффективного научного сотрудничества необходимы общие научные интересы, взаимное доверие партнеров, а также соответствующее организационно-финансовое обеспечение. В содержащем обширную информацию докладе академика Ю.С. Осипова приведены многие замечательные факты и глубокие размышления на тему российско-польского научного сотрудничества. Можно с большой уверенностью констатировать, что его участниками были тысячи ученых обеих стран, представляющих по крайней мере два поколения. Я думаю, что нет ни одной исследовательской организации РАН и ПАН, в которой не работали бы ученые, как ранее, так и ныне участвующие в совместных российско-польских исследованиях. При этом важно, что настолько, насколько это было возможно, нам удалось сохранить наше сотрудничество от влияния и последствий различных периодов политической напряженности между Москвой и Варшавой. Хотелось бы, чтобы также было и в будущем. Принимая во внимание вышесказанное, представляется, что нам не стоит опасаться недостатка партнеров для сотрудничества на основе общих научных интересов, партнеров которые имеют богатый положительный опыт взаимных научных контактов.

Обеспечение финансово-организационных условий сотрудничества — это сфера ответственности руководства обеих наших академий. Стоит поэтому напомнить о подписанном вчера очередном Протоколе, определяющем рамки нашего научного сотрудничества на 2008—2010 годы. Я хотел бы однозначно заявить, что, несмотря на то, что Польская академия наук не располагает огромными финансовыми ресурсами, мы будем по-прежнему изыскивать средства для поддержки в осуществлении совместных исследовательских проектов и других инициатив, предусмотренных упомянутым протоколом. Хотелось бы также подчеркнуть, что уже много лет встречи руководителей обеих академий мы стараемся превращать в мероприятия, на которых доминирующую роль играют ученые. Достаточно упомянуть, что многие исследователи из обеих стран, имеющие непосредственное отношение к научному сотрудничеству, приняли участие и в «Днях польской науки в России» в 2001 г., и в «Днях российской науки в Польше» в 2004 г. Не стала исключением и нынешняя встреча. В Россию приехали более ста польских ученых, которые примут участие в шестнадцати специализированных симпозиумах, семинарах, встречах экспертов, научных конференциях. Они пройдут в Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Добавим также, что пять из запланированных совместных научных встреч уже состоялись (в их числе две — в Польше), а заключительные пройдут в декабре 2008 г. в Санкт-Петербурге. По нашим данным, в этих многочисленных научных встречах участвовали и будут участвовать несколько сотен ученых с обеих сторон. Они дадут новый импульс научным контактам, будут способствовать установлению и развитию личных связей между учеными. На семинарах и конференциях будут вестись дискуссии, а не раз, наверняка, и жаркие споры. Все это очень важно и многообещающе для нашего сотрудничества. Мы вполне отдаем себе отчет, что реализация подобной концепции «Дней польской науки в России» требует масштабных организационных усилий, серьезного участия и напряженной работы огромного числа наших российских коллег. Поэтому позвольте от имени Польской академии наук передать Президенту РАН Ю.С. Осипову сердечную благодарность, а в Вашем лице, господин Президент, всем, в том числе и рядовым участникам за проведенную работу, а также за оказанное польским коллегам гостеприимство.

Как я уже говорил, вчера мы подписали Протокол, определяющий наше сотрудничество на 2008—2010 гг. Хотелось бы остановиться на перечне совместных исследовательских проектов, который является самым существенным элементом этого документа и охватывает 81 позицию. Среди них есть и продолжающиеся проекты, которые получили высокую оценку экспертных комиссий. Некоторые из этих проектов были модифицированы, чтобы сконцентрировать внимание исполнителей на новых задачах. В вышеупомянутом перечне находится также много (около 40 %) новых исследовательских проектов, что свидетельствует о расширении сферы наших общих интересов. Прошу аудиторию не беспокоиться, я не

намерен рассказывать обо всех проектах. Однако некоторые из них заслуживают нескольких слов в столь компетентном сообществе.

В начале хотелось бы обратить внимание на некоторые проекты, открывающие раздел общественных и гуманитарных наук. Эта сфера сотрудничества, без сомнения, имеет фундаментальное значение. Достаточно вспомнить условия развития этих наук, временами, в частности, и полное прекращение исследований по отдельным темам в СССР и ПНР. Необходимо также помнить о так называемых «белых пятнах», а также о «трудных вопросах» польско-российских отношений. Позитивному развитию исследований отмеченных проблем, очевидно, не способствуют некоторые тенденциозные и подчас далекие от правды публикации в прессе, которые, можно сказать с уверенностью, провоцируют негативные общественные реакции по обе стороны границы. Поэтому также огромное значение имеет все, что до настоящего момента было сделано учеными обеих стран для объективной оценки прошлого и настоящего, также как и планы их дальнейших совместных исследований. Вспомню в связи с этим, что Институт славяноведения РАН и Институт политических исследований ПАН продолжают исследования советско-польских отношений 1953–1970 гг., а Институт этнологии и антропологии РАН совместно с Институтом археологии и этнологии ПАН — изучение специфики культурной и этнической идентичности на русско-польском и русско-белорусском пограничье. Получит продолжение и весьма плодотворное (результат — многочисленные публикации, в том числе монографические) сотрудничество Института славяноведения РАН и Института литературных исследований ПАН, которое касается русско-польских литературных и культурных связей, также как и важное для этих контактов взаимодействие архивов ПАН и РАН.

Хотелось бы воспользоваться подходящим моментом, чтобы отойти на время от списка совместных исследовательских проектов и напомнить о необычайно ценном сотрудничестве, которое осуществляется в рамках Комиссии историков ПАН и РАН, а также Комиссии экономистов ПАН и РАН. Комиссия историков действовала непрерывно, начиная с 1965 г. В рамках комиссии проведено более тридцати совместных конференций, посвященных проблемам, имеющим большое значение, как для истории России, так и Польши, в том числе и русско-польским взаимоотношениям. Координатором этой работы выступает Отделение I общественных наук ПАН и Институт славяноведения РАН, а участвуют в ней как ученые, представляющие академические институты, так и некоторые университеты. К ее достижениям можно отнести, в том числе и конференции «Польша—Россия. Роль польских национальных восстаний в формировании взаимного восприятия»; «Общественные движения в Польше и России (до Второй мировой войны)»; «Польша — Казань. Польско-российские научные, культурные и образовательные связи в XIX и XX веках». В июне 2008 г. в Москве прошла очередная конференция Комиссии, на которой

среди прочего обсуждались перспективы дальнейшего сотрудничества историков двух стран. Мы рассчитываем на продолжение плодотворной работы этой Комиссии историков. На аналогичных принципах действует и Комиссия экономистов, деятельность которой направляется Комитетом экономических наук ПАН а также Институтом экономики РАН. На последней конференции, прошедшей в июне 2008 г., ее участники обсуждали чрезвычайно важную проблему: «Польское и российское село перед вызовами глобализации». Темой следующей конференции Комиссии экономистов будет «Государство и экономика в Польше и России — опыт XX и перспективы XXI вв.». Мы считаем, что обе комиссии много делают для развития нашего сотрудничества. Они сами определяют программу своей работы и проблематику двусторонних конференций, и тем самым могут с опережением на год реагировать на события и проблемы, которые представляются им важными и требующими обсуждения. Стоит добавить, что результатом работы этих комиссий являются многие научные публикации, в том числе и совместные.

Возвращаясь к обсуждению совместных исследовательских проектов, запланированных на 2008–2010 гг. В сфере биологических наук хотелось бы обратить внимание, прежде всего, на сотрудничество в области экологии между Центром экологических исследований ПАН и Институтом проблем экологии и эволюции РАН. Польша, а как я полагаю также и Российская Федерация, испытывают серьезные трудности из-за недостаточного внимания к охране окружающей среды и любые шаги, цель которых — глубже исследовать имеющиеся на этом направлении проблемы и осуществить соответствующие эффективные меры, заслуживают всесторонней поддержки. Этой проблематике посвящен также проект, касающийся модели и оценки параметров диагностики физико-химических процессов деградации почв и окружающей среды, который реализуется Институтом агрофизики ПАН совместно с Институтом физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН.

В математических, физических и химических науках продолжается и будет углубляться сотрудничество российских и польских математиков. Необходимо иметь в виду, что, кроме Института математики ПАН и Институтов математики им. В.А. Стеклова и им. С.Л. Соболева РАН, существенную роль в этом сотрудничестве ученых-математиков играет Международный математический центр им. С. Банаха. Этот центр, созданный в 1972 г. совместными усилиями ПАН, Академией наук СССР и академиями наук других социалистических стран, систематически организует международные симпозиумы, материалы которых публикуются в издании «Banach Center Publications». Одним из главных достижений центра является совместная организация математиками Польши и России регулярных международных конференций, посвященных геометрии и топологии каустик, которые завоевали большое признание в мире.

В сотрудничестве в сфере физических наук все большее значение приобретают проекты, касающиеся новых материалов, таких как магнитные полупроводники, сверхпроводники, органические проводники и фуллерены, другие материалы с особыми физическими, химическими и биологическими свойствами. Партнерами в реализации этих проектов со стороны ПАН выступают Институт физики, Институт молекулярной физики, Институт низких температур и структурных исследований, а также Институт физики плазмы и лазерного микросинтеза. Со стороны РАН — это Институт физики, Институт общей физики, Физико-технический институт, Институт физики металлов, Институт физики молекул и кристаллов, Институт физики полупроводников, а также Институт физики твердого тела. Не следует также забывать о большой роли Объединенного института ядерных исследований в Дубне, в работе которого принимают участие физики институтов ПАН и РАН. Отдельно следует сказать о сотрудничестве ученых обеих академий в Международной лаборатории сильных магнитных полей и низких температур во Вроцлаве, созданной 40 лет назад усилиями тогдашних социалистических стран, особенно усилиями ПАН и АН СССР. Эти академии выделили наибольшее количество средств на создание и содержание этого учреждения, которое в свое время в этой части Европы было одним из первых научных «joint venture». И сегодня ПАН и РАН выступают как главные движущие силы, обеспечивающие работу Лаборатории и реализацию ее исследовательских программ. Хотя она никогда не обладала значительными финансовыми средствами, все-таки Лаборатория во Вроцлаве располагает собственным зданием. Проводимые в ней исследования снискали лаборатории неплохую репутацию в научном мире. Вице-президент РАН академик А.Ф. Андреев как председатель Международного совета лаборатории вот уже много лет всячески поддерживает ее. Он, наверное, мог бы намного подробнее и более компетентно рассказать нам о ее возможностях и научных планах.

Поскольку сотрудничество ученых наших академий в изучении космического пространства является предметом отдельного Протокола о сотрудничестве ПАН и РАН, то здесь хорошо бы рассмотреть планируемые в его рамках научные исследования. Напомню, что это сотрудничество началось в 1967 г. благодаря Соглашению об участии Польши в Программе сотрудничества в области исследования и использования космического пространства «Interkosmos». После окончания действия этой программы ПАН и РАН в 2005 г. подписали Соглашение между ПАН и РАН о научном сотрудничестве в области фундаментальных космических исследований. Коллективы ученых наших академий, занятых в этой области, представили результаты совместных исследований в многочисленных публикациях (их было более 30), которые были обнародованы в авторитетных научных изданиях. Надо добавить, что в рамках 11 исследовательских проектов, которые ПАН и РАН планируют реализовать в 2008–2010 гг., предусматривается участие польско-российских научных коллективов в но-

вых исследовательских миссиях на космических аппаратах, таких как Koronas–Fobos, Fobos–Grunt, Radio–Astron, а также Inter–Helio–Zond.

Сильной стороной нашего научного сотрудничества всегда были совместные исследования химиков обеих академий. 10 проектов, которые должны быть реализованы в 2008–2010 гг. охватывают многолетние исследования в сфере фосфорорганических соединений, полимеров, полимер–силикатных композитов, наноструктурных углеродных материалов, которые используются для реализации мер по охране природной среды, в супрамолекулярной химии, термодинамике и калориметрии. Участниками этих проектов со стороны ПАН выступают: Центр молекулярных и макромолекулярных исследований, Центр полимерных и углеродных материалов, Институт органической химии, Институт физической химии. Со стороны РАН это – Институт химической физики, Институт нефтехимического синтеза, Институт химии твердого тела и механохимии, Институт органического синтеза, а также Институт элементоорганических соединений.

Такое же количество проектов запланировали для реализации представители технических наук. Назову один из них, который касается нелинейной динамики сопряжения ротационных и деформационных степеней свободы, который будет осуществляться учеными из Института основных проблем техники ПАН вместе с Вычислительным центром РАН. Мое внимание привлек генезис этого проекта. Он касается взаимодействия между большими деформациями и вращениями в нелинейной динамике. Российская сторона имела большой опыт в области исследования динамики спутниковых систем, а варшавская группа ученых была заинтересована в его использовании при анализе микроструктурных сред и наноматериалов. Результаты этого сотрудничества оказались очень существенными. Следует отметить высокое качество совместных публикаций, а также эффективное формирование научных кадров (написание и защита диссертаций). Это убедительно доказывает необходимость продолжения этих совместных исследований.

В области аграрных, лесных и ветеринарных наук, а также в сфере медицинских исследований сотрудничество Польской академии наук с российскими научными учреждениями осуществляется не только в кооперации с институтами Российской академии сельскохозяйственных наук и Российской академии медицинских наук, но и в тесном сотрудничестве с институтами Российской академии наук. Ярким примером этого является сотрудничество Института иммунологии и экспериментальной терапии ПАН с Институтом органической химии РАН. В сфере их интересов – исследование структуры и функций полисахаридных антигенов грамотрицательных бактерий. Результатом этого сотрудничества, начавшегося в 1988 г. стали 30 публикаций в рецензируемых журналах международного значения. О ценности этих исследований свидетельствуют несколько грантов, полученных на их финансирование. Следует также напомнить,

что авторские коллективы этих исследований были отмечены премией и медалью ПАН и РАН. Это сотрудничество будет продолжаться, в несколько модифицированной форме.

Новой областью, в которой потенциал польско-российского сотрудничества соответствует мировому уровню, могут стать исследования бактериофагов (бактериальных вирусов) и фаговая терапия. В ней ПАН уже накопила некоторый опыт, свидетельством чему может послужить публикация в признанном мировым научным сообществом ведущем мировом научном журнале «*Natura Medicine*». Наши исследования по вопросу влияния фагов на иммунитет имеют уникальный характер и получили мировое признание, а Институт иммунологии и экспериментальной терапии ПАН является единственным центром в странах Европейского Союза, который проводит фаговую терапию в соответствии с современными требованиями и стандартами. В сентябре с. г. в Варшаве был организован посвященный этой теме семинар, российские участники которого представляли Институт биоорганической химии РАН, Институт микробиологии РАН, а также Институт генетики и селекции промышленных микроорганизмов. С польской стороны участие в семинаре приняли представители Института биохимии и биофизики ПАН, Института иммунологии и экспериментальной терапии ПАН, Гданьского университета. Семинар был организован на высоком научном уровне и показал, что эта область научных исследований может не только развиваться с участием ведущих научных и академических центров Польши и Российской Федерации, но и стать предметом для получения совместных грантов.

Хорошим примером нашего сотрудничества в сфере наук о Земле является проект, цель которого состоит в развитии теоретических основ комплексных электромагнитных исследований на суше и в море, а также их использование в решении геофизических, геологических и экологических задач. Он реализуется Институтом геофизики ПАН и Институтом физики Земли РАН.

Позвольте на этом закончить краткий (по вполне очевидным причинам) обзор общих тем, которые являются, а точнее станут предметом совместных общих научных исследований наших ученых. Он был, несомненно, вполне достаточным, чтобы не испытывать терпения аудитории, и одновременно неполным, поскольку я вынужден был обойти молчанием (часто несправедливо) не менее, а быть может, и гораздо более важные проекты.

Хочу подчеркнуть, что учреждая совместные премии обеих Академий за проведенные совместные исследования ПАН и РАН, как говорится, «попали в точку». Оказалось, что есть за что награждать, отсюда — решение об увеличении количества премий до трех. Как известно, награды этого года будут вручены лауреатам непосредственно на сегодняшнем заседании. Хочу также обратить внимание на очень важный момент отчета совместной Комиссии по присуждению премий. В нем отмечено, что на

награды претендовало 11 работ или серий работ, а также, что все работы отвечали условиям конкурса. Это еще раз доказывает, что мы умеем вместе проводить результативные успешные исследования, приносящие значительные научные результаты.

* * *

Господин Президент, глубокоуважаемое собрание!

Уже много лет мы говорим о необходимости расширения научных контактов между молодыми учеными. В 2004 году обе академии согласовали организацию и проведение симпозиумов, научных сессий для молодых ученых по отдельным научным дисциплинам. Конечно, вряд ли можно было ожидать, что в течение 4 лет мы сможем кардинально изменить наши традиции и полностью реализовать задуманное. Тем не менее, хотелось бы отметить, что многое в этом направлении (хотя и не все) уже сделано. Бесспорно, признания заслуживают экологи, которые постоянно организуют школы молодых экологов. В текущем году должна состояться встреча в рамках третьей школы в Закопане, а предыдущие школы прошли в Миколайках и Пушкино. Две школы для молодых археологов и этнологов организовал Институт археологии и этнологии ПАН, а еще одну, под названием «Славянские встречи» Институт литературных исследований ПАН. Очень увлекательная школа для молодых биологов и океанологов состоялась на российском научно-исследовательском судне в Баренцевом море. Планируются новые встречи, например школа для молодых астрономов в Пулково в 2009 г. Однако мы также должны открыто признать, что в работе по развитию взаимных связей в среде научной молодежи еще многое предстоит сделать, чтобы достигнутые договоренности осуществлялись на регулярной основе.

Для полноты картины нашего сотрудничества стоит вспомнить, что наши институты организуют и финансово обеспечивают собственные научные мероприятия, такие как конференции, визиты ученых для выступления с докладами, семинары и т.д. Мы, конечно же, не воспринимаем подобную самостоятельность как самоуправство или отсутствие субординации, но наоборот, горячо ее поддерживаем. Мы понимаем также и то, что сотрудничество за счет средств Европейской комиссии, на котором я хотел бы остановиться отдельно, будет организовано и профинансировано на уровне институтов, а не центральной академической администрации.

Программы по обеспечению научных исследований Евросоюза предлагают конкурсы на получение средств для исследований, которые могут послужить важным дополнением к собственным ресурсам наших стран, выделяемым на развитие науки. Они позволяют принять участие в больших международных исследовательских проектах, тем самым способствуя решению интересных научных задач. Получение средств Евросоюза очень бюрократизировано и это может, фигурально выражаясь, «отпугнуть»

ученых, мало знакомых с особенностями брюссельской «кухни». Но избежать бюрократических процедур невозможно, а положительные результаты дают возможность намного эффективнее проводить совместные исследования.

Хотел бы также несколько слов сказать о работе Постоянного представителя ПАН при РАН. Очевидно, дать ей оценку может только вышестоящее руководство. Я полагаю, что Постоянный представитель ПАН при РАН очень помогает нам в работе. Он информирует нас об инициативах и исследованиях РАН, имеющих большое значение для развития нашего сотрудничества, объясняет то, что может быть нам не вполне понятно, содействует выдвижению новых инициатив, помогает в преодолении трудностей организационного и бюрократического характера. Мы верим, что он всегда готов предоставить всем заинтересованным лицам и учреждениям РАН материалы, информацию и разъяснения, касающиеся современного состояния польской науки. С удовлетворением хотел бы отметить, что предшественники на этом ответственном посту профессора М. Волоса пользовались полным доверием, как руководства РАН, так и своих коллег из институтов РАН. Я надеюсь, что и ему удастся продолжить эту хорошую традицию.

* * *

Глубокоуважаемый господин Президент и все присутствующие, завершая свое выступление, хочу поблагодарить членов Президиумов ПАН и РАН, а также всех присутствующих за терпение и оказанное внимание. Также хочу пригласить вас посетить выставки «Польские исследователи Сибири», «Польская научная книга» и «Достижения научно-исследовательских центров Польской академии наук», которые вскоре будут открыты в этом здании.

Перевод С. Кочегаровой

Перспективы польско-российского сотрудничества в области изучения и публикации источников по истории Польши и России

Предлагаемый вниманию читателей сборник трудов подготовлен Комиссией историков России и Польши по материалам одноименной международной научной конференции проходившей 4–5 июня 2008 г. в рамках «Дней польской науки в Российской Федерации», приуроченных к 50-летию Соглашения о сотрудничестве между Польской академией наук и Российской академией наук. Говоря о совместной работе польских и российских историков, трудно свыкнуться с мыслью, что вот уже пятьдесят лет продолжается наше, на мой взгляд, плодотворное научное сотрудничество. Оно развивалось — как это свойственно науке — независимо от политических перемен, хотя позитивные тенденции в политических отношениях, несомненно, содействуют успешной реализации наших начинаний и планов.

Польско-российское сотрудничество в исторической науке преимущественно осуществлялось по трем направлениям: во-первых, в организации Комиссией польских и российских (ранее советских) историков регулярных научных конференций. Они проводились поочередно в России и в Польше. Вторым направлением были год от года, вплоть до 1990 г., расширявшиеся программы научных стажировок сотрудников институтов Польской академии наук в СССР, а Российской академии наук — в Польше. С 1993 г. эти программы были возобновлены в рамках сотрудничества ПАН и РАН. И, хотя они и не достигли прежних объемов, но продолжают сохранять для обеих академий и для науки Польши и России весьма существенное значение. Третьим важнейшим направлением сотрудничества стала публикация ценных для истории обеих стран исторических источников, о чем свидетельствует целый ряд фундаментальных сборников документов.

Во главе Комиссии историков Польши и России неизменно находились выдающиеся ученые. В последние годы с российской стороны ее возглавляли члены-корреспонденты РАН: Я.Н. Щапов, В.К. Волков, сегодня ее сопредседателем является чл.-корр. РАН Н.А. Макаров; с польской стороны в это время работой Комиссии руководили действительный член ПАН Юльющ Бардах, профессор Виктория Сливовская, в 2008 г. эстафету от них принял автор настоящей статьи. Как и при наших предшественниках, тематика и организация предстоящих конференций Комиссии остается в центре внимания ее работы. Как и прежде Комиссия будет уделять пристальное внимание развитию программы стажировок российских и польских ученых, работая также и над поиском новых, соответствующих сегодняшним условиям, форм научного обмена.

Сейчас предметом анализа является уже упомянутое выше направление сотрудничества польских и российских ученых, посвященное совместной публикации исторических источников. В связи с чем мы остановимся на тех проблемах, которые еще не нашли отражения в нашей совместной деятельности, но которые заслуживают внимания, имея в виду развитие сотрудничества двух академий в последующие годы. Из упомянутых мною проблем, имея в виду также наличие в архивах Российской Федерации соответствующих фондов, конечно, придется выбрать те, которые будут более всего соответствовать научным интересам обеих наших сторон. При этом представляется, что мы не должны ограничиваться изучением только так называемых «белых пятен» нашей истории, хотя никто не умаляет их значения. Для науки предметом исторического исследования может быть только прошлое в целом, а не отдельные его периоды или эпизоды. Выделяя в этом прошлом те или иные монографические темы, мы исходим из принципа органического единства исторического процесса, что также предполагает необходимость критического анализа накопленного знания с учетом введенных в научный оборот новых исторических источников и в свете развития методологии и методики исторического исследования. Поэтому не менее важно глубоко проанализировать и те события и процессы нашего прошлого, которые ранее уже становились объектом исследования.

Далее мы обратимся к примерному перечню проблем (расположенных, по хронологическому принципу). Им посвящены также многие доклады на конференции 2008 г. и статьи настоящего сборника, что в свою очередь, надеюсь, создаст благоприятную почву для дальнейшего осуществления наших замыслов и планов. Их реализация в значительной степени основывается на введении в научный оборот новых и малоизвестных исторических источников. Их публикацию, по нашему мнению, с успехом можно было бы организовать совместными усилиями историков Польши и России. Новейшим примером такой публикации мог бы послужить выпущенный в 2009 г. Институтом истории ПАН совместно с Институтом славяноведения РАН посвященный «конаршикам» очередной том серии «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы»¹.

Вне всякого сомнения, трудно уверенно предсказать развитие будущего польско-российского сотрудничества в области научных исследований и публикации исторических источников в равной мере, как и делать прогнозы о будущем польско-российских отношений в других областях, не говоря уже о большой политике. Можно утверждать с некоей долей иронии, что перспективы широки и радужны, однако реально складывающиеся отношения могут эти перспективы сильно сузить.

С позиции оптимистического отношения к дальнейшему развитию событий, которое обещает как дальнейшее улучшение польско-

российских отношений, так и продолжение уже начатых проектов в сфере научного сотрудничества историков двух стран, характеризуя сегодняшнюю ситуацию в этой области, можно было бы воспользоваться старой доброй формулой – «достигнуто многое, однако наличествует немало неразрешенных вопросов». Ряд существенных исторических событий не получил отражения в совместных сборниках документов. Это касается не только таких ключевых кульминационных событий как польские восстания, но и длительных исторических процессов, которые являлись результатом польско-российского взаимодействия и противостояния. Образно говоря, данную ситуацию можно было бы сравнить с айсбергом, вершина которого представляла бы всю проделанную работу, а его большая, подводная часть – работу, которую ещё предстоит проделать.

Доклады, представленные на конференции и помещенные в этом сборнике статьи, касаются проблематики, которая не получила ещё должного отражения в историографии. В них, ставятся вопросы важные с точки зрения отдельных исследователей и научно-исследовательских коллективов и вместе с тем существенные для исторической науки в целом. На протяжении уже многих лет некоторые из этих проблем являлись предметом дискуссий, в ходе которых отнюдь не всегда удавалось достигнуть ожидаемых обеими сторонами результатов. Примерами плодотворного сотрудничества на этом поле являются 25-томная серия «Восстание 1863 года. Материалы и документы», изданная в 1961–1986 годах под руководством Стефана Кеневича и И.С. Миллера, а в дальнейшем – В.А. Дьякова. Начало совместной работы над ним было приурочено к столетию падения в России крепостного права и Январского восстания 1863 года в Польше². В дальнейшем в 1978 г. была начата новая фундаментальная публикация (т. н. «Зеленая серия»), озаглавленная «Общественно-политические движения и литературная жизнь Польши 1832–1855», получившая продолжение под названием «Польское освободительное движение и польско-российские общественно-культурные связи в XIX веке». Над ее томами трудился многочисленный коллектив российских и польских архивистов и исследователей под руководством Виктории Сливовской и В.А. Дьякова³. Последний из вышедших в свет ее томов мы уже упоминали. Сейчас предстоит работа над заключительными томами серии, посвященным польскому освободительному движению 1846 г. и Патриотическому обществу под руководством Валериана Лукасиньского.

Кроме вышеупомянутых исследователей, следует ещё раз назвать таких выдающихся ученых как Юльющ Бардах, Людвик Базылев, и Я.Н. Щапов, чьи заслуги в минувшие годы в деле сотрудничества историков России и Польши, а также поддержания многочисленных издательских инициатив, нельзя переоценить. Однако названными именами этот перечень отнюдь не ограничивается. Многие из участников конференции 2008 г. внесли достойный вклад в развитие нашего сотрудничества. Неко-

торые нас уже покинули. Вспомню здесь Ю.И. Штакельберга, чья работа о печатях повстанцев прочно вошла в польскую историографию⁴.

Говоря о перспективах совместной работы по публикации источников по истории Польши и России, мы связываем ее с расширением тематики и хронологических рамок нашей совместной публикаторской деятельности. Отдавая себе отчет в дискусионности такого рода предложений, мы надеемся, что высказанные здесь соображения послужат поводом для широкого и заинтересованного обсуждения поставленных проблем и вынесенных на рассмотрение замыслов. Хотя мы сознаем, что высказываемая точка зрения и является в определенной мере субъективной, однако считаем необходимым подчеркнуть, что наши предложения были сформированы на основе глубоко продуманного концепта сотрудничества в этой области российских и польских историков. В силу ряда причин, в том числе обусловленных и нашими собственными научными интересами, мы предлагаем сконцентрироваться на проблемах истории XIX и XX веков. (В то же время, я отдаю себе отчет в том, что много ценных исторических материалов относится к более ранним периодам, прежде всего к XVI–XVIII векам). Исторические источники XIX – начала XX веков, о которых мы говорим, в целом можно было бы классифицировать, во-первых, как административно–правовые акты, касающиеся бывшего Великого княжества Литовского, во-вторых, как материалы по истории дворянского сословия на землях ранее принадлежавших шляхетской Речи Посполитой.

С точки зрения польских исследователей особое значение имеет работа над Метрикой Великого княжества Литовского и другими источниками по истории Великого княжества Литовского, особенно периода после заключения Люблинской унии в 1569 году. Как известно, активные исследования в этом направлении ведутся не только в Польше, но и в Литовской республике, хотя в течении многих лет упомянутое направление исследований сталкивалось с разного рода серьезными затруднениями. В рамках конференции 2008 г. этим вопросам посвящены доклады Анджее Рахубы и Хенрыка Люевича, с польской стороны, и А.Л. Хорошкевич, со стороны российской.

Следует подчеркнуть, что благодаря исследованиям Литовской метрики становится возможной не только детальная реконструкция правоотношений, вопросов собственности, функций и компетенции различных органов власти и учреждений Великого княжества, но и более глубокое представление о статусе, правах и привилегиях всего дворянского сословия Речи Посполитой. Это направление исследований также связано с разработкой проблем истории религии и церкви, а также проблем межконфессиональных отношений, в частности, с полемикой историков вокруг Брестской унии 1596 г., с феноменом изменения вероисповедания до и после введения униатства, с проблемой перехода не только в католичество, но и в протестантство, особенно в кальвинизм.

Расширение круга работ на основе публикации Литовской метрики позволило бы существенно продвинуть исследования в области вспомогательных исторических дисциплин: геральдики, генеалогии и т. п. В целом можно утверждать, что издание не только Метрики Великого княжества Литовского, но и источников по истории парламентаризма в Великом княжестве Литовском имеет огромное значение для исследований также и по российской истории, истории российского дворянства и русской генеалогии. Этой проблеме на конференции были посвящены доклады Б.Н. Флори и М.Е. Бычковой. К этому можно добавить, что научная публикация Литовской метрики приобретает еще большее значение, имея в виду исследования по истории судеб польской шляхты на землях, вошедших в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой и присоединения к владениям дома Романовых в 1815 г. Королевства Польского (Kongresowego), а также после начатого в 30-е годы XIX века процесса унификации шляхты с российским дворянством. Литовская метрика как комплекс уникальных исторических источников имеет также фундаментальное значения для анализа позднейших изменений в среде польского дворянства.

Своего рода дополнением и образным *pendant* к работе над Метрикой Великого княжества Литовского было бы (в отношении XIX века) начало работ по изданию документов, связанных с деятельностью Комитета Западных губерний (1831–1848 гг.), а также аналогичного учреждения в структуре государственной администрации – Западного комитета (1862–1865 гг.). В документах обоих комитетов содержатся не только фундаментальные по своему значению материалы по истории российской политики на территориях Литвы, Белоруссии и на Правобережной Украины (вошедших до конца XVIII в. в состав Великого княжества Литовского), но также подробные сведения о некоторых семьях, участвовавших в восстании 1830–1831 гг., о судьбе их землевладения, о реквизиции и об отмене секвестра, а также об актах помилования, которое применялось не так уж и редко Николаем I. Подобным образом выглядит ситуация с документами Комитета по делам Царства Польского, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Стоило бы также задуматься над возможностью публикации материалов Герольдии Правительствующего Сената, по крайней мере в части, относящейся к Царству Польскому и к Западным губерниям.

В связи с проведением в XIX веке в Западных губерниях империи и в Царстве Польском т. н. подтверждения дворянства польской шляхты и в связи с ее уравниванием в правах и привилегиях с российским дворянством («разборов шляхты») заслуживало бы, по нашему мнению, издания на польском языке, тщательного исследования и научного исторического и юридического комментирования корпуса важнейших законодательных актов Российской империи о сословном и правовом статусе дворянства в России. Прежде всего, имеется в виду «Жалованную грамоту дворянству»

Екатерины II (1785 г.). Тогда же было выпущено ее единственное издание на польском языке, которое теперь является библиографической редкостью и, разумеется, не соответствует современным научным требованиям. Действие «Жалованной грамоты дворянству» в 30-е годы XIX века, особенно после отмены в 1840 году Литовского Статута (третьей редакции), была распространена на дворянство т. н. литовско-русских земель бывшей Речи Посполитой. В целом можно констатировать насущную потребность публикации в польской версии всех царских указов и иных законодательных актов, относящихся к дворянству территорий Речи Посполитой, включенных в состав Российской империи, начиная с первого раздела Польши в 1772 году.

Отдельный круг источников, представляющий исключительный интерес, составляют документы, относящиеся к религиозному вопросу в польско-российских отношениях. В первую очередь, это документы, касающиеся деятельности католической церкви в России, отношений православной и греко-католической церкви, а также иных христианских церквей, прежде всего протестантских, особенно лютеранской и кальвинистской. Ключевой проблемой для периода конца XVI – начала XVII века является Брестская уния 1596 года. Фонды польской нунциатуры содержат важные сведения по этому вопросу, которым на конференции был посвящен специальный доклад. Однако работа над поиском документов в российских архивных фондах, имея в виду их публикацию, не должна ограничиваться периодом Брестской унии и бурных дискуссий по религиозным вопросам начала XVII в. (особенно в кругах Киево-Могилянской академии). Она должна охватывать весь период интенсивной межконфессиональной полемики между церковными и светскими элитами польско-литовского государства и России, начиная с XVI в. и вплоть до 60-х годов XVIII в., когда в правление Екатерины II провозглашенная императрицей защита религиозных свобод иноверцев в Речи Посполитой вышла за рамки собственно религиозной проблематики. Хотя сам по себе религиозный вопрос сохранил свое значение как существенный фактор политики российского государства по отношению к Речи Посполитой и в XVIII в.

Обращаясь к проблематике религиозных и межконфессиональных отношений в системе польско-российских общественных, политических и культурных связей XIX – начала XX вв. укажем на особое значение документов Петербургской Духовной коллегии и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, а позднее Департамента духовных дел, которые имеют фундаментальное значение для периода после разделов Речи Посполитой. Особое значение, по нашему мнению, приобретают документы, касающиеся подготовки ликвидации церковной унии в 1839 году и непосредственно самого процесса упразднения униатства, включения греко-католической церкви в состав господствующей православной (греко-русской) церкви, выступавшей в то время

как составная часть государственного аппарата российского абсолютизма. Кстати, многие описи упомянутых архивных фондов уже доступны на польском языке благодаря неутомимой деятельности исследователя из Института Центральной и Восточной Европы из Люблина Марьяна Радвана⁵.

Очередной проблемный блок можно было бы озаглавить «Российские чиновники в Царстве Польском и Западных губерниях империи». Здесь заслуживает внимания предложение о составлении сборников (словарей), содержащих, быть может, не только перечень фамилий, но также биограммы избранных, наиболее важных лиц. В этом направлении исследований есть уже позитивные примеры трудов о российской администрации Царства Польского, как, например, работа Тадеуша Мантейфеля⁶ об управлении народным просвещением, или работа другого автора – Лукаша Химяка⁷ о российских губернаторах. Представляет интерес расширение хронологических рамок исследований деятельности элементов российской автономной администрации в Польше после восстановления в 1918 г. независимой Республики. Речь идет о деятельности на территории Польши белоэмигрантских организаций и военных формирований. В целом проблема истории русской эмиграции в Польше после 1917 года и в межвоенный период представляет несомненный интерес. К этому вопросу мы еще вернемся⁸.

Среди традиционных тем, являющихся одновременно основой польско-российского научного сотрудничества уже на протяжении многих лет являются исследования Сибири, а также широкий спектр вопросов связанных с сибирской ссылкой поляков – участников освободительного движения. Значительный вклад в эти исследования внесли польские ученые. Координацией работ в этой области ведает, в частности, особая Сибирская комиссия ПАН. Однако тема Сибири отнюдь себя не исчерпала. В этой области по-прежнему есть немало нерешенных вопросов не только в отношении событий XIX века, но, может быть, прежде всего, в отношении XX века. Работа, начатая профессором Викторией Сливовской, автором биографического словаря польских ссыльных, должна быть продолжена⁹. Стоило бы расширить исследования ссылки поляков на северные территории европейской части России, так часто и неверно идентифицированной в польских источниках с Сибирью. Важным было бы здесь использование не только российских центральных архивов, но и региональных архивов соответствующих субъектов федерации.

Продолжения и развития заслуживают также ставшие уже традиционными исследования, касающиеся деятельности поляков (преподавателей и студентов) в российских университетах. Среди трудов в этой области можно было бы назвать работы Ежи Розевича¹⁰, Рышарда Волошиньского, Артура Кияса¹¹. Составление биографического словаря польских преподавателей и научных сотрудников, работавших в России, могло бы быть

достойным и важным заданием для будущей совместной работы. С польской стороны уже сделаны первые шаги в этом направлении. В 2008 году была издана монография Иоанны Шиллер о концепции университетского образования в России в 1863—1917 гг.¹², готовится к публикации другая работа, на этот раз касающаяся Императорского Варшавского университета. Это будет первое исследование, рассматривающее подлинную роль этого российского высшего учебного заведения как учебного, методического, научного и просветительского центра, не ограничиваясь его традиционной для польской историографии характеристикой как оплота русификации и периферийного провинциального университета, что в свете новых исследований не кажется уже вполне обоснованным.

Совершенно очевидно, что для периода Российской империи тем и архивных источников для их изучения (публикация которых была бы крайне полезна) значительно больше, нежели те, которые мы в силу необходимости кратко затронули. Сделанные на конференции доклады могут вполне дополнить этот перечень, указав на материалы военного и полицейского ведомств, на материалы учета и регистрации землевладения и землепользования, в частности, на ипотечные книги, на самые разные источники личного происхождения, включая сюда, в частности, различного рода корреспонденцию и фотоматериалы. В области исторической географии и истории картографии ждет свою очередь обработка и публикация интендантской карты Царства Польского, составленной в 1822—1843 годах и хранящейся в Москве. Она является одной из самых точных и полных карт Царства XIX века.

Отдельный блок проблем относится к истории XX века и послереволюционному периоду польско-российских отношений. С ним связано большинство т. н. «белых пятен». К сожалению, из-за их достаточно большого количества и малой степени изученности затруднительно предвидеть с достаточной степенью уверенности направления изучения этих проблем в будущем, а также даже приблизительно определить время, необходимое для их совместной разработки.

Обращаясь, как и прежде, к рассмотрению в хронологическом порядке актуальных для польской и российской исторической науки проблем укажем в начале на такую важную тему как Советско-польская война. О сложности этой проблемы свидетельствует хотя бы то, что ее хронологические рамки отдельными историками в России и в Польше трактуются по-разному. Принимая во внимание сопутствующую данной проблеме политическую напряженность и связанную с ней «историческую (историографическую) политику», проводимую как российской, так и польской сторонами, стоит вернуться к продолжению исследований и подготовке к публикации, а также проведению совместных редакционных работ над материалами и источниками по истории войны и судьбами пленных красноармейцев в первые годы истории межвоенной Речи Посполитой. Разумеется, совместные ис-

следования в этой области должны быть самым тесным образом связаны с изучением русской эмиграции в Польше в 1920–1930-е годы. Хорошим примером сотрудничества польской и российской сторон может служить работа «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.»¹³, подготовленная Федеральным архивным агентством России, Российским государственным военным архивом, Государственным архивом Российской Федерации, Российским государственным архивом социально-экономической истории и польской Генеральной дирекцией государственных архивов. Общественный интерес к этой проблеме, называемой иногда в Польше «Анти-Катынь», неразрывно связан с проблемой расстрела в 1940 г. органами НКВД СССР интернированных в Советском Союзе польских офицеров.

Очередным примером успешного международного на этот раз трехстороннего польско-американско-российского сотрудничества ученых из различных институтов и организаций являются работы над проблематикой, связанной с катынским делом. На данный момент опубликовано в Польше четыре тома документов и два – в России, ставшие результатом совместной работы Главной дирекции государственных архивов в Варшаве, Российской государственной архивной службы в Москве, а также Института всеобщей истории РАН, Института военной истории Министерства обороны РФ, Центрального архива Федеральной службы безопасности РФ¹⁴. В подготовке этой публикации важную роль сыграли профессор Войцех Матерский – автор многих научных исследований по истории советско-польских отношений – и Н.С. Лебедева, получившая известность в Польше как автор монографии о катынском преступлении¹⁵. Её работа была первым российским изданием на эту тему и представила катынское дело максимально объективно, что нашло высокую оценку не только в научных кругах Польши, но и среди польской общественности. За свою книгу, еще до её издания на польском языке, Н.С. Лебедева получила награду «Przeglądu Wschodniego»¹⁶, учрежденную для иностранцев. Изучение эпохи сталинизма, в частности, применительно и к истории советско-польских отношений, несомненно, одно из приоритетных направлений развития исторической науки Польши и России. Здесь сосредоточен значительный исследовательский потенциал, представленный ведущими институтами и выдающимися учеными. Однако, несмотря на достигнутые значительные успехи, едва ли можно утверждать, что история преступлений сталинщины полностью изучена. Разработка историками названной проблемы оказалась под сильным влиянием сегодняшней политики и под давлением различных направлений общественного мнения, чем объясняются различного рода существенные препятствия, возникшие на пути ее полного раскрытия.

* Подробнее о сотрудничестве в деле публикации источников о катынском расстреле см. статью Н.С. Лебедевой.

** Журнал «Восточное обозрение» издается в Польше (*прим. ред.*).

Следующий круг вопросов, который необходимо выделить, связан с изучением источников периода Второй мировой войны. Позволим себе остановиться только на некоторых частных аспектах, которые, однако, имеют принципиальное значение для Польши и на протяжении минувшего полувека оказывали и продолжают оказывать существенное воздействие на атмосферу польско-российских отношений как на уровне государств и правительств, так и общественности. Речь идет об изучении и введении в научный оборот исторических источников, отразивших действия Красной Армии и советских властей на территориях, включенных в состав СССР после 17 сентября 1939 года, а также в период освобождения оккупированных гитлеровцами территорий СССР и Польши в 1944–1945 гг. Другим важным элементом было бы изучение деятельности органов госбезопасности (НКГБ/НКВД, МГБ/МВД и СМЕРШа) на территории Польши во второй половине 1940-х годов. Убежден, что публикация исторических источников, проливающих свет пускай даже на самые болезненные и неприятные с точки зрения национальных интересов события и факты, благотворно повлияет не только на научные контакты, но и на улучшение атмосферы взаимных контактов между народами. В разработку указанных проблем значительный вклад внесли польские ученые, в частности уже упомянутый выше Войцех Матерский¹⁶. Говоря о достижениях польской историографии в изучении эпохи сталинизма, укажем в качестве позитивного примера на монографию недавно ушедшего от нас Павла Вечоркевича под названием «Цепь смертей», посвященную сталинским чисткам среди командного состава Красной Армии. Это, возможно, одно из наиболее полных исследований репрессий в Красной Армии в 1930-е годы¹⁷. Весьма существенной характерной чертой подходов польских и российских историков к анализу событий, явлений и процессов 1930-х годов, а также периода Второй мировой войны стало подчеркнутое обращение авторов исторических исследований к современности, к проблеме политическому и общественного звучания тем, формально относящихся к историческому прошлому. Эта черта присутствует практически во всех без исключения трудах. Пожалуй, наиболее ярким примером в этом ряду могла бы стать работа И.С. Яжборовской, А.Ю. Яблокова и В.С. Парсадановой, в которой воедино сплелись жанры монографии и политической публицистики¹⁸.

Изучение польско-советских отношений эпохи Польской Народной Республики, начиная с первых послевоенных лет, несмотря на уже созданную солидную историографическую базу, также требует существенного обновления исследовательских тем и круга изучаемой проблематики. Одним из необходимых условий решения этой задачи должно стать расширение источниковой базы исследования, введение в научный оборот новых источников, прежде всего путем их публикации в Польше и в России, что само по себе послужит стимулом к раз-

вitiю научного поиска, совместной работы российских и польских историков над темами и проблемами, общими для истории наших народов. Среди трудов в этом направлении можно выделить работы уже упомянутых российских авторов В.С. Парсадановой, И.С. Яжборовской и польских исследователей Войцеха Матерского, Александра Коханьского, Генрика Бартошевича и других¹⁹. Российские и польские архивисты совместно подготовили несколько публикаций документов по истории польско-советских отношений²⁰ и о советском влиянии в Восточной Европе²¹. Однако в целом, советско-польские отношения в послевоенный период, в частности в 1940–1950-е годы, трудно назвать полностью изученными.

В связи с этим представляется актуальной совместная работа по изданию документов центральных органов власти ПНР и СССР. Наиболее важной и практически осуществимой была бы подготовка к публикации документов второй половины 1940-х — конца 1950-х годов, где особое внимание заслуживают события 1956 года в Польше и в странах т. н. социалистического лагеря²². Среди подобных публикаций есть уже целый ряд российских работ: стоит упомянуть «Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1954: Документы», «Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления»²³. Для польской стороны период 1940–1950-х годов является принципиально важным с точки зрения июньских и октябрьских событий 1956 года. В центре сегодняшней дискуссии в Польше находится проблема степени независимости Народной Польши и статуса властей ПНР по отношению к СССР, в т. ч. определение в какой мере решения, принимаемые на государственном уровне в ПНР, зависели от позиции Москвы²⁴.

Целый ряд тем охватывает исторически весьма протяженную эпоху в польско-российских отношениях, занимающую практически два столетия, XIX и XX века. Уместно будет добавить, что эта эпоха и связанная с ней проблематика нашли отражение в Протоколе к Соглашению о сотрудничестве между ПАН и РАН, в котором присутствует специальная тема «Поляки в Российской империи и Советской России в XIX–XX вв.» (руководители В. Сливовская и С.М. Фалькович). В рамках этой темы весьма плодотворным мог бы быть проект по изучению польских студентов в России и позднее в СССР, а также российских студентов (а также студентов из стран СНГ и Прибалтики) в Польше. С одной стороны, это могла быть публикация источников самого разного характера, как нормативно-правовых актов, бюджетов, статистических данных (касающихся учебных заведений, учебного процесса и т. д.). С другой стороны, очень интересными представляются исследования этого явления с точки зрения социологии, в т. ч. проведение исследований с участием нынешних студентов, а также студенческого прошлого людей старших поколений. Значительная часть историче-

ских источников по указанным проблемам, относящихся к послевоенному периоду и характеризующих польское студенчество в России и СССР как социальный и исторический феномен, находятся в Архиве новейшей истории в Варшаве (Archiwum Akt Nowych). Следует заметить, что сравнительная характеристика студенчества Царства Польского в XIX веке и студенчества второй половины XX века могла послужить основанием для интересных наблюдений и важных выводов по целому ряду существенных вопросов. Например, по вопросу о мотивах поведения, об этике и социальных целях студенчества разных исторических эпох и поколений, а также о степени реализации личных планов и устремлений студентов и влияния на такую реализацию социальных и политических факторов.

Не менее интересен был бы анализ отношений в научной сфере между ПНР и СССР как в области точных и естественных наук, так и в области общественных наук. Среди наиболее важных проблем взаимоотношений двух стран и их научных сообществ, несомненно, присутствует проблема истории отношений и сотрудничества (в том числе и на уровне руководства двух академий наук) между Академией наук СССР и Польской академией наук. Важную позитивную роль сыграли ученые из СССР в начале 1950-х годов, поддержавшие своим авторитетом старую профессию послевоенной Польши, примером чему может послужить ситуация, когда во время известной конференции в Отвоцке жестким нападкам со стороны молодых польских историков марксистского направления подвергся Тадеуш Мантейфель.

В заключении хотелось бы привести еще один важный довод в пользу нашего сотрудничества. Известно, что одним из следствий перипетий сложной истории Польши стало бесследное исчезновение или гибель огромного количества ценных материалов и документов. Поэтому документы периода XIX и XX веков, хранящиеся в российских архивах, являются исключительно важным источником.

И последнее. Мнения и оценки историков различных научных и национальных школ по многим вопросам, как известно, существенно расходятся. Историки России и Польши не составляют в этом исключения. Однако выяснение многочисленных несоответствий и установление ранее неизвестных фактов, с нашей точки зрения, могли бы способствовать развитию корректной научной дискуссии, учету мнения оппонентов, что, несомненно, послужило бы на благо науки. К сожалению, очень часто политики по обеим сторонам склонны утилитарно относиться к трудам историков, игнорируя те факты и суждения, которые не укладываются в их представления об истории. Для преодоления подобных негативных тенденций мы должны в интересах наших стран и в интересах науки сделать все возможное, чтобы строить наши отношения по принципу взаимного уважения и в форме конструктивного диалога.

PRIMECHANIA

¹ Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni Kijowskiej. Szymon Konarski. Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский / под ред. М. Мициньской. Warszawa, 2009. Задачей серии стала публикация исторических источников и исследовательских статей монографического характера, что обусловило уникальность указанного издания.

² Powstanie Styczniowe. Materiały i dokumenty / pod red. S. Kieniewicza, W. Diakowa. Warszawa, 1961–1986. T. 1–25.

³ Seria: Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie 1832–1855: studia i materiały. Wrocław, 1978–1984. В серии опубликованы три тома: Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i «Świętokrzyżcy» / pod red. W.A. Diakowa, S. Kieniewicza, W. Śliwowskiej. Wrocław, 1978; Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim w latach 1840–1845, Edward Dembowski / pod red. W.A. Diakowa, S. Kieniewicza, W. Śliwowskiej. Wrocław, 1981; Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku / pod red. W.A. Diakowa, S. Kieniewicza, W. Śliwowskiej. Wrocław, 1984. Серия была продолжена под названием: Polski Ruch Wyzwoleńczy i Polsko-Rosyjskie Więzi Społeczno-Kulturalne w XIX Wieku. В ней были опубликованы еще два тома: *Diaków W.A., Gałkowski A., Śliwowska W., Zajcew W.M.* Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855 (Królestwo Polskie). Przewodnik bibliograficzny. Wrocław, 1990; *Wiosna Ludów w Królestwie Polskim: organizacja 1848 roku* / pod red. W.A. Diakowa, S. Kieniewicza, W. Śliwowskiej. Wrocław, 1994.

⁴ *Sztakelberg J.I.* Pieczęcie powstańcze 1863–1864. Warszawa, 1988.

⁵ *Radwan M.* Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim 1796–1839. Lublin, 2004; *Idem.* Repertorium wizytacji kościołów i klasztorów w archiwach petersburskiego Kolegium Duchownego (1797–1914). Lublin, 1998; Inwentarz materiałów do dziejów kościoła katolickiego w archiwum Wileńskiego Gubernatora Wojennego / oprac. M. Radwan. Lublin, 1997; Inwentarz materiałów do dziejów kościoła katolickiego w mińskich archiwach gubernatorskich / oprac. M. Radwan. Lublin, 1998; Inwentarz materiałów do dziejów kościoła katolickiego w archiwach grodzieńskiego gubernatora cywilnego / oprac. M. Radwan. Lublin, 1998; Kościół katolicki w archiwach departamentu wyznań obcych rosyjskiego MSW: repertorium / oprac. M. Radwan. Lublin, 2001; Repertorium archiwów archidiecezji mohylewskiej i diecezji mińskiej / oprac. M. Radwan, Lublin, 2001; Wizytacje generalne parafii unickich w województwie kijowskim i braclawskim po 1782 roku / oprac. M. Radwan. Lublin, 2004; Католическая церковь накануне революции 1917 года: сборник документов / oprac. M. Radwan, Lublin, 2003.

⁶ *Manteuffel T.* Centralne władze oświatowe na terenie b. Królestwa Kongresowego (1807–1915). Warszawa, 1929.

⁷ *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Warszawa, 1999.

⁸ См. напр.: *Emigracja rosyjska: losy i idee / pod red. R. Backera i Z. Karpusa*. Łódź, 2002.

⁹ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998.

¹⁰ *Rózewicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania naukowe: (1725–1918). Wrocław, 1984; *Idem.* Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918–1939. Wrocław, 1979.

¹¹ *Wołoszyński R.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa, 1974; *Idem.* Polacy w Rosji, 1801–1830. Warszawa, 1984; *Kijas A.* Polacy na Uniwersytecie Charkowskim 1805–1917. Poznań, 2005; *Idem.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku: słownik biograficzny. Warszawa, 2000

¹² *Schiller J.* Universitas Rossica. Koncepcja rosyjskiego uniwersytetu 1863–1917. Warszawa, 2008.

¹³ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М.; СПб., 2004. См. также: *Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Dokumenty i materiały / oprac. W. Materski*. Warszawa, 2000; *Materski W.* Pobocza dyplomacji. Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczypospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Warszawa, 2002; *Idem.* Na widencie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943. Warszawa, 2005; *Idem.* Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939. Warszawa, 1994; *Ślusarczyk J.* Polska a Państwo Radzieckie. Kalendarium 1918–1939. Warszawa, 1996; *Karpus Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924. Toruń, 1991.

¹⁴ Катень. Пленники необъявленной войны / под ред. А.Н. Яковлева. М., 1999; Катень. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001; *Katyń: dokumenty zbrodni / red. A. Gieysztor [et al.]; red. R.G. Pichoja [et al.] ; Naczelna Dyrekcja Archiwów Państwowych w Warszawie, Państwowa Służba Archiwalna Rosji w Moskwie, Instytut Historii Powszechnej RAN, Instytut Słowianoznawstwa i Bałkanistyki RAN, Instytut Historii Wojskowej MO FR, Centralne Archiwum Federalnej Służby Bezpieczeństwa FR. T. 1: Jeńcy nie wypowiedzianej wojny: sierpień 1939 – marzec 1940 / red. nauk. i oprac. W. Materski [et al.]. Warszawa, 1995; T. 2: Zagłada. Marzec–czerwiec 1940. Warszawa, 1998; T. 3: Losy ocalałych. Lipiec 1940 – marzec 1943. Warszawa, 2002; T. 4: Echa Katynia. Warszawa, 2006; *Katyń – dokumenty ludobójstwa: dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r. / przekład W. Materski; Warszawa, 1992.**

¹⁵ *Lebedeva N.* Katyń: zbrodnia przeciwko ludzkości, Warszawa, 1998. Ср.: *Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / ред. О.В. Яснова, М., 1991.*

¹⁶ См., в частности: *Kremlin versus Polana 1939–1945. Documents from the Soviet archives / sel. and ad. by W. Materski*. Warszawa, 1993; *Polscy je cy wojenni w ZSRR 1939–1941 / opra . W. Materski*. Warszawa, 1992. (Seria: Z Archiw w Sowie-

ckich. Z. 1); *Armia Polska w ZSRR 1941–1942* / oprac. W. Materski. Warszawa, 1992. (Seria: Z Archiwów Sowietkich. Z. 2).

¹⁷ *Wieczorkiewicz P. Łańcuch śmierci: czystka w Armii Czerwonej 1937–1939*. Warszawa, 2001.

¹⁸ *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских отношениях*. М., 2001.

¹⁹ *Парсаданова В.С. Советско-польские отношения 1945–1949*. М., 1990; *Яжборовская И.С. Вовлечение Польши в сталинскую блоковую политику. Проблемы и методы давления на польское руководство в 40-е годы* // Сталин и холодная война. М., 1998; *Bartoszewicz H. Polityka Związku Sowietckiego wobec państw Europy Środkowo-Wschodniej w latach 1944–1948*. Warszawa, 1999.

²⁰ *Polska i ZSRR: Struktury podległości. Dokumenty KC WKP(b) 1944–1949*. Warszawa, 1995; *Teczka specjalna Stalina. Raporty z NKWD z Polski 1944–1946*. oprac. T. Cariewskaja [et alt.]. Warszawa, 1998; *Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich 1949–1953* / wybór i opracowanie A. Kochański (et alt.). Warszawa, 2000.

²¹ *Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1948*. Т. 1. М., 1997; *Советский фактор в Восточной Европе. 1949–1953*. Т. 2. М., 1998; *Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich 1949–1953*. Warszawa, 2000; *Teczka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946* / oprac. T. Cariewskaja [et alt.]. Warszawa, 1998; *Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich. 1949–1953* / oprac. A. Kochański [et alt.]. Warszawa, 2000 (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 12); *Polska-ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty WKP(b) 1944–1949*. Warszawa, 1995; *NKWD o polskim podziemiu 1944–1948. Konspiracja polska na Nowogródzczyźnie i Grodzieńszczyźnie* / pod red. T. Strzembosza. Warszawa, 1997. *Большинство работ, изданных польской стороной, базируются только на источниках, имеющихя в Польше: Протоколъ обрад KC PPR w maju 1945 r.* / oprac. A. Kochański. Warszawa, 1992 (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 1); *Протоколы посидzeń Biura Politycznego KC PPR 1944–1945* / oprac. A. Kochański. Warszawa, 1992. (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 2); *Протоколы посидzeń Sekretariatu KC PPR 1945–1946* / oprac. A. Kochański. Warszawa, 2001 (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 14); *Протоколы посидzeń Biura Politycznego PPR 1947–1948* / oprac. A. Kochański. Warszawa, 2002. (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 15); *Centrum władzy. Protokoły posidzeń kierownictwa PZPR. Wybór z lat 1949–1970* / oprac. A. Dudek [et alt.]. Warszawa, 2000. (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 13).

²² К настоящему времени изданы документы, касающиеся только польской стороны: *Aparat bezpieczeństwa w latach 1944–1956*. Cz. 1: 1945–1947 / oprac. A. Paczkowski. Warszawa, 1994. (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 5); *Aparat bezpieczeństwa w latach 1944–1956. Taktyka, strategia, metody*. Cz. 2: 1948–1949 / oprac. A. Paczkowski. Warszawa, 1996. (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 9); *Agentura Informacji Wojskowej w latach 1945–1956* / oprac. Z. Palski. Warszawa, 1992. (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL. Z. 3); *Pierwsza*

próba indoktrynacji. Działalność Ministerstwa Informacji i Propagandy w latach 1944–1947 / oprac. K. Krawczyk. Warszawa, 1994 (Seria: Dokumenty do Dziejów PRL, Z. 7). Заслуживают внимания несколько монографий: *Jasiewicz K.* Zagłada polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. Warszawa, 1998; *Idem.* Pierwsi po diable. Elity sowieckie w okupowanej Polsce 1939–1941. Warszawa, 2001; *Materski W.* Dyplomacja Polski «lubelskiej». Lipiec 1944 – marzec 1947. Warszawa, 2007; *Ślusarczyk J.* Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945. Warszawa, 1993; *Idem.* Układ Warszawski. Działalność polityczna (1955–1991). Warszawa, 1992.

²³ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1954–1958. Документы. М., 2005; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. М., 2003.

²⁴ Polski październik 1956 w polityce światowej / pod red. Jana Rowińskiego. Warszawa: Polski Instytut spraw międzynarodowych, 2006.

**Публикация и познавательная ценность источников
военного и полицейского происхождения
в изучении истории польских земель
в составе Российской империи
во второй половине XIX века**

В исследовании истории Российской империи, занимавшей во второй половине XIX в. территорию более 20 млн. кв. км, особенное значение имеют материалы военного и полицейских ведомств. Эти документы позволяют составить представление не только о системе государственного и местного управления империи, но также и о социально-экономической истории страны. В пользу такого мнения говорит тот факт, что главной опорой Российской империи были вооружённые силы и полиция, игравшие одну из ключевых ролей во внутренней политике. Нетипичное для структур государственной администрации, но свойственное царской системе преобладание в гражданском управлении силовых учреждений было особенно присуще тем территориям, где единство империи отстаивалось военными и полицейскими мерами. Вследствие этого на окраинах Российской империи, в том числе на бывших землях Речи Посполитой, армия и полиция имели чрезвычайно широкие полномочия. Поэтому источники, выходящие из двух этих ведомств, нередко охватывают области, не имеющие ничего общего с вооружёнными силами и охраной общественного порядка.

Познавательная ценность

В комплексе архивных источников, касающихся истории польских земель в составе России, особую ценность имеют документы, отражающие основополагающие принципы и политические цели властей, в частности, рапорты варшавских, виленских и киевских генерал-губернаторов, игравших значительную роль во внутренней политике царской России¹. Документация их канцелярий входит в группу источников военно-полицейского происхождения, поскольку генерал-губернаторы осуществляли всю полноту гражданской, полицейской и военной власти. Эти полномочия были им приданы в соответствии с реформой Д.А. Милютина в 1863 г., когда одновременно с созданием четырёх военных округов (варшавского, виленского, киевского и одесского) генерал-губернаторам было передано командование войсками, стоящими в их губерниях².

История административного устройства царской России свидетельствует, что расширенные полномочия генерал-губернаторов дольше всего сохранялись там, где общественно-политические настроения и культур-

ные устремления масс противоречили интересам государства и российских властей. Отсюда следует, что высшие правительственные инстанции, поддерживая на границах империи абсолютную и достаточно независимую от центра власть генерал-губернаторов, видели в этом эффективный способ унификации, русификации и интеграции данных территорий с империей. Опираясь на чрезвычайные полномочия, генерал-губернаторы в целом неплохо справлялись с задачей подавления сепаратистских устремлений и гарантировали единство непрочного государства. Когда же сепаратизм был устранен и, по мнению властей, не представлял более угрозы, было решено ликвидировать институт генерал-губернаторов, тем самым, унифицировав административную систему государства. Так было, например, в случае с т. н. Северо-Западным краем (или тремя литовскими губерниями). Когда в начале XX века начатая еще при М.Н. Муравьёве усиленная русификация этих территорий принесла свои плоды, Николай II 1 (13) июня 1912 г. подписал принятый Государственной Думой и одобренный Государственным Советом закон о ликвидации виленского, ковенского и гродненского генерал-губернаторств³.

О значении и познавательной ценности документации аппарата генерал-губернаторов свидетельствует данная им инструкция от 29 мая (10 июня) 1853 г., согласно которой те имели право обращаться непосредственно к царю с представлениями о политической ситуации на вверенных им территориях⁴. Обычно после назначения на должность генерал-губернатор в течение года ознакомился с положением в губернии, выяснял настроения отдельных групп и общественных классов, оценивал работу подчинённых, и определял круг проблем, с которыми сталкивались российские власти в ходе осуществления своей политики.

К составлению рапортов генерал-губернаторы относились чрезвычайно серьёзно, поскольку их содержание в значительной мере определяло мнение Петербурга о деятельности губернских властей и могло содействовать возвышению самого губернатора при дворе. Представлению рапортов предшествовала долгая подготовка материалов, осуществляемая нередко с помощью личных инспекций генерал-губернатора. Его осведомлённость в делах основывалась не только на многочисленных ревизиях вверенного ему края, но также и на корреспонденции с подчинёнными, на непосредственных контактах с высокопоставленными чиновниками и на сведениях, добываемых различными службами, полученными как официальным, так и неофициальным путем. Иногда генерал-губернатор поручал сбор информации специальным агентам, сотрудникам по особым поручениям или же затребовал соответствующие данные из центральных учреждений⁵. Генерал-губернатор как начальник военного округа отвечал за состояние и боеготовность, а также за настроение российских войск, размещённых в губерниях.

Все важнейшие направления в деятельности генерал-губернаторов находили отражения в их докладах императорам. Например, подробный рапорт о состоянии российской армии в Королевстве Польском подготовил в 1874 г. граф П.Е. Коцебу в связи с проводимой в России военной реформой. Он написал обстоятельный (больше ста страниц) отчёт об организационной структуре Варшавского военного округа, численности войск, принципах пополнения отдельных частей, методах обучения военному делу, деятельности различных служб, присовокупив ко всему этому собственные замечания касательно положения в военном округе⁶. Стоит заметить, что материалы для этого доклада готовили подчинённые Коцебу губернаторы польских губерний, командиры отдельных частей, штабные офицеры и агенты по специальным поручениям.

Представление докладов царю не было регулярным. Они готовились по отдельным поводам. Как правило, генерал-губернаторы брались за них в первые месяцы после назначения на должность, дабы сообразно с желанием монарха лично преподнести ему и министрам в начале календарного года «Всепопданнейший отчёт»⁷. Иногда отчёт представлялся спустя несколько лет. Так, П.П. Албедынский, приняв в 1874 г. пост виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, первый доклад с освещением общественно-политической ситуации направил лишь в апреле 1878 г.⁸. Только спустя пять лет после назначения, в 1890 г., направил свой «Всепопданнейший доклад» царю варшавский генерал-губернатор И.В. Гурко. Менее известны порядок и периодичность отчетов киевского генерал-губернатора, хотя и в этом случае всё указывает на то, что число донесений начальника Юго-Западного края не отличалось от числа донесений виленского и варшавского генерал-губернаторов.

Темы, затрагивавшиеся в докладах, были чрезвычайно разнообразны и зависели от выбора самого генерал-губернатора. Наиболее подробно, хотя и не всегда удачно, освещались политические вопросы, общественная, хозяйственная и культурная деятельность тех или иных социальных слоев и групп населения, начиная с духовенства, помещиков, мещан, интеллигенции, крестьян, рабочих, и заканчивая национально-религиозными меньшинствами, чиновниками, учащейся молодёжью, полицией и армией.

Поэтому отчёты являются очень важным и ценным источником по истории польских земель. Они отражают пока ещё слабо изученные польской историографией суждения высших чиновников империи, которые безотносительно к политической конъюнктуре по разному понимали и проводили на польских землях политику в государственных интересах России.

Видное место отведено в отчётах экономическому положению края. Генерал-губернаторы обращались к хозяйственной конъюнктуре,

уровню развития промышленности, достатку тех или иных регионов и общественных групп, подробно анализировали материальное положение селян, проблемы поземельных отношений, в частности, земельной аренды (оказывавшей весьма значительное влияние на позиции помещиков и крестьян), анализировали социальные противоречия и конфликты, уделяли они внимание и многим другим проблемам, например, контрабанде. В рапортах описывалась также сезонная миграция населения, условия труда рабочих, взаимоотношения предпринимателей и финансистов, иногда обращалось внимание на отдельные фабрики и финансовые организации, особенно на Земельное кредитное товарищество, Польский банк, Крестьянский банк и кредитно-сберегательные кассы.

В поле зрения генерал-губернаторов были также культурная жизнь и развитие народного просвещения. По своей должности они обязаны были следить за государственными театрами Варшавы, императорским университетом, культурно-просветительными учреждениями, начальной школой, казёнными и частными средними школами, польскими журналами, библиотеками, читальнями и т. д. Много места посвящалось также текущей деятельности официальных структур, таких как суд, полиция, местное управление или отдельные ведомства государственной администрации.

С середины 1870-ых годов, то есть со времени ликвидации греко-католической церкви в Королевстве Польском, постоянной темой в отчётах варшавских генерал-губернаторов стала борьба с т. н. «закоснелыми униатами», а также отмечавшееся усиление католической пропаганды среди униатов. Следует подчеркнуть, что вопросы, касавшиеся церкви и католического духовенства, неизменно затрагивались во всех отчётах генерал-губернаторов. Это касалось не только докладов, направляемых из Варшавы, но также из Киева и Вильно. Например, отчет виленского генерал-губернатора П.П. Албедынского от 1878 г. состоял из девяти разделов, в первом из которых рассматривалась ситуация в среде католического духовенства и в католической церкви⁹. «Всеподданнейший отчет» виленского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского (позднее занявшего кресло министра внутренних дел России) от 20 мая (2 июня) 1904 г. включал восемь частей и более десяти подразделов. Во второй его части, озаглавленной «Вероисповедания», отдельное место занимала тема «Православного и католического населения», а также «Католической церкви», а четвёртая часть была целиком посвящена «польскому элементу»¹⁰.

Невозможно переоценить важность тем и глубину проблематики, поднимаемой в генерал-губернаторских отчётах. Не последним их достоинством как исторического источника является также их относительно большое количество. Всего из канцелярий варшавского¹¹, виленского и киевского генерал-губернаторов во второй половине XIX в. вышло не-

сколько десятков отчётов, что позволяет предпринять их сравнительный анализ, сопоставив их, в частности, как в региональной, так и хронологической плоскостях.

Отчёты генерал-губернаторов отражают не только особенности общественно-политической и культурной жизни на польских землях, но также механизмы власти в царской России и в то же время влияние губернского начальства на внутреннюю политику страны. Время от времени в отчётах проявляются расхождения во взглядах между центральными властями и генерал-губернаторами. Это позволяет расширить наши знания о тех или иных чиновниках, подвергнув проверке общеизвестные и господствующие в польской историографии оценки. Доклады князя А.К. Имеретинского свидетельствуют, что генерал-губернаторы проводили двучленную политику, а сделанные на полях замечания Николая II куда отчётливее вскрывают подлинные намерения российских властей, чем иные официальные материалы¹².

Знаменательно в связи с этим высказывание анонимного сотрудника «Новой реформы», который, говоря в 1890 г. о рапорте варшавского генерал-губернатора, писал: «Отчёты Гурко [Варшава], [Ивана] Каханова [Вильно], а после кончины [Александра] Дрентельна – [Алексея] Игнатьева [Киев] представлять будут для истории большую важность, ибо засвидетельствуют картину подавления и горечи <...> той части народа польского, которая под русское господство попала <...> рапорты полезными окажутся для польской мысли, как только наступит урочный час. Кто грамотен, тот извлечёт из них немало науки, коя уже тем полезна в нашем тяжком положении, что способна хотя бы морально нас укрепить». Далее автор подчеркнул, что «наиболее занимательны в отчётах генерал-губернаторов замечания, сделанные рукою монарха»¹³. Можно с полным правом утверждать, что эти слова и сейчас не потеряли своей актуальности, а поэтому представляется бесспорным, что подобные документы заслуживают самого пристального внимания.

Кроме «Всепооданнейших отчетов» генерал-губернаторов представляют ценность также ежегодные отчёты жандармерии о политическом положении, составившиеся с 1866 г. Эти отчёты проходили под грифом «секретно» и имели единую структуру содержания, что свидетельствует о наличии некой инструкции по их написанию. Основной целью ежегодных отчётов являлось информирование вышестоящих офицеров, генералов жандармерии, начальников округов, шефа жандармов и начальника III Отделения императорской канцелярии о политических событиях и настроениях общества на территории данного округа. Мера, в какой содержащиеся в отчетах оценки соответствовали действительности, зависела от профессиональных навыков жандармов, проходивших специальное обучение для работы в тайной полиции.

«Обзоры в политическом отношении» с редкой для официальных документов детализацией дотошно описывают настроения жителей поль-

ских земель в социальном, национальном, профессиональном и религиозном разрезе. Эти материалы отличаются богатством приведенных фактов, и в значительной мере расширяют наши знания о экономической, политической и социальной ситуации на польских землях, включенных в состав России. Сделанные жандармом-наблюдателем, а нередко – и шпионом, эти заметки представляют собой уникальный источник, отражающий не только политические события, но также явления культуры, народного просвещения и быта. Вводная часть обзоров была обычно посвящена актуальным политическим событиям, влиянию европейских кризисов на население польских земель, а также административным реформам. Важным элементом обзоров был вопрос о контактах поляков с границей. Жандармы доносили о подрывной деятельности польских эмигрантов, о годовщинах, юбилеях и торжествах на польских землях и в среде эмиграции.

После вводной части следовали оценки отдельных социальных групп и классов, начинавшиеся обычно духовенством и заканчивавшиеся крестьянством. Иногда приводились также характеристики положения в области экономики и просвещения, подкреплённые статистическими данными. Благодаря этому в обзорах можно отыскать списки фабрик, рабочих, данные об обороте и себестоимости произведённых товаров; кроме того – сведения о численности учащихся в той или иной школе с учётом национально-религиозного состава, о числе учителей и о количестве школьных учреждений (с учётом даже нелегальных училищ, которые были обнаружены жандармами). В разделе статистики приводилась также информация о периодической печати с числом и названиями газет и журналов, на которые осуществлялась подписка, а также предпочтения местного населения в данной области.

В полицейских обзорах много места отводилось характеристике русских, проживающих на польских землях или исполняющих там какие-либо обязанности. В документах мы находим данные о помещиках, духовенстве, чиновниках царской администрации. В конце отчёта – точь-в-точь как в рапортах генерал-губернаторов, опиравшихся в своих выводах на материалы полицейского сыска – обычно помещалась информация о местной полиции, а также о стоящих в провинции российских войсках, в том числе о гарнизонах, размещённых в крепостях (варшавской, модлинской, демблинской и брестской).

Ценность жандармских отчётов как исторического источника обусловлена, прежде всего тем, что они представляют куда более глубокую и сложную картину общества, чем другие источники. Картину эту создавал не один человек или какое-то учреждение, а несколько десятков функционеров, представляющих разные уровни власти и местной администрации (волостной, губернский, центральный). Люди, внесшие свою лепту в подготовку этих отчетов, высказывали в них и собственное мнение о происходящем, нередко отличавшееся от навязываемой инструкциями схе-

мы. Массовость и разнообразие является большим достоинством жандармских обзоров. Следует подчеркнуть, что составители политических обзоров отличались более высокой квалификацией в области сбора и селекции информации, чем обычные чиновники российской администрации. Они владели польским языком, многие десятилетия жили и работали в Польше и хорошо ее изучили. Преимущество жандармских отчетов состоит и в том, что жандармерия, будучи независима от местных властей (полицейских и гражданских), могла позволить себе критику по их адресу, указывать на факты волокиты, бесчестности и произвола как отдельных чиновников, так и учреждений, оспаривать правомерность некоторых распоряжений местной и центральной администрации. Однако, анализируя материалы политической полиции, нельзя забывать о том, что авторы этих документов между строк пытались провести мысль о необходимости постоянного надзора и политического контроля за обществом, и тем самым обосновать необходимость жандармерии (наряду с полицией, армией и администрацией) для сохранения российского господства на польских землях.

Издание источников

На ценность источников военного и полицейского происхождения в изучении истории польских земель, оказавшихся под российской властью, обращали внимание уже во второй половине XIX в. Первые попытки ознакомления с секретными рапортами царских чиновников, служивших в Королевстве Польском, и политической полиции предпринимались ещё в конце 1860-х годов¹⁴. Большие заслуги в этом принадлежат сотрудникам и публицистам польских газет, издававшихся в Кракове и Львове. Начало было положено публикацией в 1873 г. на страницах львовской «Газеты народной» секретного доклада начальника Варшавского жандармского округа генерал-майора П.А. Фредерикса начальнику III Отделения императорской канцелярии о политической ситуации в Королевстве Польском в 1872 г.¹⁵ Эта публикация вызвала большую обеспокоенность жандармерии, начавшей следствие по факту хищения секретных материалов, а преемник Фредерикса генерал П.В. Оржевский отказался от размножения типографским способом в учебных целях годовых отчётов о политическом положении в Королевстве Польском¹⁶.

Публикация журналистами жандармского доклада не соответствовала требованиям, предъявляемым к изданию источников (были переведены на польский лишь отдельные фрагменты, а основное содержание передавалось в пересказе и сокращении). Однако ее появление в «Газете народной» повлекло за собой обнародование в прессе целого ряда других материалов, которые на основании военных и полицейских документов с большей или меньшей точностью описывали политику российских вла-

стей в отношении польских земель. В 1880–1890-х гг. на страницах «Газеты народной» было опубликовано около десяти такого рода документов, добытых нелегальным путём из разных российских учреждений¹⁷. Не меньшие заслуги в этом принадлежали и краковскому «Часу». На его страницах увидели свет материалы не только из Королевства Польского, но также и из губерний, некогда входивших в его состав, но оказавшихся за пределами т. н. Привислинского края, а также отчёты виленского и киевского генерал–губернаторов¹⁸. Столь же впечатляющих результатов достигли журналисты «Новой реформы», где временами издавались целые серии документов. Так например, в 1891 г. на ее страницах были изданы фрагменты секретных докладов за 1881–1885 гг., касающихся поддержки православной церкви в Королевстве Польском, в том числе: отчёты МВД, обращение холмско–варшавского (православного) митрополита архиепископа Леонтия, а также доклады варшавских генерал–губернаторов П. П. Албедынского и И. В. Гурко¹⁹. Ничего удивительного, что этот журнал пользовался репутацией одного из наиболее осведомлённых об общественно–политической ситуации на польских землях в составе России. Не подлежит сомнению, что своим успехом «Новая реформа» в большой мере была обязана многочисленным письмам из Королевства Польского и «отнятых губерний», где нередко содержались и секретные документы²⁰. Куда меньший вклад в издание подобных документов внёс «Дзенник Познаньский», хотя и в нём время от времени появлялись материалы (являвшиеся иногда просто перепечаткой галицийской прессы) о польских землях в составе России. Эти статьи информировали читателей из прусской части разделённой Польши о закулисе политики российских властей²¹.

Начатое галицийскими публицистами и журналистами издание российских источников военного и полицейского происхождения, хотя и выявило важность такого рода документов, и даже вызвало интерес к бюрократическому наследию Королевства Польского и западных губерний, однако, страдало многочисленными огрехами и недостатками. Журналисты и публицисты не имели навыков в анализе исторических источников, поэтому изданные материалы, особенно в ежедневной прессе, не удовлетворяли элементарным требованиям научной публикации. Кроме того, издателям мешали политические пристрастия. Опасаясь репрессий, авторы статей оставались анонимными, они оставляли в тайне источник информации и проделанный документом путь, прежде чем тот попал на страницы печати. Иногда в целях популяризации издаваемых материалов и придания им нужного политического звучания публикаторы редактировали их содержание.

Значительный прогресс в издании источников военного и полицейского происхождения был достигнут на рубеже XIX–XX вв. Оживление деятельности польских политических партий (главным образом – ППС) повысило интерес к материалам, обнажавшим скрытую сторону полити-

ки русификации Польши. Этому сопутствовало желание опорочить действия царских властей, осуществляемое путём издания соответствующих документов. Наиболее ярким примером такого подхода стала публикация в 1898 г. (сначала в Лондоне, а затем в Кракове) выкраденного членами ППС (в то числе, Юзефом Пилсудским) секретного доклада варшавского генерал-губернатора князя А.К. Имеретинского²². С помощью польских социалистов удалось также опубликовать в 1907 г. в Кракове похищенные из архива полиции документы, касавшиеся процесса над членами первых рабочих организаций, которые возникли в Варшаве в конце 1870-х гг.²³. В отличие от более ранних публикаций доклад Имеретинского и материалы судебного процесса, хотя и были изданы в переводе на польский язык, несли в себе черты профессиональной публикации источников, где обращалось внимание на сохранение как оригинальной формы, так и содержания документа. Эти публикации послужили образцом для всех последующих изданий.

Годы Первой мировой войны не способствовали росту числа изданий российских секретных материалов. Приуроченная к столетию Конституции 1815 г. публикация в начале войны князем Мацеєм Радзивиллом и Богданом Винярским материалов российского законодательства и ряда других официальных документов, определявших статус Королевства Польского в составе Российской империи, не внесла много нового в исторические исследования, поскольку только объединила в одном издании материалы, хорошо известные специалистам²⁴. Куда бóльший интерес представляет публикация Генрика Цедербаума, который в 1917 г. (когда Королевство Польское было занято немецкими войсками) издал в Варшаве приговоры военных судов, вынесенные участникам Январского восстания 1863 г.²⁵.

После возрождения в 1918 г. независимой Польши большая часть документов военного и полицейского происхождения, относящихся к польским землям, оказалась в архивах Советского Союза. Ограниченный доступ польских историков к этим фондам сделал невозможным продолжение их издания. Единственным серьёзным, хотя по сей день недооценённым, достижением в этой области явилось издание в 1926–1934 гг. на польском языке выходившего 4 раза в год журнала, озаглавленного «С поля борьбы» («Z pola walki»). Это был орган польской исторической комиссии при ЦК ВКП(б) и выходил в Москве и Ленинграде. В одном из первых номеров этого журнала увидел свет, например, последний доклад (за 1897 г.) начальника Варшавского жандармского округа генерала Н.П. Брока²⁶. Таким парадоксальным образом в Москве получило продолжение дело, начатое в 1874 г. краковскими журналистами из «Газеты народной».

Перелом в области публикации исторических источников, отразивших борьбу царских властей с польским освободительным движением, произошёл после окончания Второй мировой войны, когда в Польше из-

менился общественный строй, а заодно поменялись и государственные границы. Однако, поскольку в Польской Народной Республике исторические исследования были подчинены определённым политическим целям, то и концентрировались они лишь на некоторых проблемах. Поэтому вовсе не случайным явилось то, что первый сборник документов, основанный на материалах канцелярий российских губернаторов и полиции и подготовленный Станиславом Калябинским и Феликсом Тыхом, был посвящён революции 1905–1907 гг. на польских землях²⁷. Аналогичная идеологическая тенденция была присуща и сборнику документов, посвящённому истории рабочего класса на польских землях, и составленному в 1960-е гг. под редакцией Натальи Гонсёровской-Грабовской и Станислава Калябиньского²⁸.

На фоне т. н. «идеологически выдержанных» изданий выгодно выделялась серия о Январском восстании 1863 г. На высоком уровне, ничем не уступая изданиям Цедербаума, были опубликованы материалы военного суда над Ромуальдом Траугуттом²⁹. Редактором этой публикации был Эммануэль Галич. Особенно много для издания источников, вышедших из военного и полицейского ведомств Российской империи, сделали Стефан Кеневич и И.С. Миллер, собравшие и опубликовавшие множество документов о Январском восстании, в том числе чрезвычайно и неизменно привлекающую внимание исследователей корреспонденцию наместников Королевства Польского 1860-х гг.³⁰. Важно отметить, что сбор материалов о Январском восстании проходил в тесном сотрудничестве польских и российских историков, свидетельством чего явились не только тома, изданные под редакцией С. Кеневича и И.С. Миллера, но также работы, приуроченные к столетию восстания, составленные из документов российских и украинских архивов и увидевшие свет в Москве, Вроцлаве и Киеве³¹. Оценивая проделанную совместную работу с позиций сегодняшнего дня, можно констатировать, что это был не только самый оживлённый, но также и наиболее плодотворный, с точки зрения публикации источников, период научного сотрудничества. Специалистов двух стран объединяла не только общая тема исследования, но ещё и позитивная атмосфера сотрудничества, создаваемая авторитетными историками, пользовавшимися уважением всего научного сообщества.

Из появившихся на рубеже 1960–1970-х гг. сборников документов следует вспомнить изданные Галиной Кепурской и Збигневом Пустулой отчёты варшавских полицмейстеров за 1892–1913 гг.³². Особое место в ряду публикаций исторических источников занимают материалы слежки российских секретных служб за национально-освободительными организациями в Кракове³³ и в эмиграции³⁴. Неохваченными, однако, остались документы жандармерии, так как в польских архивах эти фонды сохранились лишь отрывочно, а предпринятое в начале 1960-х гг. возвращение жандармских материалов, касающихся Королевства Поль-

ского, из российских архивов в польские не принесло ожидаемых результатов.

В восьмидесятые годы минувшего века работа над публикацией источников военного и полицейского происхождения XIX века по разным причинам была свёрнута. Исключением явилось лишь предпринятое Марией Плескачиньской издание писем, перехваченных российской жандармерией³⁵. Трудности с публикацией исторических источников в немалой степени стали следствием наступившего в 1990-е гг. процесса рыночной трансформации польского издательского рынка. Коммерческие издательства не были заинтересованы в публикации технологически сложных и трудных для восприятия книг, адресованных узкому числу специалистов. Подобными соображениями и по сей день руководствуется большинство научных издательств. Имело значение также и сужение научного сотрудничества с Россией, а также ограниченный доступ польских историков к российским архивам. Правда, в последнем случае положение в 1990-е годы изменилось к лучшему. Одновременно с общественно-политическими изменениями в России открылись государственные архивы. Сотрудники архивов выступили с инициативой облегчения историкам доступа к самым интересным источникам. Свидетельством этому явились польские и российские публикации на тему сотрудничества российских и польских архивов, а также о состоянии их фондов³⁶. Однако сегодня в Польше основной интерес издательств и научных учреждений направлен на публикацию документов по новейшей истории, что негативно сказалось на издании исторических источников по другим периодам. Тем ценнее достижения авторов данной статьи, сумевших издать в 1999 г. первую полную версию семи отчётов начальников варшавского жандармского округа за 1867–1872 гг. и 1878 г.³⁷. Проанализированные С. Вехом и В. Цабаном источники входят в группу наиболее важных документов тайной полиции в Королевстве Польском. К этой же группе относятся и изданные С. Вехом в 2007 г. по-польски и по-русски доклады варшавских генерал-губернаторов за 1881 г. и 1896 г., а также доклад виленского генерал-губернатора за 1879 г. Это первые со времён издания доклада князя Имеретинского (т. е. за последние 110 лет) публикации годовых отчётов об общественно-политической ситуации, подготовленных высокопоставленными чиновниками царской администрации в Королевстве Польском и литовских губерниях³⁸. Правда, за истекшие несколько лет появилось несколько не столь обширных публикаций документов, отражающих отношение генерал-губернаторов к ряду политических событий, но они не вносят ничего нового, поскольку в большинстве случаев касаются всё того же А.К. Имеретинского³⁹.

Невзирая на достижения историков из Келецкого университета, общее состояние в области публикации источников в Польше не внушает оптимизма: нынешний уровень исследований истории польских земель в составе

России оставляет желать лучшего. Упущения в данной области особенно бросаются в глаза на фоне результатов работы коллег из других стран. Достаточно вспомнить изданную в Литве 600-страничную монографию историка из Вильнюсского университета Римантаса Вербе (1931–1999). В этой работе можно найти доклад виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг., а также документы, подготовленные по поводу указанного доклада канцелярией Кабинета министров⁴⁰. Приведенный пример демонстрирует не столько издательские возможности, сколько настоятельную необходимость дальнейшего ввода в научный оборот тех источников, которые позволяют более широко взглянуть на закулисную сторону политики российских властей в отношении польского народа, а также в целом проанализировать историю польских земель в составе России.

В заключение уместно будет сослаться на известную истину, что в отличие от изменчивой научной конъюнктуры содержание источника всегда остаётся постоянным. Новые издания документов военного и полицейского происхождения тем более необходимы, что польские историки по сей день знакомятся с ними из вторых рук, не вполне отдавая себе отчёт, что известные им лишь отрывочно и опосредованно архивные материалы вносят очень много нового в изучение истории польских земель в составе России. В этом контексте не подлежит сомнению, что без целенаправленной финансовой поддержки и скоординированной научной деятельности, особенно в области архивного и библиотечного дела, обеспечивающих доступ к ценным источникам, нельзя говорить о продвижении в деле публикации новых материалов, без которых история как наука обойтись не может.

Перевод В. Волобуева

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Wiech S. Urząd generał-gubernatora w Rosji i w Królestwie Polskim // Czasopismo prawno-historyczne*. 2007. Т. 59. З. 1. С. 51–86.

² Институт генерал-губернаторства в Российской империи / под ред. В.В. Черкесова. СПб., 2001. Т. 1. С. 94.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ.). Собр. 3-е. СПб., 1912. Т. 32. Ч. 1. № 37665.

⁴ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1854. Т. 28. № 27293.

⁵ Подобную подборку наиболее важных документов, озаглавленную «Обозрение мер, принятых правительством по Царству Польскому после 1863 года» передал, например, генералу П.П. Албедынскому министр внутренних дел Л.С. Маков. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1270. Д. 1409. Л. 8.

⁶ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 452. Л. 1–153; *Kozłowski J. Warszawski Okręg Wojskowy w 1874 roku // Studia i materiały do historii wojskowości*. 1996. Т. 38. S. 97–129.

⁷ См.: Всеподданнейшая записка Варшавского генерал-губернатора [И.В. Гурко] о положении Высочайше поверенного ему края – ГА РФ. Ф. 109. Оп. 1885. Д. 59. Ч. 58. Л. 1–23; Всеподданнейший отчёт виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора генерал-лейтенанта князя П. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг. // *Lietuvuii klausimas Rusijos imperijoje XIX a. – XX a. pradžioje. Faksimilinis valdininku ataskaitu ir dokumentu rinkinys / red. R. Verba*. Vilnius, 2001. S. 45–263.

⁸ Всеподданнейший отчёт виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора генерал-адъютанта Албедынского по управлению краем за 1874–1877 гг. – *Lietvos valstybes istorijos archyvas (LVIA)*. Канцелярия генерал-губернатора виленского, ковенского и гродненского. Ф. 378. Оп. 219. Д. 80а. Л. 1–117; Оп. 121. Д. 1516. Л. 1–17.

⁹ Более чем 200-страничный доклад состоял из следующих разделов: 1) политическая ситуация в крае; 2) религия и римско-католическое духовенство; 3) православие и православное духовенство; 4) народное просвещение; 6) крестьянский вопрос; 7) судопроизводство, администрация и полиция; 8) еврейское население; 9) экономическое положение в крае. См.: Всеподданнейший отчёт виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора генерал-адъютанта Албедынского... – Там же. Ф. 378. Оп. 219. Д. 80а. Л. 1–117.

¹⁰ См.: *Lietuvuii klausimas Rusijos imperijoje XIX a. – XX a. ...* S. 45–260.

¹¹ Пост варшавского генерал-губернатора был создан сравнительно поздно, в 1874 г., взамен упразднённой должности наместника Царства Польского. См.: *Рейнке Н.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881). СПб., 1902. С. 160; Сборник законов. Указания и распоряжения правительства, относящиеся до губерний Царства Польского. Варшава, 1879. Т. 4. С. 391.

¹² *Dzieje tajnego memoriału ks. Imeretyńskiego // Niepodległość*. 1929–1930. Т. 1. S. 170–176; *Szwarc A.* Książę Imeretyński, minister Goremykin i ugodowcy warszawscy. Sprawa «Kuriera Polskiego» (1897–1899) // *Przegląd Historyczny*. 1989. Т. 80. Z. 3. S. 549–569.

¹³ *Nowa Reforma*. 1890. № 49.

¹⁴ См.: *Gazeta Narodowa*. 1868. Dodatek do № 240; 1869. № 163.

¹⁵ *Ibidem*. 1873. № 118. См. также: *Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878 / oprac. S. Wiech, W. Caban*. Kielce, 1999. S. 76, 230–246.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. Оп. 158. Д. 221. Л. 135–136.

¹⁷ *Gazeta Narodowa*. 1880. № 177; 1882. № 112; 1885. № 148; 1886. № 286; 1889. № 263; 1895. № 115; 1896. № 84.

¹⁸ *Czas*. 1877. № 44; 1881. № 28; 1886. № 297; 1887. № 86; 1889. № 78; 1893. № 13, 84.

¹⁹ *Plan rusyfikacji przez prawosławie // Nowa Reforma*. 1891. № 72–76.

²⁰ Nowa Reforma. 1885. № 149; 1890. № 49; 1891. № 72–76; 1892. № 182, 183; 1893. № 13, 14, 170; 1895. № 104; 1897. № 43.

²¹ Dziennik Poznański. 1867. № 109; 1868. № 126; 1869. № 63; 1870. № 179; 1874. № 12, 70; 1882. № 112.

²² Tajne dokumenty rządu rosyjskiego w sprawach polskich. Memoriał ks. Imeretyńskiego. Protokoły Komitetu Ministrów. Nota Kancelaryi Komitetu Ministrów. Londyn, 1898. См. также: Dzieje tajnego memoriału ks. Imeretyńskiego...; *Garlicki A.* Józef Piłsudski. 1867-1935. Warszawa, 1988. S. 65–66.

²³ Procesy polityczne w Królestwie Polskim. Materiały do historii ruchu rewolucyjnego w Królestwie Polskim. Kraków, 1907. Z. 1. R. 1878–1879.

²⁴ Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do Cesarstwa Rosyjskiego / wydali M. Radziwiłł i B. Winiarski. Warszawa, Lublin, Łódź, 1915.

²⁵ *Cederbaum H.* Powstanie styczniowe. Wyroki Audytoriatu Polowego z lat 1863–1866. Warszawa, 1917.

²⁶ Ostatni raport gien. Broka // Z pola walki. 1926. № 1.

²⁷ Źródła do dziejów rewolucji 1905–1907 na ziemiach polskich / oprac. S. Kalabiński i F. Tych. Warszawa, 1958–1960. T. 1–2.

²⁸ Źródła do dziejów klasy robotniczej na ziemiach polskich. T. 1–2 / pod red. N. Gąsiorowskiej-Grabowskiej. Warszawa, 1962; T. 3 / pod red. S. Kalabińskiego. Warszawa, 1969.

²⁹ Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego. Akta audytoriatu polowego z lat 1863–1864 / pod red. E. Halicza. Warszawa, 1960. T. 1.

³⁰ Dokumenty Wydziału Wojny Rządu Narodowego 1863–1864 / red. S. Kieniewicz, I. Miller. Wrocław, 1973; Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego sierpień–maj 1864 // Powstanie styczniowe. Materiały i dokumenty. Wrocław, 1978.

³¹ Восстание 1863 г. Материалы и документы / под ред. В. Королюка и Г. Марховой. Москва, Врошлав, Киев, 1963. Т. 1–2.

³² Raporty warszawskich oberpolicmajstrów (1892–1913) / oprac. H. Kiepuska i Z. Pustuła. Warszawa, 1991.

³³ Krakowski komisarz policji na służbie carskiego wywiadu. Korespondencja komisarza Jana Kostrzewskiego z urzędnikiem do specjalnych poruczeń zagranicznego wywiadu Departamentu Policji w Petersburgu radcą Fiodorem Sierakowskim w latach 1882–1914 / oprac. L. Baumgarten. Kraków, 1967.

³⁴ Albert Potocki (Julian Bałaszewicz). Raporty szpiega / oprac. R. Gerber. Warszawa, 1973. T. 1–2.

³⁵ Listy nieprawomyślne. Wybór z akt Warszawskiego Gubernialnego Zarządu żandarmerii. 1886–1914 / oprac. M. Pleskaczyńska. Warszawa, 1989.

³⁶ См.: Архивы России и Польши: актуальные проблемы развития и сотрудничества. СПб., 1997; Archiwalia polskiej proweniencji terytorialnej przechowywane w Państwowym Archiwum Federacji Rosyjskiej i Rosyjskim Państwowym Archiwum Wojskowym. Warszawa, 2000.

³⁷ Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu żandarmerii z lat 1867–1872 i 1878 / oprac. S. Wiech, W. Caban. Kielce, 1999.

³⁸ Warszawscy generałowie-gubernatorzy o sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego. Raporty Albiedyńskiego i Szuwałowa z lat 1881 i 1896 / oprac. S. Wiech. Kielce, 2007; *Wiech S.* Memoriał wileńskiego generała-gubernatora z 9(21) grudnia 1879 roku w sprawie zniesienia kontrybucji (podatku procentowego) nałożonej na ziemiaństwo polskie // *Respectus Philologicus*. 2007. № 12 (17). S. 186–199.

³⁹ См.: *Jaśkiewicz L.* Książę Aleksander Imeretyński o społeczeństwie Królestwa Polskiego w przededniu wizyty cara Mikołaja II (memoriał z 24 lipca (5 sierpnia) 1897) // *Przegląd Historyczny*. 2005. T. 96. Z. 3. S. 459–465; *Idem*. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku. Pułtusk, 2001, passim; *Idem*. Kwestia języka modlitwy szkolnej w memoriale księcia Aleksandra Imeretyńskiego z 23 września (5 października) 1897 r. // *Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały* / red. A. Szwarc i P. Wieczorkiewicz. Warszawa, 2002. S. 243–246; *Szwarc A.* Manewry polityczne wokół odsłonięcia pomnika Mickiewicza w Warszawie. Raport generał-gubernatora Królestwa Polskiego Imeretyńskiego do Mikołaja II z 4.01.1899 // *Gospodarka, ludzie, władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Łukasiewiczowi w 75. rocznicę urodzin* / red. N. Kopczyński i A. Mączak. Warszawa, 1998. S. 265–276; *Idem*. Książę Imeretyński, minister Goremykin i ugodowcy warszawscy. Sprawa «Kuriera Polskiego» (1897–1899) // *Przegląd Historyczny*. 1989. T. 80. Z. 3. S. 549–569; *Szwarc A.* *Wieczorkiewicz P.* Niewinne wybryki młodzieży czy próba obalenia władzy? Dwa listy generał-gubernatora warszawskiego Piotra Albiedyńskiego do ministra spraw wewnętrznych Dmitrija Tołstoja // *Unifikacja za wszelką cenę...* S. 233–241.

⁴⁰ См.: Lietuviu klausimas Rusijos imperijoje XIX a.–XX a. ... passim.

**Из истории
российско-польского научного сотрудничества:
публикация источников по истории
общественного движения в Королевстве Польском
в 30–50-е годы XIX в.***

Сотрудничество между историками СССР и Польши в области публикации исторических источников, начатое в конце 1950-х годов фундаментальным 25-томным изданием «Восстание 1863 года», было продолжено в 1970-е годы в рамках совместной работы над новым фундаментальным серийным изданием «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы» (так называемой «Зеленой серией»). Принятый среди историков упомянутый краткий вариант названия возник из-за зеленого цвета суперобложки опубликованных томов. Когда позднее отказались от «супера», этот цвет приобрела сама обложка.

Работу над новым изданием возглавили польские и российские ученые, принимавшие участие в публикации по истории Январского восстания: Стефан Кеневич, Виктория Сливовская, В.А. Дьяков, И.С. Миллер. К этому времени был уже накоплен большой опыт совместной публикаторской работы. Результатом этого опыта явилось использование применявшихся ранее методов выявления и отбора источников, а также основных принципов археографической подготовки документов к публикации, в том числе воспроизведение текста на языке оригинала. Вместе с тем, продолжение традиции не означало полного сохранения прежних подходов – возникли и значительные отличия между двумя сериями. Во-первых, это выразилось в расширении проблематики – в новой серии внимание уделялось уже не только польскому освободительному движению как явлению общественно-политической жизни, но также и неразрывно связанному с ним процессу развития национальной культуры России и Польши, что, в частности, обусловило упоминание в названии серии наряду с общественными и литературными связями. Во-вторых, новое издание существенно отличалось по содержанию и соответственно по структуре томов. Как следует из второй части заглавия, в отличие от издания «Восстание 1863 года», новое издание не ограничивалось только публикацией документов, оно включало также и исследовательские статьи. Когда издавалась серия по восстанию 1863 г., то работа по выявлению в архивах, отбору и подготовке текстов документов к публикации была настолько интенсивной и шла в такие сжатые сроки, что на подготовку статей, кроме вступительных к отдельным разделам томов, у составителей времени практически не оставалось.

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ №10–01–00425а.

Новая серия охватывала период польского освободительного движения после Ноябрьского восстания 1830—1831 гг. в Королевстве Польском, входившем в состав Российской империи. Значительная часть его участников, опасаясь репрессий со стороны царских властей, эмигрировала в Западную Европу. Главным пристанищем их стала Франция, значительные группы поляков оказались в Англии и Бельгии. Основная идейно-политическая работа по формированию польского общественного сознания велась вне пределов польских земель. Среди эмигрантов, представлявших различные социальные слои, не было полного единства взглядов и взаимопонимания по вопросу о возможных путях восстановления польского государства. Возникло несколько политических течений, основные из них были представлены аристократическим Отелем Лямбер во главе с Адамом Чарторыским (тем самым, который во время своего пребывания в конце XVIII — начале XIX в. в России, принадлежал к кругу ближайших друзей и соратников Александра I и одно время даже возглавлял российское министерство иностранных дел), и объединившим силы демократического направления — Польским демократическим обществом, ПДО (1832 г.). Несколько позднее появились еще более левые организации: «Молодая Польша» в Швейцарии (1834 г.) и «Люд польский» в Англии (1835 г.). Главной целью всех течений польской эмиграции было восстановление Польши. Но пути, способы ее достижения их руководители видели по-разному. Отель Лямбер рассчитывал прежде всего на помощь великих держав, полагая, что те поддержат использовавшиеся польской эмиграцией лозунги о защите справедливости, «принципа национальности» и при сложившейся благоприятной для «польского дела» международной обстановке смогут содействовать воссозданию польского государства. Чарторыский и его сторонники считали, что такая политика соответствовала бы интересам самих великих держав, прежде всего Англии и Франции, поскольку вела к ослаблению России, к уменьшению ее веса и влияния на международной арене. Демократическое крыло польской эмиграции придерживалось иного мнения. В первую очередь оно надеялось опереться на собственные внутренние патриотические силы, сохранившиеся после восстания на польских землях, стремилось возглавить их — как идейно, так и организационно — и поднять на борьбу. ПДО планировало создать сеть конспиративных обществ и объединить их усилия для подготовки вооруженного восстания против государств — участников разделов Польши. С этой целью в первые же годы после восстания 1830—1831 гг. на польские земли направлялись специальные эмиссары. В их числе были Юзеф Заливский (1833 г.), позднее — Шимон Конарский (1837—1839 гг.). Эмиссары вели агитационно-пропагандистскую работу, пытались создавать вооруженные отряды, привлекая избежавших репрессий бывших участников восстания или же идейно близких к ним людей, главным образом, из мелкошляхетской среды. В Галиции усилиями эмиссаров была создана конспиративная демо-

кратическая организация Содружество Польского народа. В период после Ноябрьского восстания в Королевстве Польском, которое находилось практически в полной власти царского наместника фельдмаршала И. Ф. Паскевича, удостоенного титулов князя Эриванского и Варшавского, был установлен строгий полицейский режим. В распоряжении наместника находилась тайная полиция и жандармерия Варшавского жандармского округа. Но, несмотря на репрессивные меры, на территории Королевства время от времени все же возникали относительно небольшие по числу участников конспиративные организации («заговоры») патриотического направления. Состояли они преимущественно из молодежи: мелких чиновников, стажеров-«аппликантов», учителей, выходцев из бедных шляхетских слоев. Исключением в этом отношении была организация, возглавлявшаяся ксендзом Петром Сцеженным, большинство участников которой составляли крестьяне¹. Как правило, патриотические организации были связаны с Польским демократическим обществом. С представителями ПДО велась переписка, поддерживались личные контакты, через них шло снабжение литературой патриотического характера, нередко запрещенной властями. Возникавшие в Королевстве Польском конспиративные общества находились под идейным влиянием ПДО. Они существовали относительно короткое время. Раскрытие властями антиправительственных «заговоров» вело к еще большему ужесточению режима. Результаты деятельности этих организаций сказались не столько на разрывании патриотического движения в Королевстве, сколько имели, скорее, социально-психологические последствия, что выразилось в привлечении общественного внимания к идеям борьбы за независимость и способствовало сохранению и распространению патриотических настроений, особенно среди польской молодежи.

В Королевстве Польском и в годы после подавления Ноябрьского восстания сохранялось военное положение и политические преступники подлежали военному суду. Для расследования деятельности конспиративных организаций, выявления их состава и круга «причастных» к ним лиц, а также для установления степени вины каждого участника и соответствующей ей меры наказания в Варшаве при наместнике была создана Следственная комиссия, которую возглавлял главный директор правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского А. Я. Стороженко. Практически она действовала постоянно весь период между двумя польскими восстаниями, с 1832 по 1862 гг. Документы по наиболее важным делам Варшавская следственная комиссия направляла в Петербург, в Военное министерство, где они поступали в Военно-судный (Аудиториатский) департамент для окончательного рассмотрения приговора, вынесенного судом в Варшаве, и утверждения (конфирмации) его императором².

Таким образом ценнейшие источники по истории польских конспиративных организаций в Королевстве Польском оказались сначала в архиве

Военного министерства в Санкт-Петербурге, а позднее они были переданы в Центральный Военно-исторический архив, материалы которого были перевезены в Москву. В. А. Дьяков, работая в Военно-историческом архиве, обнаружил и целый комплекс документов по истории польского освободительного движения 30–50-х годов XIX века и приступил к его изучению³. Однако на какое-то время он вынужден был оставить свое исследование. В 1960-е годы шла напряженная работа над изданием «Восстание 1863 года». К тому же и сам В.А. Дьяков тогда интересовался преимущественно проблематикой российского общественного движения, в частности, революционным движением в русской армии, активно сотрудничал с возглавлявшейся академиком М.В. Нечкиной научной группой по изучению революционной ситуации в России 1859–1861 гг., накануне отмены крепостного права.

Только в 1970-е годы В.А. Дьяков смог приняться за реализацию проекта издания документов по польскому освободительному движению межповстанческого этапа. Польские историки поддержали его предложение об очередной совместной публикаторской работе. Их заинтересованность объяснялась, в частности, и тем, что во время Второй мировой войны документы варшавского Главного архива старых актов, отражавшие историю этого периода, погибли. А в советских (российских) архивах сохранились подлинные документы, причем не только материалы полицейского расследования и официального следствия, но и подлинники собственноручных показаний участников польского патриотического движения.

На волне общего подъема интереса в польской исторической науке к истории освободительного движения с начала 1970-х гг. появились многие работы польских исследователей⁴. С большим вниманием они относились и к работам советских ученых. В 1972 г. в Варшаве вышла фундаментальная монография В.А. Дьякова, вводившая в научный оборот новые архивные материалы о П. Сцегенном⁵. В отличие от издания на русском языке⁶, польский вариант был значительно расширен и дополнен документальными материалами, опубликованными в виде приложения к основному тексту.

В итоге договоренности между советскими и польскими историками была создана общая редколлегия (по-польски: «Komitet Redakcyjny serii», по-русски: «Главная редакция серии»), в которую с советской (российской) стороны вошли историки В.А. Дьяков, И.С. Миллер, С.М. Фалькович и литературовед-полонист Б.Ф. Стахеев (все из Института славяноведения и балканистики АН СССР*), а с польской стороны — действительный член ПАН Стефан Кеневич, Виктория Сливовская (Институт истории

* В настоящее время — Институт славяноведения РАН, который, являясь комплексным научно-исследовательским учреждением, объединяет исследовательскую деятельность историков, историков культуры, литературоведов и лингвистов.

ПАН) и Марья Янион (Институт литературных исследований ПАН). В дальнейшем наименования руководивших изданием серии комитетов, советов, редколлегий и т. д. претерпевали изменения, так же как и их состав. Работа по изданию серии «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы» осуществлялась с польской стороны Комитетом исторических наук, Комитетом наук о литературе, Институтом литературных исследований ПАН, Институтом истории ПАН, а с советской – Институтом славяноведения и балканистики АН СССР.

Первый том нового серийного издания вышел в свет в 1978 г. – «Содружество Польского народа в Королевстве Польском. Густав Эренберг и «свентокшижцы». В предисловии к тому «От редакционного комитета» отмечалось, что относительно малая изученность проблематики истории польского общественного движения в период от восстания 1830–1831 гг. до Крымской войны 1853–1856 гг. объясняется прежде всего почти полным отсутствием источниковой базы: комплексы документов, отражавших этот период и хранившихся в польских архивах, во время Второй мировой войны погибли. Публикация, вводящая в научный оборот новые архивные материалы, значительно расширяет круг источников, что позволит полнее и точнее осветить многие ранее неясные вопросы⁷. Здесь же подчеркивалось, что «польская литература вообще, а литература романтизма в особенности, тесно связана с развитием польской общественной мысли и национально-освободительным движением». Для более полного изучения литературно-общественной проблематики потребовалось объединить усилия историков и литературоведов. Издание серии призвано было «обобщить уже накопленные наукой сведения об истории общественного движения в указанный период и его связях с литературным процессом» и «сделать доступным для читателя наиболее важные и интересные источники».

Кроме источников-документов в каждый том включались исследовательские статьи и обзоры, на которые приходилась примерно треть его объема. Первые тома, как правило, открывались статьями обобщающего характера, в них рассматривались основные проблемы истории национально-освободительного движения того конкретного периода, того «заговора», которому был посвящен данный том, анализировалась историография исследуемых проблем. Автором этих статей был В.А. Дьяков. В работах других авторов затрагивались вопросы самой разнообразной тематики: освещались отдельные события польского освободительного движения, биографии и дальнейшие судьбы его участников, помещались обзоры архивных материалов в рамках проблематики тома. Статьи, написанные на русском языке, переводились на польский (в основном это заслуга Виктории Сливовской). Публикация снабжалась развернутым (комментированным) именованным указателем. Печатались тома в Польше.

В предисловии к первому тому был помещен общий план серии, в соответствии с которым в 1978–1985 гг. должны были выйти из печати следующие тома:

1. Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году.
2. Содружество Польского народа в Королевстве Польском. Густав Эрэнберг и «свентокшижцы».
3. Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг. Эдвард Дембовский.
4. Польша в 1846 году.
5. Варшавская «Организация 1848 года». Кружок «энтузиасток» и «энтузиастов».
6. Литература и конспирация 1832–1855 гг.
7. Общественно-политическое движение в Королевстве Польском в 1830–1850-х гг. Биобиблиографический словарь.

Таким образом, планом предусматривалось, что почти ежегодно будет издаваться по одному тому серии. Однако осуществить задуманное оказалось весьма сложно, и тома выходили не в хронологическом порядке освещаемых в них событий, как предусматривалось планом, а по мере их готовности. Первый изданный том (по плану серии он второй) «Содружество Польского народа в Королевстве Польском. Густав Эрэнберг и “свентокшижцы”» (1978 г.) открывался кратким введением, написанным Стефаном Кеневичем, в котором характеризовалась общая ситуация на польских землях и, в частности в Королевстве Польском в 30–50-е гг. XIX в. Затем была помещена фундаментальная статья В.А. Дьякова «Организация Содружества польского народа в Королевстве Польском (1836–1839)». В числе авторов статей были также В. Сливовская, М. Янион, Б. Лопушанский, В.А. Борис и И.М. Нефедов, Б.С. Шостакович, Д.Б. Кацнельсон. В томе были опубликованы 37 документов, большей частью из фондов ЦГВИА СССР. Семь документов были из собрания ЦГИА УССР. Их публикацию подготовили В.А. Борис и И.М. Нефедов.

Второй том серии вышел из печати только спустя три года – «Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг. Эдвард Дембовский» (1981 г.). Этот том из всех опубликованных самый большой по объему: более 70 издательских листов (815 страниц), из которых на статьи приходилось около пятой части (с. 3–165). Основную часть составляли документы (с. 169–720), и почти 100 страниц занимал справочный аппарат, включающий именной указатель и список иллюстраций. Том открывался монографической статьей В.А. Дьякова «Конспирация в Королевстве Польском в 1839–1845 годах» (с. 3–60). Авторами остальных статей были М. Жмигродская, М. Янион, Е. Сковронек, Ф. Рамотовская, Б.С. Шостакович, Д.Б. Кацнельсон. Следующий том увидел свет также через 3 года, в 1984 г.: «Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году». Авторами основной статьи тома, в кото-

рой описывались архивные источники по проблематике тома, отраженной в его названии, являлись В.А. Дьяков и В. Сливовская.

События, происходившие с начала 1980-х гг. в ПНР, повлияли как на внутривластную и общественную ситуацию в самой Польше, так и на характер советско-польских отношений. Они еще более изменили намеченные ранее издательские планы. Перерыв до выхода из издательства между третьим и четвертым томами составил 6 лет. Политические сложности отразились и на судьбе издания в целом. Претерпел изменения состав Редакционного комитета (совета) серии, от польской стороны тогда в него вошли: Юльош Бардах, Ежи Скворчек, Виктория Сливовская, Хенрык Яблоньский, от российской (советской): В.Н. Виноградов, И.Д. Ковальченко, В.Г. Трухановский. Внесены были коррективы и в название серии – «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы». Расширилась и тематика издания (вместо прежней «польской литературной жизни» предполагалось обратиться к проблемам «российско-польских общественно-культурных связей»), были раздвинуты и его хронологические рамки (вместо 30–50-х годов – весь XIX век). Кстати, ни в первом, ни во втором случае в названии серии не была обозначена территория, на которой происходили отражавшиеся в документах события (в основном они ограничивались Королевством Польским). Однако в собственных заглавиях четырех из вышедших шести томов серии прямо указывается – Королевство Польское. В предисловии серия именовалась «новой», но отмечалось, что она является продолжением выходившей ранее. И как подтверждение этого сохранялся ставший уже традиционным зеленый цвет обложки томов. В новой серии в добавление к уже изданным томам планировалось издать 10 томов, имея в виду, что первый и третий тома должны были состоять из 2 частей. Всего, таким образом, предполагалось издать 10 книг (с оговоркой, что это предварительные планы):

1. «Весна Народов» в Королевстве Польском и Галиции (в двух частях).
 2. 1846 год в Королевстве Польском и Галиции.
 3. «Содружество польского народа» на Украине, в Белоруссии и Литве.
- Ш. Конарский и А. Кузьмин-Караваев (в двух частях).
4. «Союз литовской молодежи» и общественное движение России и Польши в 40–50-х годах XIX века.
 5. Польское Патриотическое общество и декабристы. Связи между прогрессивными силами России и Польши в 1815–1830 годах.
 6. Польская и российская революционная эмиграция в 60–80-х годах XIX века.
 7. Российско-польские связи в условиях политической ссылки. Роль поляков в изучении и освоении Сибири (XIX – начало XX вв.)
 8. Польско-российские контакты XIX века в сфере культуры и искусства.

В опубликованном на польском и русском языках программном предисловии от Редакционного комитета (совета), помещенном в первом томе «новой серии» отмечалось, что очередные тома должны выходить из печати каждые 2 года и издаваться в Польше. Однако и на этот раз оптимистические надежды не оправдались.

Вышедший в 1990 г. упомянутый первый том «новой серии» под названием «Участники освободительного движения 1832—1855 годов (Королевство Польское). Биографический словарь», согласно плану «старой» серии, должен был завершать издание. Это была авторская работа (с советской стороны его готовили В.А. Дьяков и В.М. Зайцев (основной составитель), а с польской — Адам Галковский и Виктория Сливовская). В словарь было включено более 3 тыс. кратких биограмм с указанием библиографии и архивных источников. Высокую оценку словарю дал С. Кеневич, назвав его «жемчужиной издания».

В 1994 г. наконец увидел свет долго лежавший уже готовым, но из-за финансовых и других трудностей очень задержавшийся с выходом том «“Весна Народов” в Королевстве Польском. “Организация 1848 года”». Состав Редакционной коллегии серии снова был изменен, в нее вошли: Юльош Бардах, Рышарда Чепулис-Растенис, Ежи Сковронек, Виктория Сливовская, Марья Янион (с польской стороны) и В.А. Дьяков, Л.Е. Горизонтов, А.В. Липатов, Ф.И. Стеблей (с российской). Насколько долгим был путь тома «Весна Народов...» к публикации свидетельствует и то, что автор вступительной статьи С. Кеневич скончался за несколько лет до выхода тома из печати. Из помещенных в том статей российских авторов можно отметить освещающую основную проблематику данного тома статью Г.В. Макаровой об идейно-политическом облике конспиративной патриотической организации в Королевстве Польском, действовавшей в период «Весны Народов», статью Б.С. Шостаковича о польских ссыльных в Восточной Сибири. В том включена также интересная статья польского историка Анджея Новака «Россия и “Весна Народов”» в публицистике и политической мысли Великой эмиграции».

Затем снова наступил очень длительный, свыше 10 лет, перерыв, который был вызван целым рядом политических, финансовых, организационных и других причин. К этому времени ушли из жизни основатели серии И.С. Миллер, В.А. Дьяков, С. Кеневич, Е. Сковронек, а «молодежи», заинтересованной в продолжении такого рода работы, в тот момент не появилось.

Однако буквально подвижническая деятельность В. Сливовской и ее коллег продолжалась. В результате их усилий был подготовлен и, наконец, в 2009 г. вышел из печати том, посвященный движению, организованному на бывших польских землях эмигрантом Шимоном Конарским (часть 1). В выявлении архивных материалов для этого тома принимал участие еще В.А. Дьяков. Состав Редакционного комитета серии снова

изменился: с польской стороны в него вошли Ю. Бардах, М. Янион и В. Сливовская, с российской – Г.В. Макарова и К.В. Никифоров. Предисловие было написано ответственным редактором тома Магдаленой Мициньской.

Полностью названия серий, заглавия томов (на польском и русском языках) и выходные данные вышедших из печати до настоящего времени томов «Зеленой серии» помещены в Приложении к настоящей статье. Тематически к «Зеленой серии» примыкает составленный В. Сливовской библиографический словарь, в который включены имена поляков, принимавших участие в национально-освободительном движении в Королевстве Польском в 1830–1850-е гг., сосланных в отдаленные губернии Российской империи⁸.

В начале 1980-х годов В.А. Дьяков готовил издание единого общего тома по проблематике польского общественно–политического движения 30–50-х гг. XIX в., предназначавшегося специально для русскоязычного читателя. В состав тома были включены документы на русском языке, главным образом, это были носившие обобщающий характер заключения Варшавской следственной комиссии по делам польских патриотических конспиративных организаций и приговоры, вынесенные их участникам с указанием их конкретных действий, степени виновности и меры наказания. Всю основную составительскую работу (выявление, отбор и комментирование) В.А. Дьяков проделал сам, в археографической подготовке документов к изданию ему помогали Н.Е. Костыгова, Г.В. Макарова и О.П. Морозова. Том был практически подготовлен к печати, однако сложности, прежде всего, организационно-финансового порядка задержали его издание, а после ухода из жизни В.А. Дьякова работа над ним прекратилась.

Нерегулярная публикация томов серии, большие временные интервалы между ними, полиграфическое оформление (отсутствие на титульном листе названия серии) привели к тому, что, например, в каталогах главной библиотеке России – Российской государственной библиотеке (Государственной библиотеке им. В.И. Ленина) – тома не объединены в единый комплекс, а представлены как отдельные книги: по названиям, по составителям (В.А. Дьяков), и только один том – о «свентокшижцах» – описан в каталоге как том серии под ее первоначальным названием.

В настоящее время ведется работа над второй частью тома о движении Ш. Конарского. Основными его составителями являются польские исследователи Виктория Сливовская и Анна Брус. С российской стороны в работе по археографической подготовке тома к изданию принимают участие О.С. Каштанова, Г.В. Макарова и Л.П. Марней. Дальнейшими планами предусматривается также публикация документов и материалов, освещающих события 1846 г.

Заглавия серии и
вышедших из печати в 1978–2009 гг. томов

Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie. 1832–1855. Studia i materiały. Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы:

– Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim. Gustaw Ehrenberg i “świętokrzyżcy”. «Содружество польского народа» в Королевстве Польском. Густав Эренберг и «свентокшижцы». Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1978.

– Rewolucyjna konspiracja w Królestwie Polskim 1840–1845. Edward Dębowski. Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг. Эдвард Дембовский. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1981.

– Społeczeństwo polskie i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 r. Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1984.

Polski ruch wyzwolenczy i polsko-rosyjskie więzi społeczno-kulturalne w XIX wieku. Studia i materiały. Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы:

– W.A. Dżakow, A. Gałkowski, W. Śliwowska, W. Zajcew. Uczestnicy ruchów wolnościowych w latach 1832–1855 (Królestwo Polskie). Przewodnik biograficzny. Участники освободительного движения 1832–1855 годов. (Королевство Польское). Биографический словарь. А. Галковский, В. А. Дьяков, В. М. Зайцев, В. Сливовская. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź, 1990.

– Wiosna Ludów w Królestwie Polskim. Organizacja 1848 roku. «Весна Народов» в Королевстве Польском. «Организация 1848 года». Wrocław–Warszawa–Kraków, 1994.

Polskie ruchy społeczno-polityczne i życie literackie. 1832–1855. Studia i materiały. Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы:

– Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni Kijowskiej. Szymon Konarski. Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский. Warszawa, 2009.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дьяков В.А. О социальном облике и классовой сущности польского освободительного движения 30–40-х годов XIX века // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974. С. 62–72.

² *Ramotowska F.* Carskie władze represyjne // *Proces Romualda Traugutta i członków Rządu Narodowego.* Warszawa, 1960. T 1.

³ *Горизонтов Л. Е.* Путь историка // *Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995).* М., 1996. С. 26–27.

⁴ *Barszczewska-Krupa A.* Szymon Konarski. Łódź, 1976; *Berghauzen J.* Ruch patriotyczny w Królestwie Polskim. 1833–1850. Warszawa, 1974; *Kamiński A.* Polskie związki młodzieży. 1831–1848. Warszawa, 1969; *Łopuszański B.* Stowarzyszenie Ludu Polskiego (1835–1841). Geneza i dzieje. Kraków, 1975; *Sokołowska S.* Młoda Polska. Z dziejów ugrupowań demokratycznych Wielkiej Emigracji. Wrocław, 1972 и др.

⁵ *Djakow W. A.* Piotr Ściegienny i jego spuścizna. Warszawa, 1972. Спустя два года увидело свет еще одно, научно-популярное по характеру, издание: *Djakow W.A.* Piotr Ściegienny, ksiądz-rewolucjonista. Warszawa, 1974.

⁶ *Дьяков В. А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сценгенного (1801–1890). М., 1972.

⁷ *Stowarzyszenie Ludu Polskiego w Królestwie Polskim.* Gustaw Ehrenberg i «świętokrzyżcy». «Содружество польского народа» в Королевстве Польском. Густав Эренберг и «свентокшижцы». Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1978. S. VIII.

⁸ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 1998.

**Юлиан Сабиньский (1797–1869)
и его «Дневник» – уникальный источник
по истории ссыльных поляков и не только**

Нет нужды подробно рассказывать о событиях жизни Юлиана Сабиньского – автора выдающегося произведения польской мемуарной литературы¹, достаточно обратиться к уже существующим работам польских² и российских³ исследователей. Напомним лишь о самых главных фактах его биографии. Родился Ю. Сабиньский в Подолии, в небогатой польской шляхетской семье. Он почти не посещал школы, зато получил блестящее домашнее образование. Сабиньский принимал участие в Ноябрьском восстании 1830 г., был арестован, но, попав под амнистию, не понес жестокого наказания. Во второй половине 1830-х годов он был участником самой большой в то время тайной польской патриотической организации «Содружество польского народа», которую возглавлял Шимон Конарский. За это Сабиньский был вновь арестован и на процессе в Киеве осужден на 20 лет каторги. По приговору он многие годы провел в Восточной Сибири – в Усолье и Иркутске. В 1857 г. Сабиньский был вновь амнистирован и возвратился на родину – в Подолию, но уже через несколько лет был замечен как участник патриотических манифестаций и повторно сослан в Чернигов, где и умер.

Жизненный путь Сабиньского не был отмечен необычайными событиями и не отличался существенно от судьбы большинства принадлежавших к его социальному кругу современников-поляков. И мы не уделяли бы его персоне сегодня столько внимания, если бы Сабиньский на протяжении всей своей жизни не вел дневника, который, к счастью, сохранился и был издан благодаря усилиям профессора Виктории Сливовской.

«Деятнадцать лет, вырванных из моей жизни или Дневник моей неволи и изгнания от 1838 по 1857 гг. включительно» (именно так назвал свое произведение сам автор) – это необычный труд. Ю. Сабиньский систематически, каждый день, делал записи обо всех событиях прошедшего дня, которые казались ему важными:

«Z samego tylko nałogu i dla nieprzerwania porządku zapisuję dzień ten pod datą poniedziałkową, gdyż właściwie wtorek już położycby należało, ponieważ piszę to o godzinie trzeciej po północy. Przywykłem pisać w tym Dzienniku po skończeniu wszystkich dziennych i wieczornych zatrudnień. To jest zawsze prawie ostatnią moją przed udaniem się na spoczynek czynnością» (11.XII.1844).

«По привычке только, и чтобы не нарушать порядка, я записываю этот день как понедельник, хотя следовало бы писать вторник, поскольку я пишу все это в три часа по полуночи. Так уж складывается, что все записи в моем Дневнике я веду после окончания всех дневных и вечерних тягот. Это, кажется, последнее, что я должен сделать, прежде чем отправиться отдыхать» (11.XII.1844).

Дневник в целом и как совокупность отдельных его частей имеет свою специфику. Мы не будем подробно анализировать этот труд (это потребовало бы отдельной работы), ограничимся только несколькими замечаниями общего характера. Все указывает на то, что первая часть, которая относится ко времени суда в Киеве, не является дневником в буквальном смысле слова. Хотя, уже в самом его начале мы находим свидетельства о желании Сабиньского вести дневник, который он хотел бы адресовать жене, о его попытках достать чернила, бумагу, перо, однако, в то же время догадываемся, что сделанное им описание событий подвергалось жесткой самоцензуре. Мы не находим в них ничего, что в случае обнаружения записей, могло бы повредить их автору. Можно прийти к заключению, что киевские записи являлись только заметками и не были оформлены в нечто целостное. Уже позже, когда Сабиньского по этапу везли из Киева в Тобольск, где-то за Смоленском он писал:

«Niedawno spostrzegłem, że w kieszeniach tej jedynej sukni, którą na mnie zostawili <...> zatrzymały się szpargały mojego dziennika. Znalazłem też przy tym wszystkim kilka kawałków ołówka, które tam zawsze trzymałem przy sobie, równie jak parę gałek z bawełny przesiąkniętej zasuszonym atramentem. Chcą więc, korzystając z odpoczynku, jakiego żандармы przez litość nad moim osłabieniem <...> pozwalają mi przez trzy lub cztery godziny co noc, chcę <...> zbierać moje myśli i dla ciebie moja najdroższa, opisać bezceństwa nade mną wywarte. Leżąc płaszczem obwinięty obrócony plecami do zbirów pod pozorem czytania mojej książeczki do nabożeństwa <...> chcę tobie pisać to smutne opowiadanie naszego nieszczęścia, ile tylko sobie przypomnę i ile znajdę siły. Zresztą przez te kilka miesięcy więzienia wprawdzie się już pisać skrótami bardzo prędko» (4.III.1839).

«Недавно заметил, что в карманах единственного оставленного мне платья, <...> оказались заметки для моего Дневника. Там же я обнаружил несколько огрызков карандаша, которые всегда ношу с собой, впрочем, как и пару ватных шариков, насквозь пропитанных высохшими чернилами. Пользуясь отдыхом, который жандармы, из жалости к моей слабости <...>, разрешают мне каждую ночь, я хочу <...> собраться с мыслями и для тебя, моя самая дорогая, описать все унижения, которые мне довелось испытать. Лежа повернувшись спиной к своим мучителям и укутавшись плащом, я, под видом чтения молитвенника <...> пишу тебе этот печальный

рассказ нашего несчастья, насколько позволяют память и силы. За эти несколько месяцев своего заключения я научился очень быстро писать с сокращениями» (4.III.1839).

Похожие записки появляются и во время дальнейшего пути. В Перми, где из-за плохого состояния здоровья Сабиньского произошла вынужденная остановка в пути, он продолжил свой труд:

«Ile mi tylko siły pozwalają korzystam z swobodnego czasu, żeby cokolwiek uporządkować mój dziennik dotąd z mnóstwa większych i mniejszych świstków złożony. To zatrudnienie stało się już niejako moją potrzebą, choć nie wiem, czy Bóg da mi jeszcze tyle życia, żebym dziennik ten mógł przepisać na czysto i czy znajdzie się sposobność, żeby on doszedł do tych rąk drogich, dla których jest przeznaczony» (25.III.1839).

«Насколько позволяют силы, я использую свободное время, чтобы хоть немного привести в порядок мой Дневник, который состоит из множества больших и малых записок. Эта работа стала для меня необходимой, хотя я и не знаю, отпустит ли мне Господь еще немного времени, чтобы я смог переписать этот Дневник, и попадет ли он в те дорогие руки, для которых предназначен» (25.III.1839).

Проехав Тобольск, вся группа ссыльных задержалась, ожидая пока в тех местах просохнут дороги, размокшие с приходом весны. Там, в Сибири, было больше свободы и совсем другие условия, поэтому здоровье Ю. Сабиньского пошло на поправку.

«Od trzech już dni wziętem się szczerze do mojego Dziennika. Przepisuję go od samego początku, żeby zrobić jedną całość z tego mnóstwa szpargałów i świstków. Dostałem bardzo cienkiego papieru, na którym dziennik ten przepisują ciasno i drobno, żeby go zamknąć w najmniejszej, ile będzie można objętości. Mówią, że na dalszych etapach, czasem podobą się któremu p. oficerowi przetrząsnąć wszystko; wiać łatwiej będzie ukryć mały poszycik, aniżeli znaczną kupę szpargałów. Ale ta robota, jeszcze jest nad moje siły, tak dalece, że ledwo 2 lub 3 karteczek przez dzień cały napisać zdołam» (16.IV.1839).

«Уже три дня я усердно работаю над Дневником, переписываю его с самого начала, чтобы из множества записок и свитков сделать единое целое. Мне удалось достать тонкую бумагу, на которую я переписываю свой Дневник более мелко и подробно, чтобы уместить как можно более из того, что произошло, в наименьшем по возможности объеме. Говорят, на дальнейших этапах кто-нибудь из офицеров вдруг пожелает устроить обыск, то маленький свиток спрятать легче, чем кипу записок. Однако эта работа пока мне не по силам: за день я могу переписать всего две или три страницы» (16.IV.1839).

В последующие дни прибавляются новые записи:

«Przepisywanie mojego Dziennika idzie jeszcze powoli, bo siedzenie mężczy mnie bardzo. Jednak już co dnia większa liczba kartek przybywa» (22.IV.1839), «Zbieram wszystkie siły na przepisywanie mojego Dziennika, żeby to skończyć niż z tą wyruszamy» (25.IV.1839).

«Переписывание Дневника продвигается еще очень медленно, потому что сидеть мне очень трудно. Однако, количество страниц с каждым днем все-таки увеличивается» (22.IV.1839), «Я отдаю все силы переписыванию моего Дневника. Хочу закончить эту работу, пока мы еще здесь» (25.IV.1839).

Можно предположить, что это, как выразился Сабиньский, «переписывание» Дневника состояло не только в том, чтобы объединить «множество записок и свитков», написанных в тюрьме. Оно состояло также в кропотливом редакторском труде, благодаря которому первоначальный текст был дополнен и расширен. Достоинство удивления, как все это было возможно (а ведь Ю. Сабиньский вел еще текущий дневник этапа) в таких сложных условиях этого специфического путешествия по бескрайним просторам Сибири.

Остальные части Дневника возникли уже совсем в других, с позволения сказать «более нормальных» условиях. Во время своего пребывания в Усолье, где, конечно же, Ю. Сабиньский продолжал свои систематические, каждодневные записи, он мог уже заявить:

«Dziennik ten, stał się już dla mnie konieczną potrzebą, on tylko, jest nieograniczonym powiernikiem wszystkich moich uczuć, to jest wszystkich cierpień moich. Bo teraz tylko cierpieniem bije moje serce. Dawniej ten dziennik pisałem z ową ożywiającą myślą, że moja najdroższa czytać go będzie. Dla niej go przedsięwziąłem, dla niej tak troskliwie strzegłem przed złośliwym okiem zbirów kijowskich, którzy obdzierając mnie ze wszystkiego, pewnie byli by radzi wydrzeć i tę pamiątkę bolesnych godzin więzienia. Teraz przez samo już nawyknięcie piszę te kartki. Lecz to nawyknięcie tak jest silne, że wieleby mię kosztowało zaniechać dalszego pisania, lub napisane utracić. Zresztą może jeszcze Opatrzność wrócić mi do kraju pozwoli i może tam kiedyś czytać go będą moje dzieci – w ten czas, kiedy ja zapewne już będę od dawna powtórnie złączony z ich matką. Dla nich więc, nie będzie on bez wartości, choć dla wszystkich innych byłby jałową i niesmaczną ramotą» (13.III.1840).

«Дневник этот стал для меня внутренней потребностью, он поверенный без границ моих чувств, то есть всех моих страданий. Ведь сейчас только переживаниями живет мое сердце. Раньше я писал Дневник с единственной отрадной мыслью, что читать его будет моя самая родная. Для нее я его начал, для нее так старательно оберегал от недобрых глаз киевских палачей, которые, от-

нимая у меня все, наверное, рады были бы вырвать у меня и эту маленькую памятку о тяжелых часах заключения. Теперь только по привычке я пишу эти строки. Но эта привычка настолько сильна, что трудно было бы отказать от нее или же утратить все написанное. В конце концов, быть может Провидение вернет меня домой, и там мой Дневник прочитают мои дети - в то время, когда я уже снова и навсегда соединюсь с их матерью. Для них он будет интересен, хотя для всех остальных окажется скучным и безыскусным чтением» (13.III.1840).

Эта запись свидетельствует не только об изменении внешних, «технических» условий ведения каждодневных записей — изменился также их адресат. Вначале автор писал Дневник с мыслью о жене, но когда получил печальную весть о ее смерти, продолжал свои записи, думая о детях. На самом деле Дневник стал своего рода терапией, разновидностью беседы с самим собой. С течением лет Дневник постепенно менялся, записи становились несистематичными, в них часто появлялись пробелы. В этом можно убедиться, сравнивая объем записей 1840-х и 1850-х годов, когда Ю. Сабиньский находился на поселении в Иркутске, живя все время в одних и тех же условиях. Рассказ о событиях 1844 года занимает 148 страниц рукописи — так же как и о следующих годах: 1845 г. — 151 стр., 1846 г. — 145 стр., 1847 г. — 128 стр., 1848 г. — 143 стр., 1849 г. — 112 стр. В 1850 г. наступает очевидный перелом — всего 53 стр. С этого времени и до конца Дневника объем записей существенно сокращается. Они появляются все реже — целый период с начала 1851 года и до последней записи 27 августа 1857 года (то есть больше шести с половиной лет) они занимают всего только 69 страниц.

Нет нужды рассуждать о причине этого явления, так как сам Сабиньский прекрасно понимал, в чем дело и объяснил это своим читателям:

«Coraz częstsze zdarzać się teraz muszę przerwy w moim dzienniku już to dla tego, że często zapadam na zdrowiu, to znowu dla braku czasu, bo co dnia prawie przez cały dzień lekcjami u siebie i w mieście zajęty, wszystkie ranki i wieczory poświęcać trzeba na rozmaite do tych lekcji przygotowania, na układanie ćwiczeń włoskich, francuskich, polskich, na poprawę zadawanych uczniom tłumaczeń, na wypisywanie potrzebnych do tego fraz i wyrazów takim, którzy słowników nie mają itd., itd. A podobno przez to najwięcej mają tu wziętość moje lekcje, że biorący je prędkie w swej nauce widzą postępy, a mało napotykają trudności i zwykłych przy uczeniu się obcego języka móżolów, albowiem to wszystko ułatwić im usiłuję. Ale też za to ogromną biorę na siebie pracę. Do niej zaś prowadzi mnie nie sama tylko chęć drugich pożytku, lecz jeszcze i wzgląd osobisty niejako: ponieważ wkładając takie, mogę powiedzieć, jarzmo na siebie, mnożąc sobie zajęcia i podwajając usilność w dokładnem ich wykonywaniu, tem samem już jak najmniej zostawiam sobie czasu i możności oddawania się swoim frasunkom, niepokojom, okropnym przypuszczeniom i myślom co-

raz bardziej dręczącym, które inaczej zupełnie by mię owładnęły i do obłąkania przywiodyły. Oto i teraz dawno już czekam i co poczty próżno wyglądam wiadomości od moich. To mię trapi niewymownie i słabe moje zdrowie do reszty pożera. W takim stanie i usposobieniu umysłu sam także pisać do nich nie śmiem i nie mam siły, a następnie i w tym dzienniku całą moją tęsknotę, smutek i wszystkie duszy cierpienia wylewać unikam» (19. VII.1850).

«Все чаще я вынужден делать перерывы в Дневнике, что объясняется недомоганиями или нехваткой времени, так как каждый день я занимаюсь с учениками – как у себя, так и в городе. Все свободное время я посвящаю подготовке к урокам: составляю упражнения по итальянскому, французскому и польскому языкам, выписываю фразы и словосочетания для тех, у кого нет словарей и т. д., и т. п. Именно из-за этого моя преподавательская деятельность пользуется здесь значительной популярностью, а особо одаренные ученики быстро осваивают материал и избегают ошибок и обычных при изучении иностранного языка трудностей, поскольку я очень стараюсь им в этом помочь. Но по тем же самым причинам на меня ложится огромный труд. К этому меня подвигло отнюдь не только желание принести пользу другим, но еще и следующее соображение: впрягаясь в такое, к слову сказать, ярмо, умножая свои занятия и прилагая невероятные усилия к их исполнению, я, таким образом, оставляю меньше времени для собственных переживаний и печалей, ужасных предчувствий и помыслов, все более меня раздражающих, которые в других условиях полностью бы мною овладели и свели бы с ума. Вот и сейчас, давно уже ожидаю весточку от родных и с каждым приходом почты жду напрасно. Это меня несказанно огорчает и окончательно подрывает мое и без этого слабое здоровье. В таком состоянии и умственном настрое я и сам не смею написать им, поэтому и в Дневнике избегаю изливать печаль, грусть и все душевные муки» (19.VII.1850).

После возвращения в 1857 году, на родину Ю. Сабиньский старательно (по меньшей мере, дважды) переписал свой Дневник. Не останавливаясь на дальнейшей судьбе этих рукописей, заметим только, что была она очень драматичной и что этому посвящено отдельное исследование. Достаточно сказать, что рукописи целиком сохранились. Таким образом, в нашем распоряжении оказался текст, насчитывающий 3500 страниц.

Стоит обратить внимание, на то, что у Ю. Сабиньского был хороший доступ к разного рода информации и неплохие возможности для наблюдения. Он проживал в Иркутске – административной столице Восточной Сибири (именно в этот период создавалась большая часть Дневника); был в близких отношениях с польскими ссыльными, а также с ссыльными де-

кабристами (например, с семьей Волконских); в качестве домашнего учителя он был вхож в лучшие дома Иркутска, в частности, в семьи высокопоставленных губернских чиновников; его приглашали в самые изысканные салоны, он принимал активное участие в жизни польских осужденных, оказывая им разнообразную помощь в обустройстве на новом месте. В Дневнике все это хорошо показано. Поэтому едва ли можно согласиться с самим Ю. Сабиньским, который временами весьма пренебрежительно оценивал свой труд:

«Z jakimże wstrętem patrzą na własny mój dziennik... tą bezbarwną i jałową ramotą, którą dawno już z samego tylko nawyknienia w nałóg zamienionego, niechętny dalej prowadzą» (13.XI.1847).

«С каким же отвращением я смотрю на свой собственный Дневник <...> это невзрачное и безыскусное чтение, которое давно уже веду без всякого желанья, в силу одной только привычки» (13. XII.1847).

То, что Дневник является бесценным источником по истории польской ссылки, говорить не приходится — это очевидный факт. Однако стоит обратить внимание и на то, что он является важным источником по истории России 1830–1850-х годов. Прежде всего, мы можем многое узнать о функционировании репрессивной системы царской империи середины XIX века. Основные принципы этой системы, особенно по сравнению с тоталитарными системами XX века, наверное, не являются наихудшими, однако, повседневная практика серьезно отличается от представлений, которыми руководствовались ее создатели. Как свидетельствует Ю. Сабиньский, в состав следственных комиссий часто входили люди низкого интеллектуального уровня, взяточники, далекие от объективности, руководствовавшиеся прежде всего личной выгодой и предрассудками. Тюремный персонал обладал похожими качествами.

Как следует из Дневника, мастерски устроенная система этапов, которая должна была якобы служить безопасному передвижению ссыльных к местам заключения, очень часто становилась для них настоящей мукой, поскольку отдавала их во власть этапных офицеров, а те в большинстве случаев не были пригодны ни к какой другой службе. Очевидно, что конвоирование заключенных было малопривлекательной работой. Ю. Сабиньский кратко, но очень точно описывает офицеров конвоев, называя одного из них «скотиной, больше на тигра похожего, чем на человека». Но не все они характеризуются в Дневнике столь отрицательно. Чумой для служащих конвоев было пьянство, об одном из таких офицеров он пишет: «настолько пьян, что с трудом может стоять на ногах, но не делает нам зла». Когда встречается описание человека, который не попадает под отмеченное общее правило, то автор с удивлением замечает «очень вежливый человек, что странно, и не подвержен пороку пьянства».

Уже после прибытия к месту ссылки и каторги оказывается, что и здесь многое, если не все, зависит от воли местных чиновников всех рангов. Ссылные по прибытию на место распределялись на работы в соответствии с личными интересами и потребностями местного начальства и в зависимости от своих знаний и способностей становились учителями иностранных языков, рисунка, музыки для детей местных чиновников, не исключая генерал-губернатора Восточной Сибири. В Петербург естественно поступали рапорты о том, что заключенные исполняют работу согласно приговору. Это явление, насколько можно понять из Дневника Сабиньского, было очень распространенным. Процветали и другие типичные для чиновничьей братии пороки: пьянство и воровство. Нередкими, например, были случаи воровства у заключенных денег, которые посылали им родные. Все это создавало для ссылных дополнительные трудности и унижения, но те, кто обладал востребованными способностями и умел проявить инициативу, могли не только выживать, но и существовать в довольно сносных условиях.

Юлиан Сабиньский в течение всего 1844 г. проживал в селе Урик, в доме Волконских, где учил их детей, а позже — в Иркутске, где также систематически навещал их семью. Здесь у него была возможность познакомиться почти со всеми сосланными в Восточную Сибирь декабристами, с которыми он, как и почти все польские заключенные, поддерживал близкие и теплые отношения. Дневник Сабиньского содержит ценную и малоизвестную информацию о жизни этих русских ссылных. Также Дневник Сабиньского является ценным источником по истории Иркутска, города, в котором на протяжении нескольких лет проживал автор, и жизнь которого наблюдал. Из Дневника Юлиана Сабиньского можно почерпнуть не мало других интересных сведений, однако ограниченные рамки статьи не позволяют выбрать даже отдельные примеры из многообразного и яркого материала.

В заключение приведем дневниковую запись от 30 июля 1846 г.:

«Śmierć Ankudynowa, tutejszego mieszkańca, a bardziej testament jego zajęły tu powszechną uwagę. Bazyli Ankudynow, syn włościanina ze wsi pobliskiej, zaledwo czytać umiejący, pracą jednak, przemysłem, obrotną czynnością i różnymi spekulacjami dorobił się milionowego majątku, którym teraz przy śmierci rozporządzając obok zapisów na rzecz swojej rodziny część tego majątku przeznaczył dla powszechnego dobra takim sposobem: zapisał 30 tysięcy rubli srebrem do banku rządowego z warunkiem, «żeby ta suma razem z przyrastającymi do niej procentami za sto lat kilka milionów rubli srebrem wynieść mająca, wtenczas dopiero użyta była na założenie uniwersytetu w Irkucku». Stary Wołkoński natchnął tę myśl Ankudynowowi, lecz i ten ostatni niemniej godzien szacunku za to, że szlachetny pomysł uczuł i skutecznił».

«Смерть здешнего жителя Анкудинова, а точнее его завещание, привлекли всеобщее внимание. Василий Анкудинов, сын крестьянина из соседней деревни, еле-еле умевший читать, своей работой, промыслом, разными спекуляциями скопил миллионное состояние, которым он перед смертью распорядился следующим образом: кроме той части, которую отписал своим родным, он около 30 тысяч рублей серебром завещал положить в государственный банк с условием, “чтобы эта сумма, с учетом нарастающих процентов, которые за сто лет составят несколько миллионов рублей, должна пойти на основание университета в Иркутске”. Старый Волконский внушил эту мысль Анкудинову, но и последний заслуживает большого уважения за то, что проникся сим благородным замыслом и решился его реализовать».

Тогда, полтора столетия назад, завещание Анкудинова не было исполнено. Если бы его осуществили спустя сто лет, в 1946 г., или можно было осуществить сейчас, то Иркутский университет стал бы самым богатым университетом России.

Перевод С. Кочегаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sabiński J.G. Dziennik syberyjski / do dr. przyg. Wiktoria i Rene Śliwowscy; opatrz. Jan Trynkowski. Warszawa: Wyd. Neriton, 2009. T. 1–3.*

² *Trynkowski J. Dziennik mojej niewoli i jego autor // Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni kijowskiej / pod red. M. Micińskiej. Warszawa, 2009; Trynkowski J., Woltanowski A. Julian Głaubicz Sabiński (1797–1869) i jego «Dziennik» // Ze Skarbca Kultury. 1993. Z. 51. S. 81–111; Sabiński Julian Głaubicz (1797–1869) // Polski słownik biograficzny. T. 34. S. 247–248; Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej pół. XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa, 1998. S. 529–531.*

³ *Шостакович Б.С. «Дневник моей неволи» Юлиана Сабиньского: поиски и находки по следам уникального исторического источника // Сибирская ссылка. Иркутск, 2003. Вып. 2(14). С. 82–93.*

**Переписка польских ссыльных XIX века
как исторический источник
(на примере корреспонденции Феликса Зенковича)**

*Te chwile, pisaniu poświęcone, są całą moją zabawą i rozkoszą,
listy od was odbierane całym moim szczęściem!*
(Adam Mickiewicz do Józefa Jezowskiego)*

Уже древние греки видели в письмах, наряду с их практической функцией, документ, свидетельствующий о внутренних переживаниях человека: «Человек, когда пишет письма, рисует образ собственной души», — так понимал эту взаимосвязь афинский политик, философ и ученый Деметрий Фалерский на рубеже IV–III веков до н. э.¹. Однако должно было пройти немало времени, прежде чем личные письма отдельных людей были признаны произведениями художественной литературы². Еще более трудным стало включение эпистолярного наследия в категорию исторических источников. Намного легче в этом плане обстояло дело с воспоминаниями, мемуарными записками, дневниками и автобиографиями.

В начале XIX в. еще продолжали действовать античные правила риторики, требовавшие ясности и краткости стиля письма. Со временем, однако, канонический стиль начал меняться — это касалось как формы, так и содержания письма, что проявлялось в отказе от принятых образцов и утилитарного назначения текста. Приоритетной становилась эмоциональная взаимосвязь корреспондентов в ходе обмена на письме мыслями и переживаниями. Все большие возможности для этого открывались благодаря быстрому развитию в XIX в. средств коммуникации, особенно почтовой и телеграфной связи³, а также вследствие все возрастающей мобильности населения. Поездки, различные по форме и по целям, являлись прекрасным поводом для сочинения писем, в которых прежде всего находила выражение необходимость и даже внутренняя потребность контактов с близкими.

В польской истории на рубеже XVIII–XIX вв., кроме путешествий по доброй воле появляется и иной вид — странствия по принуждению, к которым можно причислить ссылку в Сибирь. Эти «поездки» открыли новое направление в литературе, так называемую литературу ссылки⁴, представленную в том числе и перепиской ссыльных.

Путь ссыльного в Сибирь, отмерявшийся этапами, преодолевался по-разному: пешим ходом в партии заключенных, по железной дороге, в ки-

* Минуты, посвященные написанию писем, — истинное для меня удовольствие и роскошь, письма же, от Вас полученные, — подлинное счастье! (Адам Мицкевич — Юзефу Ежовскому).

битках, на подводах, пароходами, на санях. Уже по дороге к месту назначения ссыльные поддерживали контакты с близкими. Поскольку добираться до определенного приговором назначенного места каторги или поселения приходилось долго (часто более года), то, прибывая на заранее определенные места отдыха, ссыльные находили там ожидавшие их письма с родины. Корреспонденция самих направлявшихся в изгнание осужденных имела различные формы: это были хронологические записки, в которых можно найти детальные маршруты с описаниями пейзажей и привлечших внимание автора деталей повседневной жизни, дополненные сведениями из истории, географии, этнографии территорий, по которым пролегал путь ссыльных. Упоминание во многих письмах фамилий сотоварищей позволяет рассматривать такую корреспонденцию как своеобразный документ, содержащий списки ссыльных, находившихся в одной партии, дополненные иногда их психологическими портретами. Найти в ней также можно скрупулезно отмеченные случаи нездоровья и болезней, лечения в больницах, встречаются записи о смерти товарищей по несчастью и местах их последнего упокоения. Имеются записи об общении между самими ссыльными, ссыльными и сопровождавшими их солдатами или встречавшимся по пути населением, которые являются источником сведений о моральном и физическом состоянии и о поведении людей, оказавшихся в неволе, в чужой стране, в суровом краю, среди чуждого населения и в экстремальных ситуациях.

Не желая огорчать близких, авторы посланий не всегда ясно описывали свое истинное положение и свои переживания, сообщая о себе лишь незначительную информацию. Они понимали также, что их письма будут подвергнуты цензуре, и это отнюдь не побуждало к полной откровенности. Полицейская цензура переписки польских ссыльных неизменно строго осуществлялась, начиная с 1820-х годов, на протяжении всего XIX в. Так уже на исходе столетия, в 1880 г., люблинский губернатор получил циркуляр министра внутренних дел от 12 марта с предписанием: «Все письма, написанные политическими ссыльными во время пути следования, должен забирать начальник конвоя и по прибытии в первый же губернский город передавать губернатору, который, прочитав их, должен переслать по указанному адресу, а в случае, если они вызовут сомнения или подозрения, переслать в III Отделение для следующих распоряжений. Это предписание должно быть объявлено политическим ссыльным на исходных пунктах отправки»⁵.

Огромные расстояния, плохая работа почты, сложные процедуры полицейского контроля приводили к тому, что многие из отправленных писем попадали к адресатам с большим опозданием, иногда цензурой в них были вымараны отдельные слова или целые предложения, а некоторые послания вообще не доходили по назначению, оставаясь в бумагах полицейских ведомств. В наши дни их можно случайно обнаружить в архивных собраниях.

На каторге переписка заключенных подвергалась еще большим ограничениям, а на ее содержание, как и по пути в ссылку, влияло осознание неизбежности цензуры и прочтения чужими глазами. Сразу по прибытии в назначенное место все ссыльные были ознакомлены с порядком ведения корреспонденции, за нарушение которого предусматривалось суровое наказание. Письма подвергались тщательному контролю, а разрешение вести переписку трактовалось властями как привилегия, которой ссыльные поляки могли воспользоваться только один раз в три месяца. Некоторые ссыльные, правда, сумели искусно обходить эти правила⁶. Хенрык Каменьский писал сестре из Вятки (19 февраля / 3 марта 1847 г.): «Нам, всем ссыльным, объявили циркулярное распоряжение министра внутренних дел, по которому все письма, какие хотели отослать, в незапечатанных конвертах должны представляться лично генерал-губернатору, при строгом запрете пересылки корреспонденции каким-либо иным путем. Приказано ни в коем случае не нарушать этого распоряжения»⁷. Подобные предписания распространялись и на сосланных в Сибирь участников Восстания 1863 года. Действовавшие правила приводили к задержке почтовых сообщений, а также в значительной степени оказывали влияние на их содержание. «Мои письма сухи, пусты, абстрактны и кратки, но это именно такие недостатки, которые позволяют им дойти до тебя», — объяснял своей невестке находившийся на каторге Юзеф Калиновский.

Всегда очень болезненно ссыльные воспринимали задержку писем цензурой, и потому старались не давать властям к этому поводов. Запрет на ведение корреспонденции (отправку и получение писем) переживался ссыльными как одно из тяжелейших наказаний. Для многих уже само время ожидания становилось тяжким и трудно переносимым испытанием, вызывало тоску и подавленность, иногда даже становилось причиной нервных расстройств. К счастью, власти позволяли вести частную переписку на польском языке (по-русски писали очень немногие).

Умалчивать в переписке об отдельных специфических обстоятельствах ссыльных побуждала не только полицейская цензура, но и опасение, что упоминание о тех или иных фактах может повредить их собственной безопасности или безопасности родных и близких на родине. Многие умолчания в переписке объяснялись и тем, что ссыльные не хотели доставлять им дополнительных огорчений, описывая подлинные реалии каторги или поселения.

О том, какую роль играли письма в жизни ссыльных, лучше всего свидетельствует фрагмент письма из Тобольска от 10 декабря 1869 г., опубликованный на следующий год в одном из эмигрантских журналов: «Неуемное желание получить письмо становится изнуряющим, наподобие запоя. И жаждешь, сердце болит, стараешься успокоиться — лекарство хуже болезни. И нет спасения. Только если остановится сердце или покинет разум — тогда настанет конец страданиям»⁸.

По сравнению с количеством дневников, памятных записок, воспоминаний, написанных спустя годы, число известных и сохранившихся до наших дней писем ссыльных не слишком велико, что является следствием различного рода причин. По-разному складывались судьбы адресатов этой корреспонденции, по-разному они и их потомки относились к сохранению полученных из дальних краев писем. Для одних они были ценной семейной реликвией, передающейся из поколения в поколение, в то время как другие не придавали им особого значения. Бывали случаи, когда близкие умирали прежде, чем ссыльный возвращался из Сибири, и корреспонденция пропадала. Часть переписки оставалась в органах цензуры и вообще не доходила до адресатов. В некоторых случаях жены осужденных добивались признания брака недействительным и снова выходили замуж, тогда приходившие из Сибири письма вызвали укоры совести и становились тяжкой ношей, от которой избавлялись. Также и польская история тех лет, страницы которой заполнены восстаниями и войнами, полицейскими преследованиями и эмиграцией, не благоприятствовала сохранности такого рода памятников.

Однако относящаяся к XIX в. уцелевшая переписка ссыльных, хранящаяся в частных собраниях, в польских и зарубежных библиотеках, в архивных комплексах, а также дошедшая до нас в публикациях, представляет собой важное свидетельство эпохи и живших тогда людей. Несмотря на присущую ей разнородность стиля, языка и содержания, и вместе с тем благодаря сходным условиям и времени создания, она составляет однотипное, постоянно пополняемое вновь открытыми памятниками и поэтому еще не завершенное собрание польской романтической эпистолографии. Каждый период истории польской ссылки в Сибирь оставил комплекс документов в виде переписки ссыльных⁹.

Первый период этой эпистолярной литературы представлен известной корреспонденцией филоматов, приговоренных в 1824 г. к ссылке в Сибирь и в отдаленные губернии Российской империи. Письма находившегося в изгнании Адама Мицкевича были опубликованы еще до Второй мировой войны, но только в послевоенные годы изданы письма его университетских товарищей, в том числе Т. Зана, О. Петрашкевича, Я. Чечота, А. Сузина и др.¹⁰ Они свидетельствуют об образованности и разносторонности интересов бывших филоматов, а нередко также и об их литературных талантах.

После восстания 1830–1831 гг. в Сибири в первую очередь оказались его рядовые участники (крестьяне, ремесленники). Они не были в той же мере, как представители высокообразованных общественных слоев, связаны с традицией писания писем и, вероятно, потому от этого времени не осталось сколько-нибудь обширной переписки. Внимания заслуживают, однако, письма Адольфа Янушкевича, осужденного в 1832 г. на поселение, откуда он возвратился спустя 24 года¹¹. Его письма «из киргизских степей», адресованные семье и друзьям, были признаны выдающимся

произведением «ссылной литературы», не только имеющим значительные литературные достоинства, но и обладающим ценностью как исторический источник.

От периода после Ноябрьского восстания 1830 г. сохранилась небольшое количество писем, авторами которых были поляки-военнопленные, отправленные на службу в русскую армию, в частности в Отдельный Сибирский корпус. В 1833 г. там были раскрыты планы коллективного побега поляков (так называемый «омский заговор»), и одним из важных вещественных доказательств по делу стала корреспонденция его участников. Несмотря на то, что она велась преимущественно в зашифрованном виде, власти смогли выявить инициаторов заговора, которые в назидание другим были подвергнуты суровому наказанию. Конфискованные письма хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве в Москве. Их обнаружил и описал А. Нагаев в очередном томе российско-польского серийного издания («Зеленой серии»). Том вышел под заглавием «Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 г.». В нем, в частности, были опубликованы 9 писем из этого комплекса¹².

Последовавшие в Польше в дальнейшем один за другим в 1830–1850-е годы конспиративные организации (заговоры) и выступления против царских властей привели к тому, что в Сибири оказались очередные неблагонадежные поляки, оставившие значительное эпистолярное наследие. Среди исторических источников такого рода выделяется переписка двух друзей, сосланных за участие в так называемой «экспедиции Заливского» — Игнация Орпишевского и Густава Зелиньского. В письмах Орпишевского содержится подробное и интересное описание жизни ссыльных в енисейском округе, а у Зелиньского, автора поэтических романов и стихов, особое внимание привлекает раскрывающее литературный талант автора художественное описание пейзажей, а также рассказы о народной культуре и фольклоре киргизов¹³.

Переписка сосланных в Сибирь участников движения Ш. Конарского и «свентокшищцев» тоже представляет собой огромное богатство как по содержанию, так и с точки зрения литературных достоинств дошедших до нашего времени памятников. После одних ссыльных сохранились значительные коллекции писем, а после других остались лишь единичные экземпляры, в то время как большая часть писем была утрачена. К ценным собраниям этого периода можно отнести литературное наследие Александера Белиньского, письма братьев Эдварда и Северина Ромеров, Владыслава Юрковского и последовавшей за мужем в добровольную ссылку Тересы Булгак¹⁴.

Корреспонденция дважды сосланного Александера Белиньского (сначала в Курган, а затем в Нерчинские рудники, Иркутск и Тобольск) содержит детальные описания местных обычаев и повседневной жизни ссыльных, в которой, помимо работы, находилось также время на ученые

занятия и дружеское общение. В сотнях писем, написанных в ссылке Ромерами, превосходно описана среда и условия обитания политических изгнанников. Есть в них интересный эпизод, демонстрирующий увлечение Эдварда Ромера скульптурой и музыкой, вызванное знакомством с творчеством Станислава Монюшко. Это проявилось в великолепных иллюстрациях к «Домашнему песеннику» («Śpiewnik domowy»), а также в организации в Вологде польско-русского хора, исполнявшего в числе других и произведения польского композитора.

Своеобразный характер присущ переписке Владыслава Юрковского, сосланного в 1839 г. в Кавказский корпус, в которой документально фиксируется покорение Кавказа Россией. Его письма, доходившие до Киевской губернии минуя цензуру, содержат многочисленные описания боев и стычек с горцами, лагерных стоянок и полного лишений солдатского жителя. В то же время Юрковскому удалось наблюдать и необычайно интересно описать культуру черкесов, их повседневную жизнь, обычаи, одежду и жилье.

По сходным причинам, хотя и несколько в ином статусе, оказалась в Сибири Тереса Булгак. Она направилась в ссылку добровольно вслед за сосланным мужем Томашем Булгаком, чтобы разделить с ним горькую сибирскую долю (во второй раз таким же самым образом она попала за Урал после Январского восстания 1863 г.). Девятнадцать полных лет, проведенных в изгнании, нашли отражение в обширной корреспонденции. Все эти годы на поселении в Томской губернии они тяжелым трудом вынуждены были добывать себе средства к существованию, однако, помимо борьбы за выживания, они смогли реализовать и собственные творческие устремления.

Эпистолярное наследие «политических преступников» периода Восстания 1863 года является не менее значимым документальным комплексом, отражающим разные судьбы людей по-разному поведших себя в разных обстоятельствах, обусловленных специфической действительностью политической ссылки.

К одной из лучших коллекций переписки ссыльных того времени принадлежат опубликованные в 1978 г. письма Юзефа Калиновского¹⁵. Из 428 писем, написанных, в первую очередь, родным, около половины составляют отосланные с каторги и поселения в Восточной Сибири. Они многое сообщают о своеобразной личности бывшего монаха, свидетельствуют о его влиянии на товарищей по изгнанию, о повседневной жизни поляков в ссылке, а также об обычаях местного населения. Они свидетельствуют также об участии Калиновского и других естествоиспытателей-ссыльных в работе Сибирского отделения Русского географического общества в Иркутске, занимавшегося изучением флоры и фауны Байкала. Описание этой стороны деятельности ссыльных можно найти в объемной корреспонденции самих естествоиспытателей¹⁶. Она представляет собой ценную хронику их жизни и научной работы, являясь при этом свидетель-

ством «проведения с пользой того времени и тех лет, которым, казалось бы, предназначалось быть потерянными».

Интересна судьба писем Бенедыкта Дыбовского, которые тот отправлял брату в Дерпт с каторги и из места поселения. Со временем они приобрели исключительную документальную ценность, послужив много лет спустя самому автору источником для воссоздания сибирского периода собственной жизни, опубликовавшему их в книге «Воспоминания доктора Бенедыкта Дыбовского начиная с 1862 до года 1878»¹⁷. Иная сторона жизни в Сибири представлена в письмах капитана Юзефа Давидовича¹⁸ и врача Юзефа Пекарского¹⁹. Сибирский миссионер, занимавшийся в Томской губернии просветительской работой среди детей из католических семей, в своей корреспонденции обращал внимание на религиозную жизнь товарищей по ссылке и не колеблясь давал им нелестную оценку. Поразителен также у Давидовича тот факт, что он совершенно не замечает нищеты ссыльных, существующих иногда на грани выживания. Подобным образом описывал условия, в которых находился на поселении, Пекарский, подчеркивая в одном из своих писем, что в Сибири он никогда не знал истинной нужды. При этом он давал понять, что для многих изгнанников важнее материального достатка были «потребности ума и сердца». Он писал, что существенным моментом, помогавшим вынести страдания, было общение с культурой и искусством: театром, музыкой, поэзией, танцем и, прежде всего, с книгой. Интересным комплексом документов, свидетельствующих о жизни поселенцев, является переписка Людвика Бальцера и Яна Шумского²⁰. Бальцер, после окончания срока каторги оставшийся работать в польском ресторане в Иркутске, позднее стал владельцем двух лавок, а за городской жизнью следил с целью изыскать возможности для развития своего торгового предприятия. Благодаря его письмам мы можем узнать, в каких условиях и на каких основаниях осуществлялась предпринимательская деятельность ссыльных, заключались торговые сделки, фамилии лиц, занимавшихся куплей-продажей. Их автор проявил себя как внимательный наблюдатель, критически описывающий разгульную жизнь сорящих деньгами русских и особенно нравственные качества женщин-сибирячек. Корреспонденция Шумского дорисовывает купеческий облик Иркутска. Однако главным образом ее автор сосредотачивается на собственной работе в пекарне и в лавочке с бижутерией, продуктами, папиросами и галантереей, едва обеспечивающей его ссыльное бытие. Озабоченный исключительно собственной судьбой, в своих письмах он не касается тех дел и вопросов, с которыми сталкивались находившиеся тогда в большом числе в Иркутске поляки-ссыльные.

Среди корреспонденции сосланных участников Восстания 1863 г. особое место занимают 85 писем Феликса Зенковича, написанные почти на шестистах страницах за время его семнадцатилетней каторги в Уsole и пребывания на поселении в Иркутске²¹. Они являются не только уникаль-

ным историческим источником, но также произведением подлинной художественной литературы, ценным не только как исторический документ, но и как яркое свидетельство богатства и образности польского языка. Несомненно, письма Зенковича, со всех точек зрения, относятся к лучшим образцам польской эпистографии.

Благодаря незаурядной наблюдательности автора, его стремлению получить новые впечатления, которые он умел находить в повседневной жизни и его способности донести их до читателя в форме художественного текста, мы располагаем неповторимыми документами того времени, наполненными не только фактами и событиями, но и описаниями человеческих характеров, размышлениями автора над мотивами поведения людей. С одной стороны, письма Зенковича представляют собой хронику жизни каторжника и поселенца, а с другой — являются достоверными свидетельствами судеб многих ссыльных в период после Январского восстания.

Как и большинство поляков-ссыльных, Зенкович, оказавшись в Сибири, первоначально долго жил воспоминаниями о прошлом, однако со временем они отступили для него на второй план, а на первый — выдвинулись текущие проблемы повседневности, сибирская действительность, что отразилось и в его письмах. Почта от него стала приходить реже. Не все письма дошли до места назначения, и сейчас уже нельзя установить ни их количества, ни обстоятельств их пропажи. Цензурные пометки появляются на письмах Зенковича только по прибытии его на каторгу, и то не сразу. На нескольких отсутствуют замечания цензора — это свидетельствует, что они не подвергались цензуре. Зенковичу удалось обойти установленные правила и обмануть чиновников, подписывая собственную корреспонденцию именем Ольги Лаговской, добровольно приехавшей с детьми в Сибирь вслед за сосланным мужем. Такая уловка помогала Зенковичу во время его нахождения на каторге. Его корреспонденция многократно превышала разрешенные четыре письма в год; случалось, что он чуть ли не за месяц превышал годовую норму.

Зенкович, описывая в письмах жизнь ссыльных (свою и товарищей по несчастью), дает возможность в ином свете увидеть Сибирь XIX века. Созданный им образ этого сурового края существенно отличается от того, который получил распространение в литературе романтизма и укоренился в польском общественном сознании. Так, описание каторги у него лишено одностороннего мартиронологического оттенка, в нем отсутствуют мрачные рудники, бряцающие оковы и цепи, бессчетные могилы узников, скованных вечной мерзлотой. Качественно иным, нежели это традиционно изображено в литературе, оказалось для автора писем, как и для других ссыльных поляков, чувство разлуки с родиной. Оно было отнюдь не менее горьким и болезненным, но преимущественно находило выражение в чувствах тоски и одиночества, отдаленности от близких огромными географическими пространствами, в подавленности тяготами повсед-

невной жизни и в ощущении культурной чуждости окружения. Со временем многие ссыльные — так же, как и Зенкович, — прониклись щемящим душу пониманием, что они являются «чужими и чуждыми»: все более «чужими» для оставленных на родине близких и всегда «чуждыми» для местного сибирского общества.

Существенную для историка документальную ценность представляют письма Зенковича как свидетельство организации жизни ссыльных уже во время этапирования их в Сибирь, в дальнейшем — на каторге и поселении. В них запечатлена активность ссыльных-поляков в научной области, в сфере просвещения, педагогики и культуры. Отражены их усилия, направленные на благо всего сообщества ссыльных, а также контакты и сотрудничество с представителями местной чиновничьей и купеческой среды.

Особого внимания в его корреспонденции заслуживают также по существу документальные записи о педагогической деятельности поляков. Официально «политические» ссыльные не имели права заниматься педагогической и воспитательной работой ни в учреждениях народного просвещения, ни в качестве частных преподавателей и воспитателей. Существовал также запрет и на организацию отдельных школ для детей ссыльных²². Однако, несмотря на запрет, в поисках заработка на учительском поприще подвизались многие находящиеся главным образом на поселении ссыльные, обладавшие дипломами различных учебных заведений. Нанимались они также гувернерами и репетиторами. Вопреки запретам и угрозе наказания, педагогическая практика ссыльных получила относительно широкое распространение, чему способствовали огромная потребность в хорошо образованных учителях, настойчивость со стороны родителей-сибиряков и особенно попустительство местных властей, смотревших сквозь пальцы на занятия поляков учительством.

К важным свидетельствам, содержащимся в письмах Зенковича как историческом источнике, следует также отнести описание пожара Иркутска в 1879 г., ценное не только в силу уникальности и достоверности фактического материала, но и по своим литературным достоинствам: автору удалось убедительно передать драматическую атмосферу события. Для краеведения Иркутска, для истории архитектуры Восточной Сибири и для истории жившей в городе польской колонии немаловажное значение имеет оставленное Зенковичем описание сгоревшего в пожаре 1879 г. иркутского католического собора. Ценными свидетельствами повседневной жизни поляков в городе и их контактов с россиянами стало описание смерти и похорон ссыльного врача Юзефа Лаговского, в которых участвовали многие жители Иркутска, а также сведения о неизвестных до недавнего времени деталях деятельности в Восточной Сибири Бенедыкта Дыбовского и его экспедиции, об их сотрудничестве с местным населением.

Историю жизни Зенковича в Сибири, отраженную в его обширной корреспонденции, следует рассматривать как типичную не только для его

поколения, но и для значительной части польского общества XIX столетия. Его эпистолярное наследие документально воссоздает эпоху и образы живших в ту пору людей. Это, разумеется, относится не только к письмам Зенковича, но также и к большинству писем всех сибирских изгнанников, корреспонденцию которых, учитывая ее документальную ценность, можно по праву отнести к важнейшим комплексам исторических источников по истории XIX в.

Перевод Г. Макаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sudolski Z. Korespondencja // Słownik literatury polskiej XIX wieku / Red. J. Bachórz, A. Kowalczykowa. Wrocław, 1994. S. 432.*

² В качестве примера можно привести письма Цицерона, Блаженного Августина, Элоизы и Абельяра, Яна Собеского – королеве Марии, Оноре де Бальзака – Эвелине Ганской, Юльюша Словацкого – его матери.

³ *Sudolski Z. Polski list romantyczny. Kraków, 1997. S. 14–15.*

⁴ Это понятие появляется в лекциях Адама Мицкевича в Коллеж де Франс, которые он читал в 1842 г. Предметом его размышлений в то время были относящиеся к XVIII в. сибирские мемуары Юзефа Копеца, Юзефа Кобылецко-го и Мауриция Беневского.

⁵ *Archiwum Państwowe w Lublinie, Kancelaria Gubernatora Lubelskiego. Nr 645.*

⁶ Например, письма родителям Александра Белинского, приговоренно-го в 1844 г. пожизненно к каторжным работам в рудниках. От его имени писала жена Адольфа Рошковского – Антонилла, за которым она добровольно отправилась в место ссылки. Не являясь ссыльной, она имела возможность свободного передвижения, а на ее письма не распространялись цензурные и полицейские ограничения. После Январского восстания 1863 г. приговоренный к каторжным работам в Уsole Феликс Зенкович писал своей сестре несколько раз в месяц, подписываясь именем Ольги Лаговской, которая фигурировала в роли отправителя. Лаговская, так же, как и Рошковская, приехала в Сибирь добровольно вслед за сосланным на каторгу мужем.

⁷ *Kamiński H. Listy zesłańca. Warszawa, 1968.*

⁸ *Ułamek z listu (Tobolsk, 10 XII 1869) // Tydzień Polityczny, Naukowy, Literacki i Artystyczny / wyd. I. Kraszewskiego. 1870. Nr 23.*

⁹ Подробная характеристика переписки ссыльных в XIX веке представлена в книге автора данной статьи. См.: *Jędrychowska B. Wszystkim obcy i cudzy. Feliks Zienkowicz i jego listy z Syberii 1864–1881. Wrocław, 2005. S. 13–33.*

¹⁰ *Mickiewicz A. Dzieła prozą / red. T. Pini. T. 2: Listy i przemówienia. Nowogródek. 1934; Archiwum Filomatów. Na zesłaniu / red. Cz. Zgorzelecki. Wrocław, 1973. T. 1; Archiwum Filomatów. Listy z zesłania / wstęp i oprac. Z. Sudolski. T. 1: Krąg Onufrego Pietraszkiewicza i Cypriana Daszkiewicza. Warszawa, 1997;*

T. 2: Krąg Tomasz Zana, Jana Czczota i Adama Suzina. Warszawa, 1999; T. 3: Krąg Franciszka Malewskiego i Józefa Jeżowskiego. Warszawa, 1999.

¹¹ *Żywoł Adolfa Januszkiewicza i jego Listy ze stepów kirgiskich*. Paryż, 1861. T. 1–2. (Wторое издание – Berlin, 1875); *Januszkiewicz A. Listy z Syberii / oprac.* H. Geber, wstęp J. Odrowąż-Pieniążek. Warszawa, 2003.

¹² См.: *Spółczesność polska i próby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku*. Wrocław, 1984. S. 119–137.

¹³ *Odrowąż-Pieniążek J. Korespondencja literacka Sybiraka (Ignacy Orpiszewski) // Slavia Orientalis*. 1951. Nr 6. (См. также переиздание: *Polonica zebrane po świecie*. Warszawa, 1992); *Idem. Zatrzymany do życia. Listy literackie Ignacego Orpiszewskiego do Gustawa Zielińskiego (1835–1843) // Blok-Notes Muzeum Adama Mickiewicza*. Warszawa, 1963; *Chmielowski P. Życiorys na podstawie listów poety skreślony i ocena jego działalności // Gustaw Zieliński. Poezje*. Toruń, 1901. T. 1. S. 57–217; *Stogowska A., Wpisany w epokę. Gustaw Zieliński (1809–1881)*. Płock, 1996.

¹⁴ *Bielińska M. Dwa pokolenia*. Kraków, 1909; *Z dziejów Römerów na Litwie. Nie ustawajmy więc w ochocie pisania... Z listów i dzienników trzech pokoleń / Wybór, oprac. i wstęp D. Kamolowa*. Warszawa, 1992. См. также коллекции писем в рукописных собраниях: *Listy Seweryna Romera do brata Edwarda i jego żony Zofii z Białozorów z Wołogdy i Mitawy (1842–1844)*, *Listy Edwarda Jana Romera do rodziców (Michała i Racheli) z Wołogdy (1845–1847 i 1851–1852)*, *Listy Edwarda Jana Romera do rodziców z Wielkiego Ustiuga i Wołogdy (1843–1848)* в собрании рукописей Национальной библиотеки в Варшаве (Biblioteka Narodowa w Warszawie. Rkps. II 8732, Rkps. II 8696, Rkps. II 8697); *Jurkowski W. Listy z Kaukazu do Pelagii Podhorskiej. 1839–1841 – в собрании Библиотеки Курницкой Польской академии наук (Biblioteka Kórnicka PAN. Rkps 1163)*, и в современных публикациях XIX века: *Listy o Syberii. Z korespondencji Teresy z Wierzbickich Bułhakowej do rodziny // Rocznik Literacki / pod red. R. Podberskiego*. Wilno, 1849. R. IV.

¹⁵ *Kalinowski J. Listy / Wstęp i oprac.* Cz. Gil. Lublin, 1978. T. 1–2.

¹⁶ В Польше не имеется полного комплекса писем ссыльных поляков-естествоиспытателей, относящихся к их научной работе в Сибири. Чрезвычайно ценные рукописные собрания находятся в России и только часть их опубликована в работах российских исследователей, например, корреспонденция Яна Черского и Александра Чекановского находится в Архиве Российской академии наук в Санкт-Петербурге (коллекция Шмидта), а также в Краеведческом музее в Иркутске. Много других ценных писем было описано и частично опубликовано в книге Збигнева Вуйчика, а также в изданной на польском языке публикации Марины Тимофеевой. В Библиотеке Оссолинских во Вроцлаве, а также в Архиве Института зоологии ПАН в Варшаве находится ценное собрание корреспонденции польских исследователей Сибири. См.: *Wójcik Z. Jan Czernski. Polski badacz Syberii*. Lublin. 1986; *Timofiejewa M. Prace kolekcjonerskie i badawcze polskich powstańców 1863 r. w Zabajkalu // Studia i materiały z dziejów nauki polskiej*. 1976. Z. 21.

¹⁷ [Dybowski B.] Pamiętnik d-ra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów, 1930.

¹⁸ M. [Dawidowicz Józef Sylwester]. Z listów Sybirskiego misjonarza X. Józefata Sylwestra Dawidowicza. Kraków, 1901.

¹⁹ Listy Józefa Piekarskiego do Eweliny Rodziewiczówny z lat 1864–1872 в собрании рукописей Библиотеки Варшавского университета (Biblioteka uniwersytecka w Warszawie. Rkp. 3248 a).

²⁰ Listy z Syberii pisane do Janiny z Balcerów i Franciszka Strzyżowskich w latach 1861–1883 в собрании рукописей Национальной библиотеки в Варшаве. (Biblioteka Narodowa. Rkps. III 2973); Listy Jana Szumskiego z wygnania z lat 1864–1870 do Marii Jankowskiej в собрании рукописей Публичной библиотеки Люблинского воеводства им. И. Лопациньского в Люблине (Wojewódzka Biblioteka Publiczna im. H. Łopacińskiego w Lublinie. Rkps 1897).

²¹ Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Rkps. Nr 13.323/11. См. также: Jędrychowska B. Wszystkim obcy i cudzy. Feliks Zienkiewicz i jego listy z Syberii 1864–1881. Wrocław, 2005.

²² Jędrychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna. Wrocław, 2000.

Источниковедение российско-польского исторического пограничья XIX века: опыт и перспективы изучения

XIX век, не педантично календарный, а по крайней мере на двадцать–тридцать лет более продолжительный, уникален в истории российско-польских отношений пребыванием нескольких поколений поляков в роли подданных династии Романовых. Этим определяются масштабы и многообразие форм межнационального взаимодействия, а также, поскольку речь далее пойдет об источниках, особенности фондообразования: абсолютное большинство рукописных материалов по рассматриваемой теме находится в архивохранилищах России. Российско-польское историческое пограничье представляет собой открытую контактную зону, не имеющую четкой географической локализации, неоднородную по «плотности» и характеру контактов, изменчивую во времени.

В СССР и ПНР пик изучения российско-польской пробле-матики XIX в. пришелся на 1960–1970-е гг. Примерно столько же – два десятилетия – прошло с той поры, когда Россия и Польша в результате распада советского блока отделились друг от друга. Эти двадцатилетия весьма различны с точки зрения интенсивности исследований, их тематических приоритетов, интерпретации исторического процесса и взаимодействия историков двух стран. Не избежали трансформации и источниковедческие стратегии.

Для модели 1960–1970-х гг. характерна системная инвентаризация советскими полонистами отечественных архивных собраний. Производился сплошной просмотр и научное описание многих фондов, в том числе личных (работы Л.А. Обушенковой, Ю.И. Штакельберга и др.). Во-вторых, исследования были неразрывно связаны с публикацией источников и подготовкой справочных изданий. Архивы позволяли составлять обширные картотеки персоналий, а те, в свою очередь, биографические словари. Словари не только предоставляли справочные сведения, но и служили основой для исследований, способствуя развитию как биографистики в ее классическом формате отдельного жизнеописания, так и просопографии, ориентированной на моделирование идеальных типов, значимых для понимания социокультурных процессов. Сформировалось понимание того, что внятный, исключающий произвольные оценки ответ на многие вопросы невозможен без оперирования репрезентативным человеческим материалом. В-третьих, источниковедческая и археографическая работа велась россиянами и поляками в тесном сотрудничестве на основе взаимодействия больших коллективов и долгосрочного планирования. Осуществление беспрецедентно масштабной программы, представляющей сейчас немалый научный интерес, стало возможным благодаря притоку в науку в 1950–1960-е гг. новых кадров.

В духе времени акцент делался на изучение антиправительственного лагеря, прежде всего, его леворадикальных сегментов. Российско-польское взаимодействие интерпретировалось преимущественно в категории «революционных связей». Последние дополнялись контактами в области культуры, фигуранты которых также отбирались, как правило, по критериям специфически понимаемой прогрессивности. Однако объективно выявление и последующее издание значительного массива архивного материала, несмотря на определенную селекцию при его отборе, формировало источниковую базу для достаточно широкого спектра исследований.

Направление, в русле которого в России продуктивнее других работал историк-архивист по образованию В.А. Дьяков¹, в Польше, во многом благодаря энергии В. Сливовской, существует до сих пор, о чем свидетельствуют как словарные издания, так и публикация источников, в первую очередь мемуарных². Прямым продолжением былого двустороннего сотрудничества стал очередной том хорошо известной специалистам по Польше «Зеленой серии», посвященный «конарщикам». У польских коллег имеются серьезные планы обращения к источникам 1820-х годов, что вполне соответствует сегодняшней исследовательской программе Института славяноведения РАН.

Следует отметить, что у польских историков смена тематических приоритетов применительно к XIX веку происходила более плавно, чем у российских историков-полонистов, особенно работающих в столицах. В центре внимания осталась героическая и жертвенная фигура борца за независимость Польши, который расшатывал враждебную империю, а затем, оказавшись в ссылке и эмиграции, просвещал либо саму закосневшую Россию, либо Запад в ее отношении. Правда, став позапрошлым, XIX столетие по своей популярности в сообществе историков уступило в Польше как последующей, так и предшествующей эпохам³. В постсоветской России век империи востребован, пожалуй, в большей степени, хотя и здесь по объему историографии возобладало «короткое» XX столетие, в изучении которого раньше действовали максимальные ограничения, что видно на примере разработки истории советско-польских отношений.

Глубоко символичной явилась передача польским партнерам московских картотек, созданных на основе архивных изысканий: в условиях России на рубеже XXI в. сведения об участниках национально-освободительного движения остались невостребованными. Приходится говорить о серьезных кадровых потерях, о гораздо более скромных, чем прежде, форматах сотрудничества с польскими историками. Зато существенно возросли степень научной свободы и, соответственно, плюрализм взглядов. В настоящее время можно утверждать, что польская проблематика XIX в. возвращается в российскую историческую науку. Правда, далеко не все сегодняшние исследователи готовы использовать источники на польском языке (языковой барьер дает о себе знать и в академической среде Польши).

Как в новых условиях оптимальным образом построить работу? Достаточно много ее в сфере изучения политики правящих кругов царской России. Публикация в рамках серии, посвященной Январскому восстанию, четырехтомной переписки наместников Царства Польского 1861–1864 гг. обозначила чрезвычайно плодотворное направление. Охватывающие тот же период два тома воспоминаний Д.А. Милютина свидетельствуют о центральном месте польского вопроса: несколько лет подряд военный министр и вся высшая бюрократия уделяли ему поистине огромное внимание⁴. Другим эпохам повезло гораздо меньше. Требуется научного переиздания переписка цесаревича Константина Павловича с его царственными братьями, а также переписка Николая I и И.Ф. Паскевича, которая считалась настолько важной, что с ней специально знакомили наследника престола. Заслуживают внимания императорские маргиналии по польскому вопросу. Если в советское время изучение восстания 1863–1864 гг. шло параллельно с реализацией проекта по «первой революционной ситуации», то ныне разработка российско-польской тематики может быть органически соединена с изданием архива Романовых. Ряд ценных документов, характеризующих политический курс рубежа XIX–XX вв. опубликовал Л. Яськевич.

Правительственно–придворными сферами ограничиваться, разумеется, нельзя, необходимо обращение к кругу администраторов–практиков, местной бюрократии. Российской историографии не чужд интерес к польским элитам, в той или иной степени интегрированным в имперский порядок и служивших российской монархии. Представители данного слоя зачастую фигуры далеко не столь однозначные, как это может показаться на первый взгляд. Их изучение способствует возвращению из забвения многих имен, верификации стереотипов, обеспечению эмпирическим материалом исследований идентичностей и межэтнической коммуникации. На основе регулярно публиковавшихся списков по чинам и архивных послужных списков возможна фундаментальная работа о генералах польского происхождения в русской армии. В Российском государственном военно-историческом архиве нами выявлены материалы о более чем двух сотнях поляков, достигших высших воинских чинов. Думается, что их численность накануне Первой мировой войны сопоставима с периодом 1815–1830 гг., когда существовала отдельная польская армия. Рост интереса в обеих странах наблюдается также к судьбам русских на бывших землях Речи Посполитой. Для воссоздания российско-польских отношений необходимо дать слово и русской стороне, представленной не только и не столько революционерами. Между тем, официальная Россия в трудах историков до сих пор зачастую предстает безликой силой, одержимой самыми недобрыми намерениями. Важным шагом в направлении более адекватной картины прошлого является издание сравнительно недавно обретенного дневника русского генерала и президента Варшавы

конца XIX в. – С.И. Старынкевича⁵, оставшегося в благодарной памяти жителей польской столицы. Есть, правда, и проблемы, которые создает эта образцово выполненная публикация для российских исследователей. Издание дневника в переводе на польский язык расширило его читательскую аудиторию в Польше, но одновременно сделало недоступным большинство историков в России. Те же из них, кто польским языком владеет, лишены возможности цитировать источник. При совместном издании, с соблюдением такого важного принципа, как воспроизведение оригинала, подобных неудобств можно бы было избежать.

Имеются и другие мемуары чиновников и военных, отдавших многие десятилетия своей жизни службе на польских землях. В их числе генерал В.А. Докудовский и петроковский губернатор К.К. Миллер. В нескольких российских архивах хранится переписка русской профессуры Варшавского университета рубежа XIX–XX вв. Весьма перспективной представляется разработка темы крестьянских комиссаров Царства Польского. Созданный для претворения в жизнь реформы 1864 г. по наделению землей польского крестьянства, их институт оказался долговечнее российских мировых посредников, просуществовав до начала XX в. Обращение к указанной теме позволит пролить свет на позицию крестьянства Польши. Формула «народ безмолвствует» не совсем точна для XIX в., и все же о мире социальных низов мы узнаем в значительной мере опосредованно.

Источники, восходящие к людям, не понаслышке знавшим инациональную среду, ценны с точки зрения русско-польской имагологии – изучения стереотипов взаимного восприятия двух народов. Развиваясь преимущественно в сфере литературоведения, это чрезвычайно популярное междисциплинарное направление страдает от узости источниковой базы. Наряду с художественной литературой и фольклором необходимо в этой области широко привлекать мемуары, переписку, публицистику⁶. Вероятно, ввиду недостаточного количества текстов, заслуживающих полного воспроизведения, придется прибегать к формату антологии, что уже делалось А. де Лазари в издании «Польская и русская душа», где собраны материалы для каталога взаимных предубеждений поляков и русских⁷.

Заслуживающим внимания приемом стала публикация в одном издании источников, отражающих русский и польский взгляды на одно и то же событие. В подготовленных Н.М. Филатовой к печати мемуарах таким является восстание 1830–1831 гг. Если для освещения советско-польской войны 1920 г. в свое время были избраны военачальники, то в данном случае публикуются свидетельства женщин из высшего общества, благодаря чему проект приобрел гендерный характер⁸. В целом, сравнительно-исторические исследования, которые отнюдь не ограничиваются имагологическим дискурсом, особенно нуждаются в репрезентативном обеспечении источниками. Это относится и к работе в расширяющемся русле *memory studies*.

Русское образованное общество формировало не только социальную базу правительственной политики, но и оппозицию последней. Палитра мнений наиболее ярко отражена в публицистике. Создается впечатление, что в последнее время в России особенно популярны переиздания сочинений представителей консервативного лагеря, многие из которых высказывались по польскому вопросу. Полезно было бы обратиться к либеральной публицистике, скажем, начала 1880-х годов, когда наблюдалось заметное оживление интереса общественности к нему (Н.И. Кареев, С.А. Венгеров и др.). Периодическая печать остается огромным и далеко не исчерпанным хранилищем информации о российско-польском историческом пограничье.

Наконец, исключительно важным представляется региональное измерение общей российско-польской истории, которая развертывалась не только на этнически польских землях и в имперских столицах. Более того, есть все основания говорить о феномене межрегионального транзита. Действительно, судьбы многих людей – как субъектов, так и объектов управления, связаны с несколькими регионами. Вновь увиденное они неизбежно сравнивали со своим прежним опытом, что дает превосходный материал для выявления региональной специфики, в частности, региональных идентичностей, ментальных особенностей, черт повседневности. В российском чиновничестве сложилась большая группа специалистов по национальным окраинам, за время своей службы сменивших несколько регионов. В свою очередь, польские стратегии, апробированные в одном регионе, находили отклик в других. Так, в опубликованных украинскими коллегами письмах В. Липинского М. Грушевскому кануна Первой мировой войны фиксируется живой интерес видного представителя польского украинофильства к белорусско-литовскому «крайовству»⁹. Том текстов Липинского готовится к изданию в России в серии «Библиотека украинской мысли».

По инициативе Б.С. Шостаковича, начала издаваться «Польско-сибирская библиотека», в первом томе которой публикуются в переводе мемуары «польских сибиряков» первой половины XIX в.¹⁰. Переводы «Польско-сибирской библиотеки» провоцируют вопрос о правилах транслитерации польских имен. В целом, осязаемый интерес к польской теме во многих российских регионах служит хорошей почвой для издательских инициатив и кооперации ученых.

Вполне определилась необходимость более активного использования уже сделанного. Несомненная польза видится в обращении к изданным источникам, биографическим словарям, а также к наработкам в области архивной эвристики, археографии, организации исследований. Приходится констатировать, что при современном направлении научных интересов документальная серия по Январскому восстанию и «Зеленая серия» неоправданно мало востребованы в исследовательской практике. По-прежнему привлекательным представляется органичное соединение публикаторской и исследовательской работы. Целесообразно продолжить

подготовку справочных изданий самого разного назначения. Отчасти эта задача уже решена для Государственного архива Российской Федерации, ряд польских фондов которого после их открытия были описаны в изданиях, увидевших свет в Москве и Варшаве¹¹. Сказанное относится не только к учету рукописного наследия, но и к библиографиям. В частности, указателю мемуарной литературы и корреспонденции, издание которых активно развивается в обеих странах (попытку создания подобного указателя, к сожалению, не получившую завершения, предпринимала Х. Овсяны).

История науки тоже имеет свою источниковедческую составляющую. Лучшему усвоению накопленного опыта могли бы способствовать мемуары полонистов (историков и филологов). Не только издание, но и инициирование воспоминаний ученых издавна успешно осуществляется Институтом истории науки, просвещения и техники ПАН. Уже опубликованы воспоминания В.А. Дьякова, Виктории и Рене Сливовских¹².

Имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база по широко понимаемому российско-польскому пограничью XIX века позволяет разрабатывать весь спектр направлений, актуальных для современного гуманитарного знания. Меняющееся видение прошлого российско-польских отношений еще не подкреплено долгосрочной, всесторонне продуманной программой издания источников. Подобная практика имела место в социалистический период в рамках сотрудничества советских и польских историков. Сегодня по многим причинам необходимо обращение к истории и накопленному опыту нашего партнерства. Взвешенное решение требует вопрос о целесообразности перевода польских источников на русский язык и русских – на польский. На современном этапе нужны новые организационные формы сотрудничества и его материального обеспечения, например предоставление на конкурсной основе совместных грантов. На выявление, анализ и публикацию источников следует ориентировать студентов-старшекурсников, аспирантов, соединив источниковедческую и археографическую работу с подготовкой научных кадров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В.А. Дьякове подробнее см.: *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.

² Последнее по времени издание, подготовленное В. Сливовской и ее сотрудниками, – трехтомный дневник Ю. Сабиньского за 1839–1857 гг.: *Sabiński J.G.* Dziennik syberyjski. Warszawa, 2009. Т. 1–3.

³ Согласно оценке С. Калембки, на XIX столетие приходится стабильно высокая доля в общем объеме научной продукции по истории Польши.

⁴ *Горизонтов Л.Е.* Феномен Милютина–мемуариста. К завершению издания семитомных воспоминаний военного министра // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2008. № 1.

⁵ *Starynkiewicz S. Dziennik 1887–1897. Warszawa, 2005.*

⁶ *Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004.*

⁷ *Польская и русская душа. От Адама Мицкевича и Александра Пушкина до Чеслава Милоша и Александра Солженицына. Варшава, 2003.*

⁸ *Война женскими глазами: Русская и польская аристократки о польском восстании 1830–1831 годов. М., 2005.*

⁹ *Грушевський М. Листування. Київ; Нью-Йорк; Париж; Львів; Торонто, 2001. Т. 2. С. 280–281.*

¹⁰ *Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск, 2009.*

¹¹ *Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX вв. Путеводитель. М., 1994; Archiwalia polskiej proweniencji terytorialnej przechowywane w Państwowym Archiwum Federacji Rosyjskiej i Rosyjskim Państwowym Archiwum Wojskowym. Warszawa, 2000.*

¹² *Djakow W. Wspomnienia // Przegląd Wschodni. Warszawa, 1997. Т. 4. Nr. 4 (16); Śliwowsky Wiktoria i Rene. Rosja – nasza miłość. Warszawa, 2008.*

**«Голоса из народа»: стихи и песни как источник
изучения общественных настроений в Польше
XIX – начала XX века***

Исторические события отражались не только в хрониках летописцев и трудах историков. Они всегда находили отклик в творчестве – в стихах, песнях, драматических произведениях, в том числе в произведениях великих мастеров. Но реакцией на волновавшие людей события общественной жизни были и непосредственные комментарии окружающих – простых людей-современников. Причем нередко они выражали свои чувства, мысли, взгляды также в стихотворной форме. Зачастую имена авторов таких стихов и песен оставались неизвестными, но это было и не важно, ведь в этой непрофессиональной поэзии отражались не просто личная позиция одного человека, а взгляды определенной части общества. Поэтому такие свидетельства времени имеют значительную ценность как исторический источник.

Все это относилось и к богатой событиями польской истории XIX – начала XX веков. Для иллюстрации этого достаточно коснуться лишь нескольких моментов, привести отдельные примеры, когда на то или иное значимое событие в обществе появлялся отклик, облеченный в стихотворную форму. В частности, это касается периода существования конституционного Королевства Польского в 1815–1830 гг. О взаимоотношениях правительства и депутатов сейма, о происходившей в его стенах парламентской борьбе жители Королевства могли узнавать не только из прессы и официальных отчетов, но и непосредственно из зала заседания. Ведь в первые годы существования созданного по постановлению Венского конгресса Королевства заседания сейма были публичными, и каждый имел на них доступ. Свои впечатления наблюдатели выражали, не скупясь на эмоции, в частности и в поэтической форме. Так, например, Марцин Мольский с едкой иронией отозвался о рапорте Государственного Совета (Рады Стану) сейму в 1818 г., составленном сенатором Каэтаном Козьмяном¹.

«Твой рапорт в Сейме, как целебный пластырь,
Я восхищен твоим химическим умением:
Из извести ты сделал алебастр
Одним волшебным словоговореньем.
И этим ты принес нам облегченье,
Надежду, что наступит улучшение,
И край преобразится несказанно,
Коль будет в Раде множество Козьмянов»².

* Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ №10–01–00425а.

** Здесь и далее стихотворные тексты даны в переводе автора статьи.

Если автор этих стихов известен, то сатирическое стихотворение «Реформа» было плодом анонимного творчества². Оно отразило возмущение общества нововведениями правительства в области просвещения и культуры, когда под давлением клерикалов и консерваторов был ужесточен контроль за процессом обучения и преподавания в школах и в Варшавском университете. Ряд важных функций в области народного просвещения был передан тогда католической церкви и епископату. Прогрессивные начинания в образовательной сфере были отвергнуты реакционерами как в Комиссии (Министерстве) вероисповеданий и просвещения, так и на сейме. Поэтому безымянный автор стихотворения «Реформа» писал:

«В угол, Потоцкий! И Урсын туда же!
Как муху, прихлопнем Сташица даже!
Сам наместник трусит, боится,
Он ведь знает, что в крае творится.
Кто ненавидит свет и свободу,
Уж ополчились на них походом,
Шпики, фарисеи вмиг сговорились,
В тесном союзе они сплотились,
И мысль либеральная пострадала,
Две главные битвы она проиграла.
Так с просвещеньем судьба поступает,
Так сорняками поля зарастают...».

В стихотворении говорилось о том, что хотя поляки не пошли вслед за революционными событиями в Европе, но теперь люди из «тайной команды», «прислужники суеверия» «мажут краской якобинцев» «вернейших защитников трона»; план реформы они переписали с венгерского образца, и следующий их шаг – возрождение веры при помощи «сынов Лойолы» – иезуитов. Таким образом, в этом стихотворении не только обсуждался и осуждался конкретный факт – реакционная контрреформа народного просвещения, но поднимались и более общие вопросы о наступлении реакции в Европе, Российской империи и Королевстве Польском как ее части.

Наиболее остро эта тема раскрывалась в творчестве польской молодежи, и многочисленные образцы поэтических сочинений подобного рода обнаруживала и изымала полиция Королевства. В фондах Канцелярии сенатора Н.Н. Новосильцева и Тайной полиции великого князя Константина скопилась масса студенческих стихов и песен. Имена авторов некоторых из этих произведений были известны властям, но чаще фиксировалось имя того, у кого их обнаруживали. Так, у студента Домициана Мошиньского нашли стихи, посвященные «угольщикам» – итальянским карбонариям, его и посчитали их автором:

«Выпьем, когда нам выдастся время,
За карбонариев вольное племя!
Vivat тому, кто свободный сам,
Хочет добиться свободы рабам!
Угольщик честный — словно брат милый,
Ваша борьба тиранию сломила,
Верим, что так же повсюду, быть может,
В корне тиранов она уничтожит...
Уж человечество долго страдало,
Время пришло, чтоб свобода настала,
Призыв карбонарский к народам и странам —
Конец тирании! Смерть тиранам!».

Призыв разбить оковы был обращен к французам, британцам, немцам, но характерно, что к этим строкам делались конкретные приписки, призывавшие к оружию «мужественных поляков»³. Таким духом были проникнуты все стихи и песни, сочиненные молодыми людьми, входившими в общество буршей «Полония». Оно объединяло студенческую молодежь всех трех частей разделенной Польши. Вспоминая о том, что судьба их разделила, погрузила в траур и печаль, дала в удел слезы, обрекла на то, чтобы, «словно осиротелые птенцы», петь в одиночестве, бурши высказывали свое сокровенное желание:

«Вместе о матери-Польше скорбеть,
Тень ее вместе с небес призывать,
С братьями вместе над гробом рыдать,
Вместе лить слезы и песни петь»⁴.

Но этой пассивной позицией молодежь не намеревалась ограничиться: видя родину «лежащей в руинах», чувствуя, «как томит поляка в Польше стыд угнетательских оков», они просили у будущего «сил для отмщения»⁵. Провозглашая цель «восстановить свободу и справедливость», бурши заявляли:

«Защита отчизны рукою смелой
Да будет нашим почетным делом!»

Призывая вспомнить великих польских патриотов Тадеуша Костюшко и Юзефа Понятовского, они обещали так же твёрдо, «как в море скала», стоять за Польшу и клялись, что ради нее «не жаль жить в нужде, не жаль умереть»⁶. Молодежь обращалась к Матери-Родине:

«Мать, встань из гроба, на раны твои пусть упадет наш взор!
Усланный Леха костями покажи нам сибирский простор!»

Отчизна Пястов! Сбрось ярмо! Прерви свой тяжкий сон!
Страдания кончатся, только вынь свой ржавый меч из ножен!»⁷.

Так в стихах и песнях отражались и любовь к родине, и гордость за ее великое прошлое, и сочувствие ее страданиям, и ненависть к ее врагам, и готовность к борьбе за ее свободу. Последнее являлось лейтмотивом песен, и потому в них перекликались здравицы патриотам и проклятия изменникам национального дела. В песнях говорилось о вере в судьбу, но главной оставалась надежда на Божью помощь. Во все песенники включалась молитва, завершавшаяся просьбой вернуть полякам свободное отечество:

«Боже, Ты Польшу на много веков
Мощью и славою наделил
И вдруг возвысил ее рабов,
Её же защиты своей лишил.
Боже, единого слова прощенья,
Чтоб воскресить нас из праха, довольно,
Если же вновь совершим прегрешенья,
Сделай нас прахом, но прахом вольным!»⁸.

Тексты стихов и песен должен был хранить специально избранный член молодежного общества; когда и где можно их исполнять, решал его руководитель. Молодые люди понимали, какой заряд несет эта поэзия и музыка, а еще лучше это понимали власти. Сенатор Новосильцев видел в песнях «чистой воды карбонаризм», называл песенник, найденный у студента Хшановского, «поджигателем» и важнейшей уликой. Песни, утверждал он, это акция, в которой участвовало большое число людей, — те, кто пел и кто слушал; в песнях молодежь обнаружила враждебные намерения в отношении существующего порядка, они стали пропагандой ненависти против правительства; это первая ступень действия, которое перерастет в преступление. Поэтому Новосильцев требовал, чтобы все студенты, причастные к песеннику, предстали перед трибуналом⁹. В результате Хшановский и другие молодые люди были арестованы.

Песни и стихи и в дальнейшем выступали как выражение патриотизма и революционных устремлений поляков. Наиболее ярко это проявлялось в периоды революционного подъема. Так было, например, во время «Весны народов» 1848–1849 гг., когда царские войска выступили на подавление революционной Венгрии. Достаточно вспомнить первые слова одной из польских песен того времени, которые не требуют перевода: «Мадьяр, поляк — два братанка». А в начале 60-х гг. XIX в. в канун Январского восстания 1863 г. в Королевстве Польском развернулось мощное манифестационное движение, и в эти годы молитвы и патриотические песни стали одной из главных его примет.

Но проявления активного творчества масс имели место не только в революционной обстановке. Они сопровождали политическую борьбу, происходившую внутри польского национально-освободительного движения, и, в частности, идейные баталии, развернувшиеся в 1830–1850-х гг. между различными течениями польской политической эмиграции. Так, в конце 50-х – начале 60-х гг. разгорелась острая дискуссия о путях достижения независимости Польши. 29 ноября 1858 г., в годовщину Ноябрьского восстания 1830 г. в Королевстве Польском, генерал Людвик Мерославский выступил с речью, обращенной главным образом к молодежи, призывая ее к вооруженной борьбе за свободу родины. Он громил предателей и изменников, резко критиковал теорию «органической работы», которую проповедовал Отель Лямбер – аристократическая партия Чарторыских, стоявшая на консервативных позициях. Ответом Отеля Лямбер явилась статья известного публициста Юлиана Клячко «Нерыцарский катехизис», где он обвинил генерала в разжигании междоусобной войны, в том, что тот в своем «гайдамацком, разбойничьем, богохульном катехизисе» призывает молодежь к резне шляхты. Мерославский отреагировал на это новой статьей «Ответ на “Нерыцарский катехизис”» и победил в этой словесной дуэли с Ю. Клячко: молодежь его поддержала. Разгоревшаяся полемика привлекла внимание всей политической эмиграции и общественности польских земель. По поводу ее Антоний Горецкий написал сатирическое четверостишие, которое стало широко известным:

«В аду не жарят уж, к нам вести поступают,
Изобрели для душ там новое мученье:
С утра до вечера читать их заставляют
Речь Мерославского и Клячки возраженья»¹⁰.

С поражением восстания 1863–1864 гг. завершился шляхетский этап польского национально-освободительного движения. На арену борьбы вышли пролетариат и крестьянство Польши, уровень их национального и классового сознания стал более высоким, что выразилось в активном участии их в национальном движении и в выступлениях с классовыми требованиями. Одним из важных исторических периодов, когда в Польше наиболее ярко проявились эти новые черты, стала революция 1905–1907 гг. в Российской империи. В частности, в Королевстве Польском очень активно выступило крестьянство. Факт роста самосознания крестьян и сами реалии их борьбы нашли отражение в крестьянской поэзии начала XX в. Стихи публиковала пресса Крестьянского союза, Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, Польской социалистической партии. Авторы стихов подчеркивали наличие острого классового конфликта в польской деревне, противостояния крестьян и помещиков.

Об этом говорило стихотворение крестьянина из-под Мехова, помещенное в газете «Севба» в разгар революции, в момент наивысшего подъема крестьянского движения:

«Шумно, людно в доме пана,
Поздно ночью, утром рано
Крики, стекол звон,
А поодаль в хатах грязных,
Закопченных, безобразных
Слышен тяжкий стон.
Стонут те, кто всех питает,
Спину весь свой век сгибает,
Рыцари труда,
Те, что пашут, жнут и сеют
До седин, но не имеют
Хлеба никогда,
Те, чьи руки твёрды, чёрны,
Чье чело в труде упорном
Орошает пот.
А за труд и за терпенье
Плата – голод и презренье,
Вот обильный плод!
Стонет то народ несчастный,
День и ночь он шлет напрасно
К небесам свой крик.
Каждый зло на нём срывает,
Жизнь и силы выпивает,
Это ведь мужик!
Ой, крестьянин! Брат мой милый!
Мрак в избе твоей унылой,
Хата, словно гроб.
Там убранство дорогое,
Серебром блестят покои,
Ты ж трудись, холоп!
Слышишь, звон идет хрустальный?
Ты же музыке кандалной
Лишь внимать привык.
Встань, разбей свои оковы!
Песня вольности суровой
Пусть заменит крик!»¹¹.

Здесь звучали не только горечь и отчаяние, но и ненависть, и решимость бороться. В этой борьбе крестьяне видели союзников – городских рабочих и сельских батраков. К последним было обращено стихотворе-

ние, напечатанное органом социалистов газетой «Роботник» еще в 1901 г., в преддверии революционных событий:

«Вы, кто трудится на земле,
Потом кровавым её поливая,
Рядом хозяин в богатстве, в тепле,
Вы же в нужде, без тепла, голодая,
Видите вы, как хлеба хороши,
Те, что посеяли руки ваши, —
Хлеб заберет, кто не сеет, не пашет,
Вам за работу дадут гроши.
Думаешь, брат, что спасенье в труде,
Видишь одну лишь унылую пашню,
Кроме нее, ничего и нигде,
Разве что главку костельной башни,
Церковь ведь мать, что питает твой дух,
В храм ты стремишься от жизни унылой,
Там нежный голос ласкает слух:
Чадо, молись и трудись, что есть силы!

Сил не жалея, на пана трудись,
Ну а когда истекут твои силы,
Будет наградой за горькую жизнь
Смерть под забором, сырая могила.
Встань, земледелец! Проснись для борьбы!
Хватит кровавый лить пот от натуги!
Время нам в руки взять нити судьбы!
Время в мечи перековывать плуги!
Время свободно и радостно жить,
Вырвав в борьбе себе лучшую долю!
Поле борьбы перед нами лежит,
Вместе там бьются за счастье и волю
Парень фабричный и сельский батрак,
Польша рабочая вышла на сцену!
Сгинут нужда, угнетенье и мрак!
Новая жизнь им приходит на смену!»¹².

О классовом расслоении в польской деревне свидетельствовало не только описание в стихах жизни батраков и безземельных крестьян. Крестьянские поэты выступали в печати с обличением сельской зажиточной верхушки. Это говорило о том, что, наряду с ненавистью и недоверием к панам, в крестьянской среде зарождалось и сознание враждебности кулачеству. Конфликт возникал как на почве экономической эксплуатации крестьян кулаками, так и на почве политической. В эти

годы разворачивалась кампания по выборам в Российскую Государственную Думу, и крестьяне боролись за избрание подлинно народных представителей, которые бы отстаивали их интересы. Ранее избранные от крестьян депутаты Наконечный, Мантерыс и другие, как считали крестьяне, «по-господски судили о крестьянских делах». В Думе они входили в буржуазно-помещичью фракцию – Польское коло и поддерживали его политику. Поэтому обращенные к ним стихи, которые социал-демократическая газета «Червоный штандар» перепечатала из журнала «Бич», носили характер гневной сатиры, что прочитывалось уже в самом заголовке-обращении:

«Мантерысу и другим “господам-крестьянам”»

«Буржуи вы, а не крестьяне,
Вас наша доля не гнетёт,
У вас земля и звон в кармане,
Отсюда разница идет.
Не говорят вам: «Хамы, хлопы!»
Помещик вашу кровь не пьет,
Чужды вам наши боль и ропот,
Ведь по земле раздел идет.
У шляхты лижете вы ноги,
Хоть шляхта – вечный враг крестьян.
Вам чужды горе и тревоги:
У вас не будет пуст карман.
Забыли, видно, ваши души,
Как сладки панские бичи,
Заботы наши вас не сушат,
На вас не крикнут: «Скот, молчи!»
Играйте ж роль лакеев панских
И в Думе корчите господ!
Чужда вам боль сердец крестьянских,
Не в вас стреляют, а в народ»¹³.

Таким образом, все главные процессы, происходившие в польской деревне в это время, все главные противоречия, позиции различных сил, участвовавших в революции, находили отражение в этой незамысловатой, искренней поэзии, что еще раз свидетельствует о возможности и необходимости использования исследователями в своей работе такого рода источников.

Наряду с представленными отдельными примерами, можно было бы привести и другие подобные источники, причем касающиеся как разных периодов в истории Польши, так и различных ее аспектов. Такие источники имеют некоторые общие черты. Это особый взгляд на дей-

ствительность: здесь нет правильных терминов, четких формулировок и зачастую информацию о реалиях нужно угадывать, извлекать из художественных образов. Общей чертой является также эмоциональность: пафос, восторженность и гнев, ирония и язвительность — все это дает адекватное представление о настроении, об атмосфере и потому делает такого рода источники особенно ценными. Очень полезной была бы их публикация — сквозная подборка по той или иной тематике либо комплексный подбор для характеристики определенного исторического периода. К тому же в ряде случаев уже имеются компактные коллекции таких источников. Один из примеров подобных коллекций был как раз представлен выше: песенники польской молодежи, заботливо собранные царской «охранкой», сами просятся быть изданными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Wyjątki z piśm M. Molskiego. Warszawa, 1858. S. 210–211.

² Archiwum Główny Akt Dawnych (далее AGAD). Kancelaria senatora Nowosilcewa (далее KSN). 579. K. 61–63.

³ AGAD. KSN. 532. K. 27.

⁴ AGAD. KSN. 564. K. 175–176.

⁵ Ibid. K. 181.

⁶ Ibid. K. 53–54, 166.

⁷ Ibid. K. 193.

⁸ Ibid. K. 172.

⁹ AGAD. KSN. 565. K. 443–444, 608.

¹⁰ Miłkowski Z. Od kołębki przez życie. Kraków, 1936–1937. T. 2. S. 250–251.

¹¹ Siewba. 17. V.1907.

¹² Robotnik. 26. VI.1901.

¹³ Czerwony sztandar. 19. VI.1906.

**О пользе публикации фотографий XIX века.
(Замечания в связи с новой литературой
о фотографии как историческом источнике)**

Обращаясь к теме издания исторических источников, мы хотели бы рассмотреть круг проблем, связанных с публикацией фотографий прошедших эпох, ставших уже в силу указанного обстоятельства памятниками истории, с одной стороны, и историческими источниками – с другой. Говоря о фотографии как историческом источнике, следует ответить на вопрос, в какой степени фотографии соответствуют этому определению, какова ситуация с изданием фотографических источников XIX в. в Польше, стоит ли издавать фотографии, и если да, то какие конкретно и каким образом, а также какую роль в этом случае в их издании должен играть историк. Этот вопрос обоснован также и потому, что существующие правила публикации источников относятся только к письменным источникам и практически не разработаны применительно к источникам изобразительным, в том числе и к фотографиям.

Одним из важнейших критериев выбора источника для издания (имеется в виду издание исключительно в научных, а не в коммерческих целях, или для его популяризации) является информационная ценность источника и возможность использования его для исследований, причем, чем большего количества областей науки касается информация, содержащаяся в данном источнике, тем лучше. Конечно, историки нередко по разным причинам прибегают к публикации источников, которые не привносят ничего нового в историческую науку, но для читателя неисторика имеют познавательную, эмоциональную (притягательность аутентичности) или литературную ценность. В особенности это касается мемуаров, в меньшей степени писем. К таким источникам относится фотография, о чем свидетельствуют все чаще организуемые выставки и издание альбомов. Фотография сейчас вызывает большой интерес, является, условно говоря, модной.

Значение фотографии как исторического источника уже давно оценили исследователи истории XIX века, но больше на словах, чем на деле. Еще со времени ее возникновения не раз звучали соответствующие предвидения ученых, укажем хотя бы на работу Богуслава Матушевского. Первые высказанные польской научной общественностью суждения о возможности использования фотографий в научном исследовании стали результатом работы архивистов после Второй мировой войны, работы, направленной на определение принципов сбора и обработки источников в архивах Польши. Именно тогда встал вопрос, что делать с фотографиями, которые находили в вещах умерших, в архивах шляхетских усадеб, в документах различных учреждений, например полицейского ведомства. Было признано, что фотография содержит много ценной информации,

которая в силу своей специфики отсутствует в традиционных письменных источниках, однако она имеет вспомогательный характер, и поэтому играет второстепенную роль как источник исторического исследования. Вместе с тем, фотографии были признаны настолько значимыми, чтобы и дальше сохранять их в архивах и пополнять ими архивные фонды¹. В очередной раз на фотографию как на важный исторический источник обратили внимание в связи с огромным успехом выставки фотографии рабочих и крестьян, которая состоялась в 1985 г. в Варшаве в галерее «Захента»². Последние четверть века польские историки со все большим интересом обращались к фотографии как к историческому источнику, проявляя осознание ее познавательной ценности для изучения истории XIX века³.

Фотография вошла (и надо полагать, прочно) в канон источников, преподаваемых в университетском курсе вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения XIX и XX в. под влиянием учебника Ирениуша Игнатовича⁴. Однако это не отменяет того факта, что по-прежнему в большинстве случаев фотографии используются историками в иллюстративных целях, и единственный положительный момент в этом — это издание еще не опубликованных фотографий. Разумеется, фотография широко используется в работах по истории материальной культуры, быта и нравов, искусства костюма, в изучении различного рода артефактов и т. п., а также в реконструкции и реставрации памятников архитектуры.

Естественно возникает вопрос, не опровергает ли такое ограниченное использование фотографической документации на практике и отсутствие крупных работ (разумеется, я не имею в виду исследований по самой истории фотографии на польских землях⁵) выдвинутого тезиса о большой ценности этого источника, который на самом деле проигрывает в сравнении с другими. Следует также признать, что польская фотография XIX века в сравнении с современными ей работами фотографов наиболее развитых европейских стран и США значительно более скромная по своему техническому уровню, тематическому и жанровому разнообразию. Она ограничивается главным образом портретной фотографией в отличие, например, от западноевропейской или американской фотографии, в которой уже в то время получили существенное развитие жанр фоторепортажа и другие виды журналистских фоторабот. Наиболее яркий пример такого различия — это контраст между богатым фотографическим материалом с Крымской войны или Гражданской войны в США, с одной стороны, и крайне скудной с этой точки зрения фотографической документацией восстания 1863 года — с другой, от которого практически не осталось фотографий с мест боёв.

Не стоит забывать, что причина относительно редкого обращения историков к фотографии как к историческому источнику кроется и в проблемах эвристического характера, в частности, в связи с определением аутентичности, достоверности имеющегося в распоряжении историка материала (известно, каким манипуляция подвергалась фотография с само-

го момента ее появления), или же вследствие недостатка необходимой информации, получение которой весьма затруднено и требует дополнительного кропотливого исследования, а чаще всего такая информация просто отсутствует. Наконец, ограниченность применения фотографии в качестве источника обусловлена преобладанием тем исследований, для которых мы располагаем лучшими источниками, поскольку само определение ценности источника — это функция темы исследования, она связана с поставленной задачей исследования. Через призму этой задачи оценивается и содержащаяся в источнике информация, способ ее извлечения, а также методика критики источника.

Касающаяся фотографии литература, которая в последнее время введена в научный оборот в Польше, кажется, помогает преодолеть некоторые из перечисленных препятствий и открывает, по нашему мнению, новые перспективы использования фотографии в научных исследованиях. Это становится непростой задачей для историка-редактора. Относительно данной темы хотелось бы заметить, что, во-первых, в последнее время наблюдается значительный прогресс в знании об истории фотографии на польских землях. Статьи, предисловия к каталогам выставок, каталоги коллекций, а также монографии открывают перед историком ранее неизвестные фотографии, дают представление о не изученных до сих пор функциях фотографии в общественной жизни, а также полнее раскрывают возможности ее использования, позволяют увидеть новые области исследования. Вводимые в научный оборот фотографические материалы, несомненно, обогащают наши знания о прошлом (открывают, дополняют, корректируют, подтверждают, удостоверяют наши представления, сформированные на основе письменных источников), а также способствуют усовершенствованию самого инструментария историка. В качестве примера можно указать на источниковедческую ценность ставшей уже классической монографии Ванды Моссаковской о фотоработах Валерия Жевуского, известного, прежде всего, как фотограф восстания 1863 года⁶. Среди аналогичных новейших публикаций можно назвать замечательный каталог фотографий повстанцев 1863 года в собраниях Оссолинеума во Вроцлаве, составленный Лешком Махником⁷. Она может служить образцом безукоризненно подготовленного издания исторического источника.

Большой интерес представляют изданные в последние годы монографии, в которых фотография анализируется с антропологической или социологической точки зрения. Написанные социологами, этнографами, культурологами, историками искусства, они могут рассматриваться как работы в области социологии или антропологии фотографии⁸. Эти работы также принадлежат к исследованиям по истории фотографии, однако, в отличие от предшествующих трудов, в которых главное внимание было направлено на развитие техники и технологии фотографии⁹, на изучение творчества отдельных мастеров, в новых исследованиях на первый план выходят проблемы функции фотографии, оценки ее достоверности, т.е. степени отражения по-

средством фотографии явлений исторического прошлого. В указанных книгах видная роль принадлежит размышлениям о поставленной многими исследователями проблеме документальности фотографии и достоверности запечатленных в ней социальных отношений, размышлениям о взаимоотношениях фотографии как формы отражения исторической реальности и вида искусства с властью, идеологией, массовой культурой¹⁰. Часто эти вопросы открывают новые перспективы исследования по истории XIX века, особенно сейчас, когда заметен большой интерес, особенно младшего поколения историков, к разным субдисциплинам социальной истории, в том числе к исследованиям, которые требуют поиска новых источников (или нового взгляда на уже существующие источники).

Появление новых полей исследования и расширение круга изучаемых проблем переносят внимание исследователя с запечатленного на фотографии объекта, с анализа того, что мы можем на ней увидеть, на функцию и роль фотографии (например, в моделировании памяти), на ее функционирование в обществе, то есть на само общество. Исследование идеологического аспекта фотографии (использование ее в качестве инструмента социального контроля) требуют другого метода исследования (например, исследование сферы распространения фотографии, того, как оценивают зрители её правдивость и достоверность, насколько они осознают возможности фальсификации изображения, возможно также исследования восприятия изображения)¹¹.

Однако в центре нашего внимания остается, прежде всего, значения фотографии как исторического источника, которое все более возрастает, что стало следствием роста значения фотографии как средства передачи информации. Это в свою очередь диктует насущную необходимость развития публикаций этого вида источников для более широкого введения их в научный оборот. Качественная публикация источника, включающая в себя убедительную мотивацию выбора именно данного источника, обеспечивающая полноту охвата заявленной темы, снабженная соответствующими комментариями, составленными на современном научном уровне, безусловно, расширяет и облегчит как доступ к источнику, так и его использование.

Польза от подготовленной в соответствии с требованиями научной источниковедческой критики публикации фотографических источников весьма велика. Остановимся на двух аспектах. Во-первых, хотелось бы подчеркнуть роль самого поиска. Чтобы выявить все фотографии (по заданному критерию), требуется много часов кропотливого труда. Польские фотографические источники, особенно XIX в., рассеяны по архивам, библиотекам, музеям, различным центрам документации. В формировании этих разнообразных фондов сыграли свою роль самые разнообразные, зачастую случайные обстоятельства, по этому не может быть и речи о какой-либо системе или о каких-то правилах их размещения, хотя существуют нормативные акты, определяющие место хранения документов в зависимости от того, с какой темой или регионом они связаны¹². Каждое из

упомянутых учреждений по-своему, исходя из собственных потребностей, классифицирует, систематизирует и описывает хранящиеся фотоматериалы, а предпринимавшиеся попытки собрать воедино информацию об имеющихся фондах, не вышли за рамки нескольких архивов и касаются только части их собраний¹³. Кроме того, очевидно, что огромное количество неизвестных фотографий хранится у частных лиц. Насколько такие семейные коллекции могут быть ценными, свидетельствуют выставки фотографий рабочих, крестьян, интеллигенции в «Захенте», материал для которых отбирался по конкурсу¹⁴. Такого рода методика выбора фотографий для публикации (в рамках заранее определенной темы, например, фотографии периода восстания 1863 года или революции 1905 года) избавляет составителей от трудоемких поисков и зачастую приводит к открытию неизвестных фотографий, давая исследователю ценный материал.

Но поиск фотографий — это только начало работы. Второй важный аспект связан с тем, что перед публикацией фотографического источника издатель обязан проверить его аутентичность (рассматривая в совокупности фотографию и подпись), а также обстоятельства ее появления, которые следует рассматривать широко, принимая во внимание технический анализ и сравнение с подписью, соотнесение с реалиями того времени. Результатом этой работы может быть как подтверждение аутентичности, описанное во вступлении или в комментариях под каждой отдельной фотографией, так и открытые исследователем фальсификации, установление (или корректировка) времени и авторства фотографии. Каждый студент из курса источниковедения знает, что фотографирование и изготовление фотографий представляет собой технологический процесс (выбора композиции, экспонирования, использования различных приемов проявки и печати, в частности — фотомонтажа и ретуши). На различных этапах, с различными целями и различными способами можно было производить разные манипуляции. И после получения фотографии на нее нередко наносились надписи, она подвергалась и другим видам воздействия, влиявшим на ее содержание и художественное оформление, что влекло за собой определенную трансформацию аутентичности. В совокупности отмеченные процессы и действия могли повлечь за собой в определенной степени фальсификацию, казалось бы, самого достоверного отражения реальности. Однако само осознание этого и способность провести соответствующую экспертизу подлинности фотографии — это две разные вещи.

О значении отмеченной проблемы дает представление проведенная Лешеком Махником работа по подготовке каталога фотографий повстанцев 1863 года, о которой упоминалось ранее. Её уровень позволяет считать этот каталог образцовым изданием фотографических источников. Начатое дело следует продолжить и опубликовать все имеющиеся в различных государственных собраниях фотографии повстанцев. Интересно было бы использовать в таком издании российские источники. Нам практически ничего не известно о том, как выглядело польское восстание 1863 года в работах российских фотографов и имеются ли вообще такого

рода фотографии в российских собраниях.

Говоря об описанных в каталоге работах польских фотографов, следует указать, что Махник во многих случаях уточнил (или установил) дату, авторство и обстоятельства создания фотографий, а также личности людей, которые на них представлены. Это работа сама по себе имеет большое значение и познавательную ценность для дальнейших исследований, на которую мы хотели бы обратить особое внимание. Чтобы ее проиллюстрировать, обратимся к широко известным среди исследователей XIX века примерам. В зале гравюр вроцлавского Оссолинеума находится известная по репродукциям в книгах фотография ксендза Антония Мацкевича, о чем свидетельствовала подпись на фирменной бумаге фотоателье. Однако в процессе работы над каталогом выяснилось, что на фотографии запечатлен другой человек¹⁵. В данном случае мы имеем дело с примером «замещающих» фотографий. Их бытование было обусловлено общественными потребностями, стремлением людей по разным причинам иметь в семейном собрании фотопортреты выдающихся деятелей, которые являются ответом на запрос общества на фотографию конкретной личности. Изготовитель «замещающих» фотографий Мацкевича, не располагая подлинным фотопортретом известного предводителя литовских повстанцев, фальсифицировал его, используя с этой целью фотографию другого лица в рясе священника, выдав его за ксендза Мацкевича. Мы не знаем точно, сколько подобного рода фальсификаций оказалось в научном обороте. В данном же случае это важное открытие не только позволяет установить, как в действительности выглядел тот или иной человек и в каких случаях атрибуция изображения не соответствует действительности, но и дает новую информацию, которая переносит нас в несколько другую область исследования. В данном случае встает вопрос об источнике социального запроса на изображение героев и о социальном значении такого запроса.

Второй пример касается фотографии, сделанной в фотоателье известного фотографа Кароля Бера. На ней запечатлены 14 членов делегации Варшавы, в том числе и самого Бера, бывшего ее членом с 1861 года. Принадлежность представленных на фотографии лиц к делегации установлена и не вызывает сомнения. Однако они никогда все вместе не сидели напротив фотографа, а изготовленная групповая фотография является фотомонтажом¹⁶. Известно, что эта фотография массово (в меру технических возможностей того времени) перепечатывалась и распространялась, так же как многие другие фотографии периода манифестаций, начиная с посмертной фотографии жены генерала Совиньского. Наиболее широкое хождение в обществе получили разнообразные фотографии пяти погибших, убитых во время патриотической манифестации 24 февраля 1861 г. Подобные фотографии распространялись в целях патриотической пропаганды. Открытие факта фотомонтажа фотографии городской делегации подтверждает, что данного типа фотографии создавались для того, чтобы пробудить определенные настроения и мобилизовать общество к активным действиям. Примером такой осознанной деятельности являются фотогра-

фии, изготовленные в ателье Кароля Бера¹⁷. Другим примером, описанным Моссаковской, были инсценированные во двореке дома фотографа Валерия Жевуского эпизоды якобы из «полевой жизни» зуавов.

Благодаря историческим исследованиям мы знаем, что часто участники восстания 1863 года прежде, чем присоединиться к повстанцам, отправлялись к фотографу. В результате мы имеем сотни (а может быть и тысячи) портретных фотографий, сделанных в фотоателье, на которых мы можем распознать повстанцев по элементам одежды (в немногочисленных случаях это мундир, куртка, шапка) и по оружию. Сравнение этих фотографий показывает, что зачастую одежда и оружие были реквизитами, которые те, кто фотографировался, получали в фотоателье (например, у Валерия Жевуского)¹⁸. Отсутствие достаточной информации об обстоятельствах создания той или иной фотографии может привести к неправильным выводам, хотя это и не отрицает их познавательной ценности как свидетельства общественных настроений эпохи и значения как памятника культуры. Аксессуары, которые использовал фотограф, призваны были сделать ситуацию более правдоподобной¹⁹. Хотелось бы также обратить внимание на то, что информация об обычае фотографироваться придает новый смысл фотографированию бывших, настоящих и будущих повстанцев и дает представление современному читателю о роли этих фотографий в общественном сознании.

Разумеется, приведенные примеры не идут ни в какое сравнение с масштабами фальсификаций фотоматериалов и по их воздействию на настроения общества в XX веке²⁰. К упомянутым случаям мы обратились, чтобы подчеркнуть значение исследований аутентичности фотографий как источников по истории XIX века. Работа над их изданием открывает для нас новые данные, возможность оценить масштаб и значение искусства фотографии и фотографии в целом как исключительного по своему значению явления культуры. Это очевидная истина стала азбучной для историка. Стоит, однако, обратить внимание на то, что эти постулаты не всегда соблюдаются, потому что мы либо слишком доверяем какому-то виду источников либо исследование требует слишком большого количества времени и определенных специальных знаний. Так обстоит дело с фотографией. Оценка аутентичности фотографии не так проста, как кажется, требует технических знаний в данной области, а также кропотливых поисков и сравнений. Историк может выступать в роли координатора, соавтора в такого рода исследованиях, сотрудничая с музейными работниками, библиотекарями, архивистами, профессионалами в области производства и хранения кино- и фотоматериалов.

Всё вышесказанное подтверждает, насколько важны для историка качественные издания фотографий, которые потом служат многим исследователям, помогая избежать ошибок и открывая новые перспективы для исследования. Заявления историка о необходимости идентифицировать фотографии, подвергать их критическому внешнему и внутреннему анализу и описанию подтверждает значимость предпринимаемых усилий и

позволяет сохранить высокий стандарт. То, как именно должно выглядеть описание в критически подготовленных изданиях фотографических источников является отдельной и самостоятельной темой. Нам представляется, что стандарт, обязательный для отделов, занимающихся сбором фотографий и представленный в каталоге Махника, вполне приемлем. Конечно, нельзя ожидать этого (да и нет такой необходимости) от всех изданий альбомов (стандарт должен соответствовать и цели издания).

В заключение хотелось бы высказать замечание технического характера, касающееся формы издания. Издание фотографий нашло важного союзника — новые цифровые и передовые полиграфические технологии, возможности которых используются в гораздо большей степени, чем при издании письменных источников. Издаётся уже только электронная версия (или как часть издания, в сочетании с напечатанной книгой). Издание каталогов фотографий в электронном виде позволяет — благодаря возможности увеличить нужный фрагмент — увидеть детали, незаметные тогда, когда мы смотрим на фотографию невооружённым взглядом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Nowicki R.* Kilka uwag o materiałach archiwalnych powstałych sposobem mechanicznym // *Archeion.* 1959. T. 31. S. 3–9; *Zbiory fotograficzne w Polsce / oprac. J. Boniecki.* Warszawa, 1987. S. 5–21; *Kubiczek B.* Z problematyki gromadzenia dokumentacji audiowizualnej w Polsce // *Archeion.* 1981. T. 72. S. 51–66. Проанализированные в данной статье принципы формирования архивных фондов и коллекций фотоматериалов и ссылки на специальную литературу предмета служат убедительным обоснованием познавательной ценности фотографии.

² *Molenda J.* Fotografia chłopska jako źródło historyczne // *Nowa Wieś.* 1985. Numer specjalny. Katalog wystawy: Fotografia chłopów polskich. S. 14.

³ См. напр.: *Młynarski R.* Kilka uwag o fotografii jako źródle historycznym // *Muzea Walki.* 1984. T. 17. S. 25–37; *Mędrzecki W.* Fotografia chłopska jako źródło do dziejów rodziny chłopskiej w Królestwie Polskim na przełomie XIX i XX wieku // *Spółczeństwo polskie XIX i XX wieku.* Warszawa, 1991. T. 9. S. 377–395; *Niklewska J.* Fotografia jako źródło historyczne do poznania stanu materialnego mieszkańców Warszawy II połowy XIX wieku // *Nędza i dostatek na ziemiach polskich od średniowiecza po wiek XX.* Warszawa, 1992.

⁴ *Ihnatowicz I.* Nauki pomocnicze historii XIX i XX wieku, Warszawa, 1990. S. 68–77. (Rozdział: Dokumentacja foto- i fonograficzna).

⁵ См. напр.: *Plaźewski I.* Historia polskiej fotografii. Warszawa, 1972; *Garztecki J.* Mistrz zapomniany. O Michale Greimie z Kamieńca. Kraków, 1972; *Czartoryska U.* Przygody plastyczne fotografii. Wyd. 2. Gdańsk, 2002; *Koziński J.* Fotografia krakowska w latach 1840–1914. Zarys historii. Kraków, 1978; *Plater-Zyberk B.* Spojrzenia na Wilno. Fotografia wileńska 1839–1939; Warszawa, 1999; *Żdźarski W.* Historia fotografii warszawskiej, Warszawa, 1974; *Mossakowska W.* Początki fotografii w Warszawie

[1839–1863]. Warszawa, 1994 Т 1; Dagerotypy w zbiorach polskich. Katalog. Warszawa, 1989; а также многие другие работы.

⁶ *Mossakowska W.* Walery Rzewuski (1837–1888) fotograf. Studium warsztatu i twórczości, Wrocław etc., 1981.

⁷ Fotografie powstańców styczniowych w zbiorach Gabinetu Grafiki Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich. Katalog / oprac. L. Machnik. Wrocław, 2002.

⁸ *Sobota A.* Szlachetność techniki. Artystyczne dylematy fotografii w XIX i XX wieku, Warszawa, 2001; *Ferenc T.* Fotografia. Dyletanci, amatorzy i artyści. Łódź, 2004; *Sikora S.* Fotografia między dokumentem a symbolem. Izabelin, 2004; *Bartuszek J.* Między reprezentacją a «martwym papierem». Znaczenie chłopskiej fotografii rodzinnej. Warszawa, 2005.

⁹ Техническая сторона развития фотографии также имеет существенное значение для историка, поскольку тематика фотографии в немалой мере зависела от ее технических возможностей.

¹⁰ Часть классических трудов по фотографии (таких как работы Сюзан Зонтаг, Вальтера Бенджамина, Рональда Барта) были переведены на польский язык ранее.

¹¹ Помимо прочего, изучение восприятия фотографии в обществе обусловлено убеждением людей в правдивости фотографии как достоверного фотодокумента. В некоторых опубликованных на Западе исследованиях по истории фотографии это мнение применительно к общественности XIX в. подвергается сомнению, однако, современные социологические исследования показывают, что, несмотря на общеизвестные возможности манипулирования фотографией, люди все же относятся к ней с доверием. Это обуславливает эффективность воздействия на общественное сознание и на мнения отдельных людей информации, распространяемой посредством фотографии. Ср.: *Ferenc T.* Op cit. S. 15.

¹² Примером попытки своего рода систематизации может послужить официальное решение о создании Архива механической документации.

¹³ Ср. цикл статей «Fotografika 1978–1982» в кн.: *Zbiory fotograficzne w Polsce; Skamandryci w foto i fonografii. Przewodnik dla bibliotekarza.* Warszawa, 1999. В последнее время это связано с надеждами, что Национальный цифровой архив (именовавшийся прежде Архивом механической документации), осуществляющий работу по созданию базы данных под условным названием «Зося», сведет информацию воедино.

¹⁴ См.: *Fotografia chłopska / oprac. A. Garlicka.* Warszawa, 1982.

¹⁵ *Fotografie powstańców styczniowych...* S. 7, 224.

¹⁶ *Mossakowska W.* Karol Beyer (1818–1877) jako fotograf // *Materiały z sesji naukowej poświęconej Karolowi Beyerowi: Działalność patriotyczna.* Warszawa, 1987. S. 116 (przyp. 70).

¹⁷ См.: *Materiały z sesji naukowej poświęconej Karolowi Beyerowi...; Udział Karola Beyera w manifestacjach narodowych i powstaniu styczniowym // Ze Skarbca Kultury. Biuletyn Informacyjny Zakładu Narodowego im. Ossolińskich.* Z. 46.

¹⁸ *Mossakowska W.* Op. cit.

¹⁹ Об использовании фотографий в исследованиях по истории обмундирования и оружия см.: *Fotografie powstańców styczniowych...* S. 17.

²⁰ *Jaubert A.* Le Commissariat aux Archives. Paris, 1986.

Российско-польское сотрудничество в издании «катынских документов»

Издание источников о катынском злодеянии сталинского режима было предпринято в соответствии с соглашением между Генеральной дирекцией государственных архивов Польши и Федеральной архивной службы России от 27 апреля 1992 г., заключенном по инициативе президентов Российской Федерации и Польской Республики. Российские и польские историки и архивисты разработали план-проспект четырехтомника «Катынь. Документы», а также памятку о принципах археографической подготовки издания. Начатая тогда работа увенчалась выходом в свет первой научной публикации материалов, всесторонне и полно освещающих судьбу польских военнопленных с момента их пленения Красной Армией в сентябре 1939 г. и вплоть до наших дней, когда состоялось торжественное открытие мемориальных кладбищ в Харькове, Катыни и Медном в июне–сентябре 2000 г.

В подготовке издания приняли участие: с российской стороны – Федеральное архивное агентство (Росархив), Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт военной истории Министерства обороны, Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ); с польской стороны – Генеральная дирекция государственных архивов Польши. К настоящему времени подготовлены и опубликованы семь томов документов – четыре на польском языке¹, два на русском² и один на английском³. Ответственными составителями всех томов, авторами предисловий и комментариев были Войцех Матерский и автор этой статьи.

Выявление документов в российских архивах и отбор их для публикации проводились с участием архивов Российской Федерации – Российского государственного архива новейшей истории (РГНИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Архива Президента и ЦА ФСБ, а также Центра хранения историко-документальных коллекций, ныне вошедшего в состав РГВА. Именно фонды названного Центра легли в основу первых трех томов издания. Среди них особое значение имели: Ф. 1 (Центральный аппарат УПВ НКВД СССР), насчитывающий более 9 тыс. единиц хранения, и Ф. 3 (Политотдел УПВ) представляли наибольший интерес.

Помимо этих материалов были также тщательно исследованы фонды ряда других архивов. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, бывшем Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории, РЦХИДНИ) были изучены документы ЦК ВКП(б), в том числе Особые папки Политбюро, документы Коминтерна, И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.А. Жданова и др.

В ГА РФе – Совета народных комиссаров (СНК) СССР, Наркомата внутренних дел (НКВД), его отделов и управлений; Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК), Нюрнбергского процесса, Прокуратуры и др. В РГВА – Главного управления и частей конвойных войск, коллекций материалов «Поход в Западную Украину» и «Поход в Западную Белоруссию». В Архиве внешней политики России (АВП РФ) – секретариата наркома и отделов НКВД. Сотрудники РГАНИ выявили важные материалы в фондах ЦК КПСС и др.; Архива Президента РФ – в фондах Политбюро ЦК ВКП(б) и И.В. Сталина; Центрального архива ФСБ РФ – НКВД СССР и НКГБ СССР. Центральный архив Министерства обороны (ЦА МО) предоставил составителям уникальный документ, подписанный наркомом обороны К.Е. Ворошиловым и начальником Генштаба Красной Армии Б.М. Шапошниковым от 9 сентября 1939 г., в котором приказывалось войскам Киевского особого военного округа в ночь с 12 на 13 сентября перейти границу с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника⁴.

Из десятков тысяч выявленных документов были отобраны для публикации и включены в тома около 900 документов; несколько тысяч документов использованы в комментариях. Критерием отбора при этом служили значимость документа для раскрытия процесса принятия решений, хода их выполнения, подведения итогов тех или иных операций, их однотипность с большим количеством актов, отложившихся в делах НКВД СССР, НКГБ СССР, Главного управления конвойных войск (ГУКВ) НКВД ССР и др. органов, влиявших на судьбу польских военнопленных. Подавляющее большинство вошедших в издание материалов – это документы НКВД СССР и его территориальных управлений – Управления по делам военнопленных (УПВ), секретариатов наркома и его заместителей, 1-го спецотдела, Главного управления государственной безопасности (ГУГБ), Главного экономического управления (ГЭУ), Главного транспортного управления (ГТУ), ГУКВ, областных управлений НКВД (УНКВД) по Смоленской, Харьковской, Калининской, Ворошиловградской и Вологодской областям, управлений лагерей для военнопленных. Чрезвычайно важны для раскрытия темы и решения высших партийных и государственных органов – Политбюро ЦК ВКП(б) (КПСС), СНК (Совета Министров) и др.

Подлинность всех выявленных документов несомненна. Об этом свидетельствует и их огромное количество, и то, что в них имеется вся атрибутика, характерная для документооборота Политбюро, НКВД, НКГБ и других учреждений того времени – бланки, штампы входящей и исходящей регистрации, подписи, пометы, резолюции и т. д. Документы, найденные в разных фондах и даже архивах, не только не противоречат,

но подтверждают и дополняют друг друга, раскрывая трагическую историю пребывания польских военнопленных в СССР. Многие однотипные документы составлялись чуть ли не ежедневно в процессе операции по расстрелу польских офицеров и полицейских. Ссылки на них читатель найдет в комментариях к публикуемому для примера документу. Лишь в одном случае публиковались все имевшиеся в распоряжении составителей единообразные документы — это шифротелеграммы начальника Управления НКВД (УНКВД) по Калининской области Д.С. Токарева заместителю наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулову об исполнении приговоров. В то же время, в том были включены только по одному списку—предписанию на отправку военнопленных из Козельского лагеря в Смоленск и из Осташковского лагеря в Калинин, поскольку публикация всех списков занимает целый том. Они были изданы в Польше Е. Тухольским⁵. Однако до сих пор не удалось найти предписания на отправку военнопленных из Старобельского лагеря в УНКВД по Харьковской области, кроме одного, публикуемого в сводном томе⁶. Из-за большого объема не мог быть опубликован список расстрелянных в апреле—мае 1940 г. заключенных тюрем западных областей УССР, также изданный в Польше отдельной книгой⁷. Аналогичный список расстрелянных заключенных из тюрем Западной Белоруссии не найден. Не удалось обнаружить и крупных массивов документов НКВД УССР и НКВД БССР, касающихся расстрельной операции. Этим объясняется то обстоятельство, что расстрел узников тюрем публикации отражен не столь полно, как ликвидация польских военнопленных — офицеров и полицейских.

Первый том публикации документов «Катынь. Пленники необъявленной войны», охватывающий период с августа 1939 г. до 5 марта 1940 г., был подготовлен к печати еще в 1994 г. В Польше он вышел в свет в 1995 г. Однако в России его издание натолкнулось на препятствия финансового свойства. На заседании юбилейной комиссии по празднованию 50-летия Победы в Великой Отечественной войне за выделение средств высказался глава Росархива В.П. Козлов. Однако в этом было отказано. Том был направлен на рецензию в Военную лингвистическую академию (бывший Институт военных переводчиков). В подготовленном ею заключении констатирована научная безупречность издания и содержался вывод, что оно не отвечает государственным интересам России. Председатель юбилейной комиссии вице-премьер правительства РФ Ю.Ф. Яров направил эту рецензию министрам обороны, иностранных дел, культуры и Президенту РАН. В поддержку тома высказалось лишь Министерство культуры. Издание на государственные средства практически оказалось невозможным. Выручил Р.Г. Пихоя, который ставший в это время заместителем А.Н. Яковлева в фонде «Демократия». Фонд был готов выпустить сборник, но лишь один том. Пришлось изъять шесть обширных документов из подготовленного на русском языке тома «Пленники

необъявленной войны», чтобы в приложении к нему поместить фототипическое изображение 50 важнейших документов из следующего тома, посвященного операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем и депортации их семей. В результате русскоязычный том — «Пленники необъявленной войны» вышел в свет в 1997 г. в Москве (тираж был допечатан в 1999 г.). Он был опубликован в числе первых трех томов серии фонда «Демократия»: «Россия. XX век. Документы» и был представлен в Доме кино широкому собранию российской общественности. И хотя фонду «Демократия» был передан готовый к изданию оригинал-макет, вышедшую в свет книгу нередко называют «Яковлевским томом».

Второй том «Расстрел», подготовленный тем же коллективом российских и польских историков и архивистов, вышел в свет в Варшаве в 1998 г. на польском языке. Издать его на русском языке в полном объеме не удалось из-за отсутствия финансирования. Был подготовлен и третий том, а денег на издание в России следующих двух катынских томов так и не было выделено. Тогда автор этих строк предложил подготовить на русском языке сводный том, в котором были бы три части, каждая со своим введением и комментариями, соответствующие второму, третьему и будущему четвертому томам польского издания. Польская академия наук и Совет по охране памяти борьбы и мученичества РП обещали оказать финансовую поддержку этому изданию. За год том был не только подготовлен, но и издан.

Сводный том «Катынь. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни» охватывает период, начиная от 5 марта 1940 г., когда было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных — офицеров, полицейских и заключенных тюрем. Опубликованные в нем документы хронологически простираются вплоть до наших дней, когда в сентябре 2000 г. было открыто мемориальное кладбище в Медном, где весной 1940 г. также были расстреляны польские полицейские, пограничники и другие служащие правоохранительных органов Польши. На основе четырехтомного польского и двухтомного русского издания катынских документов американская исследовательница Анна Чинчалы совместно с Н.С. Лебедевой и В. Матерским подготовили и опубликовали в 2007 г. в издаваемой Йельским университетом серии «Анналы коммунизма» том документов «Катынь. Преступление без наказания»⁸.

Видовой и тематической состав публикуемых документов разнообразен. Среди них решения Политбюро ЦК ВКП(б), постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Государственного Комитета Оборона; записки Л.П. Берии и других лиц И.В. Сталину и В.М. Молотову; директивы и приказы НКВД СССР; распоряжения, предписания, служебные записки, политдонесения, справки руководства Управления по делам военнопленных (с марта 1941 г. — Управления по делам военнопленных и интернированных); донесения,

рапорты, справки начальства лагерей военнопленных; путевые ведомости и акты о конвоировании военнопленных; расписки о принятии этапов в УНКВД Калининской области; шифротелеграммы об исполнении нарядов, протоколы ЧГК. Опубликованы также протоколы и переписка «Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу польских офицеров» под председательством Н.Н. Бурденко, правительственной комиссии по руководству советской делегацией на Нюрнбергском процессе; ноты НКВД и советского правительства; записи переговоров И.В. Сталина с польским послом С. Котом, премьером В. Сикорским, генералом В. Андерсом и другими лицами. В публикации помещены также документы Коминтерна и целый ряд других важных документальных комплексов. В тома включены материалы, вышедшие из-под пера самих польских военнопленных и их родных, разыскивавших бесследно исчезнувших польских офицеров и полицейских, отложившиеся в фонде УПВ и других отделов и управлений НКВД. Подавляющее большинство документов были опубликованы впервые.

Археографическая подготовка опубликованных документов была проведена в соответствии со специально разработанной «Памяткой», подготовленной на основе установленных в 1990 г. «Правил издания исторических документов в СССР». «Памятка» предусматривала, что все документы публиковались полностью, без купюр; каждый документ сопровождался редакционным заголовком; наряду с ним в публикации воспроизводились форма обращения к адресату и другие элементы оригинала документа — грифы секретности, срочности исполнения, резолюции и пометы. Документы датировались временем написания, приказы — временем подписания. Дата, установленная составителями, обосновывалась в примечаниях. В случае, когда в качестве редакционного заголовка брался заголовок документа или его часть, они давались в кавычках. Тексты документов передавались с сохранением их стилистических особенностей. Описки и орфографические ошибки исправлялись без оговорок. В то же время сохранялась орфография и пунктуация писем и заявлений, написанных собственноручно польскими гражданами на русском языке. Каждый документ сопровождается легендой, содержащей поисковые данные, указание на подлинность, наличие бланка, язык, отсылку к изданию, где опубликован документ.

Подготовка издания катынских томов продемонстрировала высокопрофессиональное и эффективное взаимодействие польского и российского коллективов составителей и всех сотрудников издания. Их совместная работа проходила в доброжелательной обстановке товарищеского сотрудничества и партнерства. Труд составителей был высоко оценен, а сами они удостоены государственных наград Республики Польша.

Содержание опубликованных документов детально раскрывает трагическую судьбу польских военнослужащих, интернированных в СССР в

ходе так называемых «освободительных походов» Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину в сентябре 1939 г. Тогда в советский плен попали 240 тыс. польских военных. Однако для их содержания не хватало ни лагерей, ни продуктов питания, ни вещевого довольствия, ни даже питьевой воды. В результате в октябре того же года по решению Политбюро ЦК ВКП(б) рядовые и младшие командиры – жители присоединенных к СССР территорий были распушены по домам, а те же категории – уроженцы центральных польских областей переданы Германии. В плену остались 40 тыс. чел.: 8,5 тыс. офицеров содержались в Козельском и Старобельском лагерях, 6,5 тыс. полицейских – в Осташковском. 25 тыс. солдат и унтер-офицеров работали на строительстве шоссе Новоград Волынский – Львов и на шахтах Кривого Рога.

Весь ноябрь в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях работали следственные бригады центрального аппарата НКВД СССР. В их задачу входило изучение «контингента», насаждение среди заключенных агентуры, изоляции наиболее активных лиц и т. д. Агентурно-оперативная разработка военнопленных показала, что польские офицеры не смирились с вражеской оккупацией своей страны и были полны решимости бороться за восстановление независимости Польши. 4 декабря в Осташковский, Старобельский и Козельский лагеря из Москвы были направлены новые следственные бригады. Однако только одной из них – бригаде С.Е. Белопипецкого было поручено оформить к концу января 1940 г. следственные дела на весь осташковский контингент для представления их на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР (ОСО), имевшего полномочия выносить смертные приговоры. По приказу Берии от 31 декабря 1939 г. в Осташков выехал начальник Управления по делам о военнопленных П.К. Сопруненко, отправивший к 1 февраля 1940 г. на рассмотрение ОСО 6050 дел, по 600 из них к двадцатым числам было уже вынесено решение. В Москве было проведено совещание, на котором обсуждался вопрос о порядке отправки военнопленных из Осташкова в Северный дальневосточный лагерь. Один из его участников, начальник Особого отделения Осташковского лагеря Г.В. Корытов докладывал начальнику Особого отдела УНКВД по Калининской области В.П. Павлову: «Из представленных нами 6005 дел пока рассмотрены 600, сроки 3, 5, 8 лет (Камчатка), дальнейшее рассмотрение наркомом пока приостановлено. Но разговоры таковы, что в марте мы должны основательно разгрузиться и подготавливаться к приемке финнов. Есть распоряжение наркома о заключении нескольких категорий военнопленных в местные тюрьмы. На этот счет у начальника Управления по К.О. (т. е. УНКВД по Калининской области – *Н.Л.*) есть директива от 29. II. 40 за № 25/1869, с которой прошу ознакомиться»⁹. Упомянутое Корытовым распоряжение УПВ от 23 февраля устанавливало порядок исполнения приказа по НКВД СССР от 22 февраля о переводе в тюрьмы содержащихся в лагерях для военнопленных «тюремщиков, разведчиков, прово-

каторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников»¹⁰. Инициатором «разгрузки» Старобельского и Козельского лагерей выступил Сопруненко. 20 февраля он обратился к Берии с предложением распустить по домам около 300 чел. инвалидов, тяжело больных, стариков–отставников свыше 60-ти лет и 400–500 офицеров, призванных из запаса, жителей присоединенных к СССР территорий (агрономов, учителей, инженеров, врачей), на которых не было компрометирующих материалов. В то же время начальник УПВ испрашивал у наркома разрешения оформить дела для рассмотрения на Особом совещании «на офицеров КОПа (Корпуса охраны пограничья), судейско-прокурорских работников, помещиков, актив партии «ПОВ» и «Стрелец», офицеров 2-го отдела бывшего польского Генштаба, офицеров информации (около 400 чел.)». На записке Сопруненко Берия наложил резолюцию: «Тов. Меркулов. Пер[е]говори[те] со мной. Л. Б[ерия]. 20. II»¹¹.

После разговора Берии с Меркуловым 22 февраля начальник Главного управления госбезопасности НКВД СССР подписал директиву, в которой говорилось: «По распоряжению народного комиссара внутренних дел тов. Берии предлагаю всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД бывших тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников перевести в тюрьмы, перечислив их за органами НКВД. Все имеющиеся на них материалы передать в следственные части УНКВД для ведения следствия. О порядке дальнейшего направления этих дел указания будут даны дополнительно. О количестве переданных арестованных донесите»¹². В приведенной директиве Особое совещание не упомянуто. Вероятно, решение о порядке рассмотрения дел пленных еще не было принято, и Берия намеревался обсудить его со Сталиным. Из письма Корытова к Павлову следует, что нарком приостановил производство дел осташковских военнопленных в Особом совещании, хотя оно уже вынесло 600 приговоров.

Встреча 27 февраля Берии со Сталиным приводит к кардинальному изменению судьбы не только польских офицеров – узников Козельского и Старобельского, но и Осташковского лагерей. Первый вариант письма Берии Сталину был написан 29 февраля, окончательная редакция письма – между 3 и 5 марта. Принятие решения о расстреле следует датировать периодом 22 февраля – 5 марта 1940 г. Пока документы не позволяют определенно ответить на вопрос – предложил ли Берия расстрелять польских узников трех спецлагерей или инициатором акции был Сталин. Однако независимо от происхождения замысла, окончательное решение о расстреле исходило от советского вождя. Одновременно была решена и участь поляков–узников тюрем западных областей СССР и семей репрессированных. 2 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению Л.П. Берии и Н.С. Хрущева постановило выселить в Казахстан на 10 лет 25 тыс. семей польских офицеров, полицейских и узников тюрем западных областей Украины и Белоруссии. «Наиболее злостных» лиц из их чис-

ла предписывалось арестовывать и передавать их дела Особому совещанию¹³. Одним из мотивов подобного решения была очевидная взаимосвязь между намеченной ликвидацией заключенных лагерей и репрессиями в отношении населения присоединенных к СССР территорий, так как «одно-сторонняя» акция могла бы вызвать усиление ответного сопротивления с другой стороны. Аналогичным образом сталинский режим поступал и в отношении репрессированных советских граждан.

В начале марта 1940 г. проведение «расстрельной операции» выносятся на рассмотрение Политбюро. 2–3 марта по требованию Берии составляются сводные данные о польских офицерах, полицейских, священниках, тюремных работниках, пограничниках, разведчиках в лагерях УПВ¹⁴. Они ложатся в основу приводимых Берией сведений в окончательном варианте его записки Сталину, в которой предлагалось расстрелять всех, чьи семьи подлежали депортации. На записке Сталин наложил резолюцию: «За» и поставил свою подпись, далее следуют подписи Молотова, Микояна, Ворошилова. Поддержали решение Калинин и Каганович¹⁵. Далее, 5 марта 1940 г., Политбюро ЦК ВКП(б) постановило: дела находящихся в лагерях для военнопленных 14700 чел. бывших польских офицеров, а также арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 тыс. человек рассмотреть в особом порядке с применением к осужденным высшей меры наказания — расстрела. «Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения <...> Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова»¹⁶.

Подготовка операций по расстрелу пленных офицеров, полицейских, узников тюрем и депортации их семей началась буквально на следующий день после принятия этого решения. Первые наряды на отправку военнопленных на расстрелы начали поступать 3–5 апреля, о направлении приговоренных в места заключения — 20 апреля. Военнопленные подлежали практически поголовному уничтожению. Жизнь была сохранена только 395 заключенным, поскольку те представляли интерес для советской контрразведки или за них как за немцев или литовцев по национальности ходатайствовали германская и литовская миссии¹⁷. В апреле–мае 1940 г. были расстреляны (согласно классификации НКВД) 8348 офицеров, 6311 полицейских и 7305 узников тюрем¹⁸. Их семьи — более 66 тыс. чел. — в середине апреля депортировали в Северный Казахстан, где им не предоставили ни жилья, ни работы¹⁹.

Расстрел почти 22 тыс. поляков держался в строжайшей тайне — об их судьбе не сообщалось ни родным, ни Красному Кресту, ни правительству Сикорского²⁰. В 1942 г. германские власти узнали о могилах польских офицеров в Катынском лесу, расположенном в 15 км от Смоленска, но тогда этот факт их не заинтересовал. После же поражения вермахта под Сталинградом гитлеровцы попытались использовать его для подрыва

единства Антигитлеровской коалиции. 13 апреля 1943 г. германское радио сообщило миру о массовом захоронении польских офицеров в Катыни. Через пару дней Геббельс записал в дневнике: «Катынское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях еще вызовет не одну взрывную волну. И мы используем ее по всем правилам искусства»²¹.

Союзники СССР по Антигитлеровской коалиции разгадали цель гитлеровского руководства и сделали все от них зависевшее, чтобы сгладить впечатление от катынского преступления. Однако боль, которую испытывали поляки, не позволила им смолчать. Правительство В. Сикорского обратилось к Международному Красному Кресту с просьбой о расследовании обстоятельств гибели польских офицеров. В ответ СССР немедленно приостановил дипломатические отношения с Лондонским правительством²².

В дальнейшем сталинское руководство не только скрывало правду о катынском преступлении, но и стремилось возложить ответственность за него на гитлеровцев. В конце сентября 1943 г. вместе с войсками, освобождавшими Смоленск, в Катынский лес вошли специальные подразделения НКВД, которые оцепили его территорию. Оперативники заставили арестованных пособников гитлеровцев, которым грозила казнь через повешение, дать ложные показания и подтвердить официальную версию гибели польских офицеров в Катыни. Известный нейрохирург Н.И. Бурденко, выехавший по заданию Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в Смоленск, по прямому указанию В.М. Молотова долгое время не допускался к катынскому делу. Лишь спустя три с половиной месяцев — 12 января 1944 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) была создана Специальная комиссия по расследованию злодеяний гитлеровцев в Катынском лесу, которую он и возглавил. Комиссия прибыла в Смоленск 18 января 1945 г. и уже 24 числа утвердила Сообщение Специальной комиссии. В его основу была положена обширная справка, подписанная главными исполнителями катынского преступления — наркомом госбезопасности Меркуловым и зам. наркома внутренних дел Кругловым²³. В 1945–1946 гг. сталинское руководство попыталось воспользоваться авторитетом Международного Военного Трибунала в Нюрнберге для подкрепления версии Комиссии Бурденко, однако суд не считал возможным включить упоминание о катынском расстреле в приговор.

Впоследствии советская дипломатия, вплоть до весны 1990 г., предпринимала усилия для замалчивания катынской темы, протестовала против попыток увековечения памяти расстрелянных польских офицеров. Только в 1990-е годы были предприняты шаги к признанию ответственности советских властей за катынский расстрел, переданы польской стороне важнейшие документы по данной проблеме, подготовлено совместное их издание, открыты мемориальные кладбища в Катыни, Медном и Харькове.

Однако в последнее время катынская проблематика вновь привлекла общественное внимание, а ее обсуждение приобрело политический оттенок. Польская сторона настаивает на передаче ей всех материалов Военной прокуратуры по катынскому делу, российская сочла эти требования противоречащими законодательству РФ и неприемлемыми. Определенный общественный резонанс вызвало и то, что до сих пор не опубликовано решение Военной прокуратуры РФ по катынскому делу.

Тем не менее, важно подчеркнуть подтвержденную военными прокурорами ответственность за это злодеяние советских органов НКВД, вопреки попыткам некоторых публицистов реанимировать версию, сформулированную еще в 1943 г. сталинским руководством и оформленную в решении Комиссии Бурденко²⁴.

О том, насколько актуальна для польской общественности катынская проблематика, свидетельствует фильм выдающегося кинорежиссера Анджее Вайды. Однако правда об этом страшном злодеянии не менее важна и для россиян. Ведь оно было совершено советскими властями на нашей земле. И мы как граждане России несем ответственность за то, чтобы подобное никогда не могло повториться. Сотрудничество российских и польских историков в издании катынских документов, наряду с чисто научными целями, вносит свой посильный вклад в укрепление доверия между двумя народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Katyn. Dokumenty zbrodni / Oprac. W. Materski, B. Woszczyński, N.S. Lebedie-wa, N.A. Pietrosowa. Warszawa, 1995–2006. T. 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny sierpień 1939 – marzec 1940; T. 2. Zagłada marzec – czerwiec 1940; T. 3. Losy ocalałych lipiec 1940 – kwiecień 1943; T. 4. Echa Katynia kwiecień 1943 – marzec 2005.*

² *Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р.Г. Пихои и А. Гейштора; сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. М., 1997. Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский, Э. Россовска. М., 2001.*

³ *Katyn. A Crime Without Punishment / ed. by M. Cienciala, N. Lebedeva, W. Materski. New Haven & London, 2007.*

⁴ *Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 59–61.*

⁵ *Tucholski J. Mord w Katyniu. Kosielsk. Ostaszkow. Starobielsk. Lista ofiar. Warszawa, 1990. S. 578–957.*

⁶ *Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. С. 141–142.*

⁷ *Ukraiński ślad Katynia / oprac. Z. Gajowniczek. Warszawa, 1995.*

⁸ *Katyn. A Crime Without Punishment.*

⁹ *Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 383–384.*

¹⁰ *Там же. С. 357.*

¹¹ *Там же. С. 343.*

¹² Там же. С. 350.

¹³ Там же. С. 375–378.

¹⁴ Там же. С. 374–382.

¹⁵ Там же. С. 385–388.

¹⁶ Там же. С. 391.

¹⁷ См. подробнее: Катень. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. С. 19–42.

¹⁸ Там же. С. 563–564.

¹⁹ Там же. С. 44–47, 59–61, 96–99; Сталинские депортации 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 137–148.; Из истории поляков в Казахстане (1936–1956) Сб. документов / сост. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, М.У. Маскеев. Казахстан, 2000. С. 97–114.

²⁰ См. подробнее: Катень. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. С. 189–215, 421–446.

²¹ Там же. С. 421–423.

²² Там же. С. 447–464.

²³ Там же. С. 498–543. См. также: *Лебедева Н.С.* Комиссия Бурденко // Российско-польский исторический альманах. Ставрополь–Волгоград, 2007. Вып. 2. С. 114–150; *Lebiediewa N.* Komisja specjalna i jej przewodniczący Burdenko // *Zbrodnia kатыńska między prawdą i kłamstwem.* Warszawa, 2008. S. 56–101.

²⁴ См. напр.: *Мухин Ю.* Антироссийская подлость. М., 2003; *Слободкин Ю.* Страницы истории. Катень. Как и почему гитлеровцы расстреляли осенью 1941 г. польских офицеров // *Марксизм и современность.* 2005. № 1–2; *Швед В.* Тайна Катени. М., 2007.

Материалы Политбюро ЦК КПСС о событиях 1980–1981 гг. в Польше

Для изучения открытого, глубокого общественно-политического конфликта 1980–1981 гг. в ПНР и попытки для его преодоления применения на практике так называемой «доктрины Брежнева» ключевое значение имеют материалы заседаний Политбюро ЦК КПСС. Многомиллионные социально-политические движения в Польше во главе с «Солидарностью», и разразившийся в стране внутривластный кризис с неизбежностью привели к напряженности в советско-польских отношениях. В начале 20-х чисел августа 1980 г. Л.И. Брежнев направил Э. Гереку письмо с выражением озабоченности советского руководства по поводу разворачивавшихся в Польше событий. Изложенная в нем позиция советского руководства опиралась на концепцию, сформулированную Брежневым еще в ноябре 1968 г. на V съезде ПОРП и основанную на уроках чехословацкой «пражской весны». Она исходила из того, что «угроза делу социализма <...>, угроза безопасности социалистического содружества в целом, это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»¹. Среди западных политиков и политологов эта концепция получила название «доктрины Брежнева», или «доктрины ограниченного суверенитета».

В связи со сложившейся в ПНР летом 1980 г. политической ситуацией (о чем Брежнев проинформировал Политбюро) 25 августа 1980 г. была образована специальная комиссия ЦК КПСС по Польше с участием ряда представителей высшего партийного и государственного руководства СССР во главе с М.А. Суловым (так называемая «Комиссия Сулова»). В нее входили А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко, М.В. Зимянин, И.В. Архипов, Л.М. Замятин и О.Б. Рахманин. Отныне положение в Польше сначала ежемесячно, а затем и чаще (в январе 1981 г. – 4 раза, в апреле того же года – даже 5 раз) рассматривалось на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК КПСС.

Хранящиеся в Президентском архиве документы заседаний этих органов 1980–1981 гг. (и сопутствующие им), рассекреченные для передачи в Конституционный суд в связи с «делом КПСС»², имеют особую познавательную ценность. Ксерокопии материалов «Комиссии Сулова» Б.Н. Ельцин по настоятельной просьбе Л. Валенсы в 1993 г. привез в Варшаву. Часть документов фонда 89, переданная польской стороне, публиковалась в журнале «Новая и новейшая история» в 1994 г.³ 25 документов этого периода можно найти и в Интернете, в «Советском Архиве» В. Буковского⁴.

Анализируемые материалы «Комиссии Сулова» освещают, хотя лишь частично, ее деятельность и позволяют проследить формирование пози-

ции советского руководства в связи с событиями в Польше со всеми нюансами принимаемых решений, а также в известной мере – их реализацию Секретариатом ЦК. Материалы заседаний Политбюро ЦК КПСС играют важнейшую роль в изучении вопроса о влиянии советского фактора на введение военного положения в Польше 13 декабря 1981 г.

Первыми содержательными документами этого комплекса (после создания «Комиссии Сулова») стали решение от 3 сентября и прилагаемые к нему тезисы для беседы с польским руководством. Они отразили непосредственную раздраженную реакцию советского руководства на события в ПНР, на возникновение и действия «Солидарности», на ситуацию в ПОРП. В этих решениях прозвучали требования энергично воздействовать на настроения в Польше при помощи идеологических методов, дабы не позволить буржуазной пропаганде компрометировать принципы социализма, стимулировать брожение в других странах «содружества» и подрывать его политическую систему. Уже в этих тезисах просматривались симптомы ослабления системы политического контроля Кремля за внутренним положением в Польше. Советские лидеры ориентировали польских руководителей на контрнаступление с целью восстановления утраченных позиций в народе и укрепления руководящей роли партии, рекомендовали использовать на руководящей работе в партийных органах опытных политработников Войска Польского, предлагали принять меры для дискредитации лидеров оппозиции и внедрения в независимые профсоюзы своих людей. СМИ нацеливались на пропаганду тезисов, что кризис вызван не недостатками системы, а некоторыми объективными причинами вроде стихийных бедствий, а также отдельными ошибкам и просчетами.

Секретариат ЦК КПСС (с участием М.С. Горбачева как секретаря ЦК) 4 октября при помощи «Комиссии Сулова» дополнил выработанный курс мерами по организации пропаганды и контрпропаганды, привлекая «для оказания помощи польским друзьям» многочисленные организации и учреждения⁵. 29 октября 1980 г. на заседании Политбюро ЦК, посвященном предстоящему визиту первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани и председателя Совета Министров ПНР Ю. Пиньковского, рассматривались специально приготовленные по этому случаю, как записано в повестке дня, «материалы к дружескому визиту в СССР польских руководителей». В них Л.И. Брежнев расценил происходящее в Польше как «разгул контрреволюции, а в выступлениях польской печати и польских товарищей ничего не говорится об этом, не говорится о врагах народа. А ведь это же враги народа, прямые пособники контрреволюции и сами контрреволюционеры выступают против народа. Как же это так?».

Ссылаясь на опыт Югославии, где против бастующих рабочих применялись суровые меры вплоть до тюремного заключения, советские руководители призывали к аналогичным шагам и своих польских товарищей. «Может, действительно надо будет ввести военное положение?» – задавался вопросом Брежнев. Ориентируясь на установку Громыко, что «нам

нельзя терять Польшу», что введение чрезвычайного положения «нужно иметь в виду как меру для спасения революционных завоеваний», что надо польское руководство «направлять на это и следует их подкрепить», члены Политбюро одобрили проведение соответствующего политического курса. Маршал Устинов по-военному обосновывал это предложение тем, что «если мы не введем военное положение», ситуация станет очень трудной. Он констатировал, что в польской армии имеют место колебания, и доложил, что советская Северная группа войск находится «в полной боевой готовности». Громыко был более осторожен, предлагал вводить военное положение «не сразу» и тем более «не сразу после возвращения Кани и Пиньковского из Москвы».

Советских руководителей несколько озадачила позиция поляков, обрисованная секретарем ЦК КПСС К.В. Русаковым, по словам которого, С. Кania не приемлет «интернациональной помощи», а В. Ярузельский якобы утверждает, что польские воинские части не пойдут против польских рабочих. «Польские товарищи говорят, – сообщал Русаков, – что у них не такое положение, какое было в Венгрии и Чехословакии». То есть, в Польше нет такого обострения ситуации, которое диктовало бы применение оружия. Было решено поставить перед «польскими друзьями» вопрос о «всесторонней помощи» в целях «нормализации» ситуации⁶.

Анализируя материалы польской прессы, в которых распространялись утверждения, что существовавший в Польше строй якобы «не ведет к подлинному социализму», что налет сталинизма счищен с политических отношений лишь поверхностно и что эти отношения не адекватны польской политической традиции⁷, аппарат ЦК КПСС приготовил к заседанию Политбюро тезисы для бесед с польским руководством⁸. По мнению Кремля, Польша стала плацдармом «самой острой борьбы с империализмом». Критику существующего режима во имя преодоления деформаций «реального социализма» советские руководители трактовали как антисоветские и антисоциалистические выступления, лозунг «обновления» как «размывание и дестабилизацию строя»⁹.

Прибывшие на следующий день, 5 октября в Москву польские гости в течение почти недели неоднократно беседовали с Брежневым. Эти встречи, как и последующие посещения Польши представителями Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, сопровождались с советской стороны недоуменным рефреном, тон которого был задан генеральным секретарем: «Польские товарищи не могут понять той простой истины, что они имеют дело с распоясавшейся контрреволюцией»¹⁰.

Приглашенные в Москву для консультаций лидеры других стран «социалистического содружества» солидаризировались с позицией СССР и подключались к давлению на польское руководство. Г. Гусак, ссылаясь на опыт 1968 г., а Я. Кадар – на опыт 1956 г., советовали Москве предпринять энергичные действия, Э. Хоннекер рекомендовал сменить польское руководство и ввести в Польшу войска. Согласованные совместные действия

по применению силы стали в «содружестве» традицией. Результаты этих встреч выносились на обсуждение Политбюро ЦК КПСС¹¹.

Материалы зимних месяцев рубежа 1980–1981 гг. содержат многочисленные свидетельства обострившейся идеологической борьбы вокруг событий в Польше. 5 декабря 1980 г. Замятин, Тяжелников и Рахманин сделали доклад в ЦК КПСС об «антисоциалистическом, антисоветском» содержании польских средств массовой информации, действиях враждебных пропагандистских центров и спецслужб империалистических держав по расширению объемов и интенсивности «почтовых засылов с их стороны непосредственно или через третьи страны в СССР, в том числе польских антисоветских материалов». По нему секретариат ЦК 22 декабря принял постановление «О некоторых дополнительных мерах по контролю за распространением польской печати в СССР», согласно которому центральный аппарат Главлита СССР был пополнен сотрудниками со знанием польского языка, польские периодические издания, распространявшиеся по подписке, книги или другие издания уничтожались полностью или частично. 13 газет и 18 журналов попадали в московский спецхран. К распространению допускались только прошедшие предварительную проверку 5 газет и 21 журнал. Тщательно проверялась бандерольная корреспонденция.

В представленных советскому руководству аналитических материалах о содержании польских СМИ указывалось на пропаганду ими в ПНР «антисоциалистических» идей и концепций, направленных в первую очередь против общественно–политического строя в Польше, в частности, на распространение утверждений о нарастании экономических трудностей и о снижении в стране жизненного уровня, об отчуждении партийного руководства и всей партии от народа, об отказе властей от курса на демократизацию внутрипартийной жизни и от хозяйственной реформы, о бюрократизации правящей партии и об обогащении членов ПОРП.

Звучавшие со страниц польской печати мнения, с точки зрения правящих кругов СССР, поднимали коренные вопросы о модели социалистического общества, о необходимости либерализации режима и плюрализма в политической жизни и расценивались как ревизия марксизма–ленинизма. Аналогичным образом в кругах ЦК КПСС характеризовалась и развернувшаяся в Польше дискуссия по экономическим вопросам. 19 января 1981 г. секретариат ЦК в связи с опубликованием в Польше в ходе подготовки IX съезда ПОРП документа «Основные направления хозяйственной реформы» специально рассмотрел вопрос о предполагаемом введении элементов рыночной экономики в народном хозяйстве ПНР и поручил Госплану СССР изучить этот проект с привлечением министерств, ведомств и профильных организаций.

Когда 22 января Политбюро собралось для обсуждения визита в Польшу советской делегации во главе с Замятиным, в стенограмме заседания как выражение итогового общего мнения было зафиксировано высказы-

вание Громько: «Польские друзья, несмотря на наши рекомендации, не хотят применять чрезвычайные меры, эта мысль по существу у них совсем отсутствует». В добавление к этому звучали слова министра обороны Устинова о проведении в марте в Польше войсковых учений, которые «следует <...> несколько приподнять, то есть, иначе говоря, дать понять, что у нас силы наготове»¹².

Таким образом, позиция советского руководства по отношению к событиям в Польше, выработанная еще осенью 1980 г., и в начале следующего года осталась неизменной. В то же время политическое давление Кремля на Варшаву с требованием принятия решительных мер вплоть до применения силы постоянно нарастало. С. Каня и В. Ярузельский, со своей стороны, стремились избежать вмешательства извне. В феврале 1981 г. Ярузельский говорил М. Раковскому: «Наша историческая миссия состоит в том, чтобы не допустить советскую интервенцию»¹³.

Развитие событий в 1981 г. посеяло среди советских лидеров сомнение относительно применения «интернациональной помощи» для нормализации положения в Польше. Все большую обеспокоенность проявляли и другие руководители стран «социалистического содружества», в частности, высказав ее в беседах с членами Политбюро ЦК КПСС во время XXVI съезда партии в Москве. Обобщая этот обмен мнениями, члены Политбюро 12 марта 1981 г. были вынуждены признать, что те весьма опасаются повторения у себя подобных событий. Участие их вооруженных сил в «интернациональной помощи», поддержка усилий Советской Армии становились все более проблематичными, чреватými нежелательными последствиями во все более широких масштабах. Теперь становилось очевидным то, что некоторые представители советского руководства признавали и раньше¹⁴, а именно: близится момент, когда цена подавления уже не отдельных, локальных выступлений низов, а массового социального движения станет слишком высока, а результаты интервенции — более чем проблематичны.

Для воздействия на польское руководство у Политбюро ЦК КПСС оставалась и другая возможность, использовать с этой целью вопрос об экономической помощи, в которой республика остро нуждалась. Народнo-хозяйственный план ПНР 1981 г. по основным показателям был сокращен по сравнению с предшествовавшим годом на 20%. Производство мяса снижалось на 25%, сахара — в полтора раза. Были серьезные трудности с углем. За импортные товары расплачиваться было нечем. В марте 1981 г. в Москве предстояли переговоры с польской делегацией во главе с заместителем председателя Совмина ПНР М. Ягельским о поставках сырья, в связи с чем Политбюро 26 марта констатировало, что Польше возможно выделить только «ограниченное количество сырьевых материалов». К обсуждению положения в Польше Политбюро вернулось 2 апреля накануне встречи Устинова и Андропова с Каней и Ярузельским в Бресте, соединив рассмотрение экономических проблем с вопросом о введении

военного положения. Запись этого заседания – ключевой документ¹⁵, раскрывающий видение обеими сторонами дальнейших мер по «стабилизации» положения в Польше.

Высказав «большую тревогу» по поводу перспектив развития ситуации в Польше, Брежнев подчеркнул: «Хуже всего то, что друзья слушают, соглашаются с нашими рекомендациями, но практически ничего не делают. А контрреволюция наступает по всему фронту». Он рассказал, что 30 марта в беседе с Каней рекомендовал ему «принимать решительные меры», что на пленуме ПОРП руководство «не просто надо было критиковать, а брать в руки дубинку. Тогда, может быть, вы поняли бы, – убеждал генеральный секретарь своего польского коллегу <...>. Вы же все твердите о мирном пути, не понимая или не желая понять, что такой “мирный путь”, какого вы придерживаетесь, может стоить вам крови».

Осуждая «капитуляцию перед оппозицией», Брежнев все же принял предложенный польским руководством план проведения согласованных «с нами мер через сейм», правда, сомневаясь, «будут ли приняты эти меры в полном объеме» и «хватит ли решимости и сил осуществить эти меры на практике». Для осуществления своих рекомендаций генеральный секретарь предложил провести встречу Андропова и Устинова с Каней и Ярузельским, чтобы «еще раз изложить им нашу позицию». А в резерве останется «такая мера, как новая встреча семерки (стран – участников Варшавского Договора – *И.Я.*) по польскому вопросу на высшем уровне». Аналогичные предложения были внесены и «Комиссией Суслова». Устинов предлагал «сейчас принять все необходимые меры к тому, чтобы польские друзья действовали самостоятельно». Громыко обратил внимание на настойчивые предостережения Запада, что «Советский Союз не должен вмешиваться своими Вооруженными Силами в дела Польши». Указывая на «дальнейшее ухудшение» ситуации в ПНР, Громыко осмотрительно предлагал выяснить реальную расстановку сил в стране и возможные последствия чрезвычайных мер польского руководства, «будут ли они уверены в том, что армия, МВД и органы госбезопасности будут на их стороне». По его словам, «было бы правильно сделать глубокий анализ со стороны наших военных, как обстоит дело в вооруженных силах ПНР и является ли армия основной силой, можно ли опираться на нее». «При любом положении» Громыко рекомендовал внушать «польским товарищам» «необходимость принятия более жестких, <...> чрезвычайных мер для наведения порядка и что дальнейшее отступление для них совершенно неприемлемо, дальше отступать уже совершенно нельзя». Устинов сомневался в «дееспособности» польского руководства и Войска Польского: «Едва ли Каня и Ярузельский пойдут на конфронтацию» в условиях высокой мобилизационной готовности «Солидарности»; «сейчас пока еще есть какая-то надежда на то, что армия, органы безопасности и милиция выступят единым фронтом, но чем дальше, тем будет хуже. Я думаю, что кровопролития не избежать, оно будет. И если этого бояться, то, конечно,

тогда надо сдавать позицию за позицией. А так можно утратить все завоевания социализма». Он отметил ухудшение настроений и боеготовности польской армии в связи с поступлением войска нового контингента призывников, в большинстве сочувствующего «Солидарности».

Андропов, говоря о возможности мирного захвата власти «Солидарностью» во время проведения ее чрезвычайного съезда, выразил готовность при личной встрече с польским руководством «сказать о принятии строгих мер, не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровопролитие». Председатель КГБ СССР утверждал далее, что польские руководители «вместо строгих мер суют нам так называемое “политическое урегулирование”». Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных, но они постоянно ограничиваются политическими мерами». Брежнев подхватил эту мысль: «Надо будет им сказать, что значит введение военного положения, разъяснить им все толком». Андропов тут же ее развил: «Правильно, надо именно рассказать, что введение военного положения – это означает установление комендантского часа, ограниченное движение по улицам городов, усиление охраны государственных, партийных учреждений, предприятий и т. д.» Более того, он говорил о необходимости введения «строгих мер» и на советских территориях, где проявляется деструктивное влияние польских событий¹⁶.

Встреча с польскими руководителями состоялась под Брестом в период между 26 марта, когда было принято соответствующее решение Политбюро ЦК КПСС, и 9 апреля, когда Андропов и Устинов представили о ней отчет¹⁷. Проходила встреча в обстановке секретности с 9 часов вечера – до 3 утра в железнодорожном вагоне на путях в районе советско-польской границы, чтобы «польские товарищи, – как сказал Андропов, – не обнаружили себя, что они куда-то выезжали». Каня и Ярузельский, по его словам «были в очень напряженном состоянии, нервничали». Каня прямо признал, что контрреволюция сильнее, антисоциалистические силы насаждают. Но, говорил Андропов, «что касается ввода войск, то они прямо сказали, что это совершенно невозможно, точно также нельзя вводить военное положение»; «их не поймут и они будут бессильны что-либо сделать». «Товарищи подчеркнули в беседе, что они наведут порядок своими силами». С советской стороны выразили сомнение по этому поводу и напомнили об опыте решительных действий в других странах, например в Югославии, да и «во многих странах чуть только вспыхнет восстание или начнется какая-то неразбериха, вводится чрезвычайное или военное положение».

Польским представителям был представлен для подписания проект документа о введении военного положения. Они отказались это сделать без решения Сейма. Андропов пошел на то, чтобы трактовать документ как инструкцию на случай применения такой меры. Его следует, настаивал он, все же подписать «с тем, чтобы мы знали, что вы с этим документом согласны и будете знать, что надо делать во время военного положе-

ния». Поляки документ взяли, но не стали его подписывать, не читая.

Обсуждение политических вопросов положения в Польше сконцентрировалось на укреплении позиций партии и государства. Намерение создать Фронт национального спасения Польши для поиска адекватных политических решений было одобрено советскими представителями с оговоркой, что «этот фронт не должен подменять партию и правительство». Инициатива о введении в Политбюро ЦК ПОРП троих рабочих одобрена не была как не укрепляющая этот орган и не имеющая прецедента в советской практике. Предлагалось альтернативное избрание рабочих в состав ЦК или введение их в органы рабочего контроля. В качестве мер воздействия на польское общественное мнение было указано на опасность претензий ФРГ на Силезию и Гданьск, что можно «как следует» обыграть для сплочения народа, а также на пропаганду значения советской экономической помощи, которую можно потерять.

Особо обсуждались борьба с «Солидарностью» за влияние на депутатов сейма и раскол в руководстве ПОРП. Идея ряда ортодоксальных деятелей в ЦК (партийного «бетона») организовать подпольное Политбюро — как выяснилось, якобы по рекомендации Т. Живкова, — была отвергнута как влекущая за собой сдачу позиций и проигрыш. При рассмотрении 9 апреля отчета Андропова и Устинова в Политбюро ЦК КПСС Сулов предложил пресекать подобные инициативы, подготовив информацию для братских партий¹⁸.

Очередные беседы представителей польского руководства с руководителями КПСС рассматривались на Политбюро 30 апреля. Брежнев констатировал, что «они» нас выслушивают, но не делают так, как мы им советуем. Было решено в следующий раз проинформировать об этом руководителей других партий — советские лидеры убедились в неэффективности принимаемых мер и посчитали необходимым искать активной поддержки в «социалистическом содружестве»¹⁹.

Вопрос о подавлении «мятежа» в Польше вооруженными средствами и дальше не сходил с повестки дня во время контактов с польским руководством. На XXVI съезде КПСС Брежнев пообещал «не оставлять Польшу в беде и не давать ее в обиду». В записке «Комиссии Сулова» по польскому вопросу содержалась рекомендация в максимальной степени использовать для сдерживания внутренней контрреволюции в Польше и поддерживавших ее сил международного империализма фактор вероятности ввода в Польшу советских войск²⁰. После телефонного разговора с Каней, на которого такая перспектива возымела действие, Брежнев 18 июня констатировал: «Может быть, они в конце концов задумаются и начнут действовать энергично»²¹.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 10 сентября принятое съездом «Солидарности» «Обращение к народам Восточной Европы» Брежнев назвал «опасным и провокационным» и подчеркнул: «Слов в нем немного. Но все они бьют в одну точку. Его авторы хотели бы вызвать смуту в со-

циалистических странах, взбудоражить группки разного рода отщепенцев. Думаю, нельзя ограничиться критикой в печати этой наглой выходки. Что, если отпор этим демагогам дадут коллективы наших крупных предприятий, такие, скажем, как Кировский завод, Магнитка, КамАЗ и др.?). На этом заседании советское руководство вновь выразило резкое неодобрение по поводу неприятия польскими руководителями рекомендаций Москвы, в то время как ситуация в Польше все время ухудшалась²². С. Каня и его ближайшие сторонники полностью утратили доверие Кремля, а Брежнев избегал контактов с первым секретарем ЦК ПОРП.

Стремление советского руководства опереться на ортодоксальные «здоровые силы» в польском руководстве (на «бетон») набирало силу и привело к тому, что в сентябре 1981 г. был сделан выбор в пользу премьера польского правительства и министра обороны В. Ярузельского, ставшего новым первым секретарем ЦК ПОРП. В Москве рассчитывали, что он способен перейти «к решительным действиям против контрреволюции».

На заседании Политбюро 21 октября, после визита К.В. Русакова в Варшаву, в пункте «Отношение к Польше» единодушно была сформулирована позиция: на все попытки поляков выяснить подлинные намерения советского руководства отвечать, что СССР не будет вводить войска в Польшу. Отказ от такого шага Устинов обосновал тем, что поляки не готовы «принять наши войска». Брежнев констатировал, что в случае гарантии неприменения войск ОВД для достижения стабилизации в ПНР нет ясности, что дальше будет с Польшей²³. Действительно, внутренние противоречия в стране достигли критического уровня, и она оказалась на пороге гражданской войны. Это была качественно новая ситуация, исключавшая относительно легкий выход из нее. Учитывая это Л.И. Брежнев через советского посла в ПНР Б.И. Аристову обратился к В. Ярузельскому с «устным призывом» учесть, что дело уже не в том, будет конфронтация или нет, а в том, кто ее начнет и какими средствами она будет осуществляться, кто сохранит в своих руках инициативу²⁴.

При рассмотрении 29 октября вопроса «Об итогах поездки т. Русакова в ГДР, ЧССР, ВНР, НРБ» в контексте положения в Польше, Политбюро приняло к сведению заявление Андропова: «Польские руководители поговаривают о военной помощи со стороны братских стран. Однако нам нужно твердо придерживаться своей линии — наши войска в Польшу не вводить». На заседании 21 ноября Политбюро постановило признать целесообразным прием в СССР партийно-государственной делегации ПНР во главе с В. Ярузельским, которому рекомендовалось твердо и последовательно проводить принятые решения в жизнь. Варианты протокола заседания Политбюро ЦК КПСС с датой «21 ноября» существенно различаются один от другого. В архивной «рабочей записи», переданной Ярузельскому, нет ключевой, пятой страницы. Опубликованный вариант по сравнению с «рабочей записью» явно был подвергнут дополнительно редактированию. В первом варианте речь идет об обсуждении с

Ярузельским вопроса о военной помощи, во втором тот настаивает, что Польша справится с ситуацией собственными силами. На заседании Политбюро Суслов констатировал: «Ярузельский хитрит с нами»²⁵. По воспоминаниям одного из участников переговоров с руководством ПНР того периода, М.А. Суслов считал возможным использовать угрозу советского военного вмешательства для воздействия как на внутреннюю ситуацию в Польше, так и на развитие отношений между Востоком и Западом²⁶. К 10 декабря 1981 г., ко времени внеочередного заседания Политбюро, (последнего перед введением в ПНР военного положения) позиция Суслова выглядела уже недвусмысленно. Если войска ОВД будут введены в Польшу, заявил он, «то это будет означать катастрофу. Я думаю, что у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может». Другие члены его комиссии – А.А. Громько, В.В. Гришин, Д.Ф. Устинов – твердо высказались за «невмешательство»²⁷. Таким образом, было одобрено и принято длительное время вынашиваемое решение о разрешении «польского вопроса» посредством силовых структур ПНР. Информация о позиции советского руководства по вопросу о методах преодоления кризиса в Польше содержится в двух редакциях «рабочей записки» 21 ноября 1981 г. Первая – краткая архивная, составленная, вероятно, непосредственно по итогам заседания Политбюро ЦК КПСС, и вторая – дополненная и с перенумерованными листами. Она была подготовлена для публикации и для передачи Б.Н. Ельциным в августе 1993 г. Л. Валенсе. Вторая редакция выглядит правдоподобной, хотя и содержит ряд противоречий²⁸. С одной стороны, в ней неизменно подчеркивается тезис, что наведение порядка в Польше – дело самой ПОРП, ее ЦК и политбюро, а с другой – в отличие от первой редакции, усилено звучит утверждение о якобы имевших место просьбах поляков ввести советские войска. Последнее, по-видимому, предназначалось на тот случай, если бы войска ОВД все же были бы введены в Польшу и потребовались бы аргументы для оправдания этой акции.

Введение в ПНР военного положения, о чем объявит председатель Государственного совета Г. Яблоньский, ожидалось в ночь на 12 или 13 декабря. Как следует из материалов «Комиссии Суслова», В. Ярузельский якобы утверждал, что соответствующий закон можно будет принять только после того, как он будет обсужден в Сейме. Сессия Сейма должна была состояться 15 декабря. Ярузельский как будто бы выражал намерение в случае необходимости «связаться с союзниками» на предмет введения их войск на территорию Польши и ожидал, что такая помощь «будет оказана и со стороны СССР», ссылаясь на маршала В.Г. Куликова. Сообщавший об этом К.В. Русаков поспешил уточнить, что Куликов сказал это «не прямо», он просто повторил слова Брежнева, что мы «Польшу в беде не оставим». Андропов же, связывавшийся с министром М. Милевским, констатирует иное: «они пока не имеют твердого решения о введении военного положения», не установлена и вероятная дата. Более того, на операцию

«Х» они пойдут тогда, когда ее «навяжет «Солидарность». Андропов считает должным подчеркнуть, что заявление Куликова о введении частей ОВД «было бы неправильным», что проведение операции «целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем». Смысл советской позиции он объясняет так: «Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью “Солидарности”, то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия»²⁹.

Следует отметить, что существуют разные варианты записи цитируемого документа, что передаваемые в 1993 г. польской стороне документы были подвергнуты правке. Например, речь Андропова на заседании 10 декабря 1981 г. в изложении второй редакции звучит так: «Ярузельский опять поднимает вопрос о нашем военном вмешательстве. Мы уже говорили ему, что мы не можем вмешиваться в польские дела, мы не будем этого делать, но он, видимо, не очень надеется на свою армию. И поэтому, в качестве гарантийной меры, хотел бы иметь нашу гарантию о нашем вмешательстве. Однако мы должны еще раз ему разъяснить, что мы в польские дела вмешиваться не будем. Он должен рассчитывать только на свои силы. Одно дело, если в Польше победит “Солидарность”, и совсем другое, если мы туда вторгнемся, и на нас обрушится весь западный мир с санкциями и т. д.»³⁰.

В заключение можно констатировать, что события 1980–1981 гг. развивались столь интенсивно, а социально-политические процессы в Польше в сочетании с внешнеполитическими факторами были настолько сложными и противоречивыми, что не могло не сказаться на характере политической стратегии и тактики как польского, так и советского руководства, политические оценки и планы действий которых неоднократно менялись и приобретали весьма противоречивые формы. Эту противоречивость отразили документы Президентского архива и их позднейшие публикации. Этот вывод находит подтверждение в письме М.С. Горбачева от 31 августа 1995 г. в Комиссию конституционной ответственности Сейма, разбиравшую вопрос о введении военного положения. Говоря об обстоятельствах введения в ПНР в 1981 г. военного положения, Горбачев, после смерти Сулова возглавивший «польскую комиссию» ЦК КПСС, в частности утверждал: «Советское руководство металось в поисках выхода между двумя, одинаково неприемлемыми для него решениями: согласиться с хаосом, охватившим Польшу и влекущим за собой распад всего социалистического лагеря, или отреагировать на события в Польше вооруженной силой <...> Тем не менее наши войска, танко-

вые колонны вдоль границы с Польшей, а также достаточно сильная Северная группа войск внутри Польши — все это при определенных экстремальных условиях могло быть приведено в действие»³¹.

13 декабря 1981 г., в 00 часов, в Польше было введено военное положение, о чем наутро в 6 часов было объявлено стране. В тот же день Политбюро ЦК ПОРП, информируя об этом руководство стран ОВД, подчеркнуло, что накануне в ответ на сообщение В. Ярузельского о своих намерениях «ему передали, что советское руководство относится к такому решению польских товарищей с пониманием», одобряет обращение генерала Ярузельского к народу³².

И после отмены 22 июля 1983 г. длившегося полтора года военного положения советские руководители продолжали следить за развитием ситуации в Польше, которая после «охлаждения» внутреннего конфликта продолжала двигаться в направлении демократических преобразований в сфере политики и развития рыночной экономики. 26 апреля 1984 г., накануне визита В. Ярузельского в Москву, Политбюро ЦК КПСС в очередной раз обсудило положение в ПНР, заслушав доклад вернувшихся из поездки в Польшу А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова. К.В. Русаков констатировал, что Польша, «называясь социалистической страной, никогда не была социалистической в полном смысле этого слова» и теперь отнюдь не торопится переходить на рельсы «реального социализма»³³. Это было по существу признанием, что потерпела неудачу советская политика 1980–1983 гг., направленная в духе «доктрины Брежнева» на «нормализацию ситуации» в Польше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ V съезд Польской Объединенной рабочей партии. 11–16 ноября 1968 г. Основные материалы и документы. М., 1969. С. 207.

² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89.

³ Документы «Комиссии Суслова»: События в Польше // Новая и новейшая история. 1994. № 1. (Далее – Документы «Комиссии Суслова»).

⁴ <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/poland/polandrus.html>

⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 46. Д. 59. Л. 4–7.

⁶ Там же. Оп. 42. Д. 37. Л. 1–5.

⁷ Там же. Оп. 46. Д. 81. Л. 18.

⁸ Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 88.

⁹ Там же. С. 95; РГАНИ. Ф. 89. Оп. 43. Д. 49. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 35. Л. 4.

¹¹ Там же. Оп. 42. Д. 36. Л. 3; Д. 59. Л. 2 и др.

¹² Там же. Д. 36. Л. 4, 5.

¹³ *Rakowski M.F.* Jak to się stało. Warszawa, 1991. S. 25.

¹⁴ Заместитель заведующего Отделом ЦК по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Г.Х. Шахназаров утверждал в воспоминаниях, что Сулов вообще исключал обсуждение в комиссии проблематики военного вмешательства в Польше. См.: *Шахназаров Г.Х.* Цена свободы. М., 1993. С. 112–113.

¹⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 39. Л. 38.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Д. 40. Л. 2–6.

¹⁸ Там же. Д. 40. Л. 2–6; Д. 46. Л. 3.

¹⁹ Там же. Оп. 44. Д. 42. Л. 4.

²⁰ Документы «Комиссии Сулова» С. 92.

²¹ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 41. Д. 44. Л. 5.

²² Там же. Оп. 42. Д. 46. Л. 2.

²³ Документы «Комиссии Сулова» С. 98.

²⁴ Документы «Комиссии Сулова» С. 98.

²⁵ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 41. Д. 48. Л. 4–6; Документы «Комиссии Сулова». С. 98.

²⁶ Г.Х. Шахназаров утверждал, что М.А. Сулов считал целесообразным держать поляков и весь мир в убеждении, что введение советскими войсками военного положения «не исключено» и что для этого следует всячески демонстрировать силу. «Верил в это Ярузельский или нет, – по словам мемуариста, – не имело особого значения <...> как руководитель страны, он обязан был не исключать такой возможности». См.: *Шахназаров Г.Х.* Встречи с лидерами социалистических стран // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 161.

²⁷ Документы «Комиссии Сулова». С. 97–99, 101, 102.

²⁸ См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 66. Д. 6; Документы «Комиссии Сулова». С. 97–103; Советский архив / Собран В. Буковским. – psi.ece.jhu.edu

²⁹ Документы «Комиссии Сулова». С. 100.

³⁰ См.: РГАНИ. Ф. 89. Оп. 66. Д. 6.

³¹ *Ярузельский В.* Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году? // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 115–116.

³² Документы «Комиссии Сулова». С. 104.

³³ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 42. Д. 57. Л. 3, 4, 6.

Специфика источниковой базы «современной истории» и исследования по истории российско-польских отношений рубежа XX–XXI вв.

Как и в прежние времена, из-за режима секретности ряда сторон деятельности властных институтов и недоступности для исследователей текущих архивов многих учреждений и самого разного рода политических, общественных, религиозных объединений и организаций значительная часть первоисточников по новейшей истории остаются вне сферы научного изучения. Вместе с тем с начала 1990-х годов возможности полноценного исследования историками современных российско-польских отношений весьма расширились. Во-первых, это связано с демократизацией общественных отношений в России и Польше, увеличением транспарентности в деятельности государственных органов обеих стран, во-вторых, – с быстрым развитием электронных СМИ, прежде всего Интернета, посредством которого исследователи получили возможность доступа к большому объему текущей информации из сотен источников. Здесь можно найти различного рода информацию о современных российско-польских отношениях на порталах и сайтах президентов и премьер-министров Российской Федерации и Республики Польша, министерств и ведомств, посольств и торгпредств, органов статистики, центров исследования общественного мнения, печатных и электронных СМИ – газет и журналов обеих стран, на сайтах различных аналитических и научных организаций и др.

Для историка весьма важно: имеют ли эти порталы и сайты архивы. Как правило, на сайтах официальных структур и центральных газет архивы присутствуют, охватывая в основном период с конца 1990-х годов или с начала XXI в. Вместе с тем пользование архивами таких популярных в Польше газет, как «Жечпосполита» (Rzeczpospolita) и «Газета Выборча» (Gazeta Wyborcza), являются платными. К тому же, на открытых сайтах газет размещаются только часть статей и материалов, содержащихся в их печатной версии, некоторые из статей даются в сокращении. Это вынуждает исследователей или прибегать к услугам платных порталов в Интернете, или использовать при работе выборочно некоторые номера самих газет. Важную вспомогательную роль для исследователя играет наличие практически на всех порталах и сайтах систем поиска, что позволяет в течение нескольких секунд увидеть названия файлов, в которых содержится информация по интересующему историка сюжету.

Содержащаяся в Интернете информация, хотя и не является исчерпывающей, все же позволяет историку отслеживать основные события и факты в российско-польских отношениях, достаточно хорошо ориентироваться в тенденциях их развития. Историкам будущего, которые полу-

чат доступ к архивам государственных органов, остается лишь анализ и оценка некоторых нюансов и деталей в этих отношениях. Нельзя исключать, что через 30–40 лет ряд важных электронных носителей информации могут быть утрачены. В результате историк будущего не будет иметь возможность использовать источники, к которым имел доступ сегодняшний исследователь.

Правда, межгосударственные договоры и соглашения лучше искать в печатных изданиях. В России это ежегодные сборники документов и материалов «Внешняя политика Российской Федерации», а в Польше — это квартальник «Собрание документов — документы внешней политики» (*Zbiór dokumentów — Dokumenty z zakresu polityki zagranicznej*). Особенность и ценность польского издания состоит в том, что документы по российско-польским отношениям в нем публикуются параллельно на польском и русском языках. Существует и его электронная версия на сайте: www.zbiordokumentow.pl. С точки зрения историка, изучающего новейшую историю, недостатком этих сборников документов является то, что они издаются с опозданием в несколько лет. К сожалению, самые новые договоры и соглашения весьма редко появляются в Интернете сразу же после их подписания или ратификации. Запаздывание их публикации в Сети может составлять от полугода до двух-трех лет.

Историкам по-прежнему не доступны первоисточники в области российско-польских политических отношений. Речь идет о стенограммах переговоров президентов и премьер-министров, правительственных делегаций, министров России и Польши, их телефонных разговорах, письмах, которыми обмениваются государственные деятели и др. Однако какую-то часть информации можно почерпнуть из опубликованных воспоминаний и интервью, содержащих воспоминания российских и польских политиков, достаточно упомянуть мемуары Б.Н. Ельцина, Леха Валенсы, В.В. Костикова и др.

Вместе с тем сайты президентов, премьер-министров, министерств иностранных дел обеих стран содержат информационные сообщения о встречах и визитах, о выступлениях во время визитов и на пресс-конференциях после встреч. Эти источники дают представления об обсуждавшихся проблемах во взаимных отношениях, о российской политике в отношении Польши и польской — в отношении России. На сайтах президентов помещаются также тексты различного рода официальных заявлений, в частности, в связи с национальными праздниками стран, со вступлением в должность глав государств, с выражением соболезнований. Например, 8 мая 2008 г. президент Польши Лех Качиньский поздравил президента Российской Федерации Д.А. Медведева со вступлением в должность¹.

Во время визита в феврале 2008 г. премьер-министра Польши Дональда Туска после его встреч с главой правительства РФ В.А. Зубковым, кандидатом в президенты России Д.А. Медведевым, президентом РФ В.В. Путиным

на сайтах правительства (www.government.ru) и президента России (www.kremlin.ru) появились видеоматериалы, которые дают представления об атмосфере встречи, информационные сообщения, вступительное слово на пресс-конференции и тексты ответов российских руководителей на вопросы журналистов. В Польше на сайте канцелярии премьер-министра (www.kprm.pl) была размещена подробная информация о визите Туска в Москве, в которой упор был сделан на высказывания польского премьера.

Важная информация о взаимных политических (и не только) отношениях содержится на сайтах министерств иностранных дел России и Польши. Особенно это касается сайта министерства иностранных дел РФ (www.mid.ru), где, прежде всего, можно ознакомиться с ежедневным Информационным бюллетенем департамента информации и печати министерства. Он содержит сообщения пресс-службы президента России, сообщения пресс-службы правительства России и сообщения МИД России. Перед визитами польских руководителей в Россию, а российских – в Польшу официальный представитель МИД РФ, как правило, дает российским СМИ или информационным агентствам и агентствам печати интервью по вопросам российско-польских отношений, в котором дается оценка их состояния в разных областях взаимодействия, приводятся конкретные факты и цифры. В рубрике сайта «Россия – страны мира» можно найти раздел, посвященный отношениям РФ с РП. Он содержит как информационно-аналитические материалы о состоянии отношений практически во всех сферах, подготовленные сотрудниками отдела Польши МИД, так и информацию об основных событиях, происходивших во взаимных отношениях с 2000 г. по сегодняшний день.

К сожалению, на открытой части сайта министерства иностранных дел Польши нельзя найти обширную информацию о польско-российских отношениях. Когда в 2006 г. министром иностранных дел стала Анна Фотыга, доступ к некоторым его рубрикам был закрыт. Новый министр иностранных дел Родослав Сикорский не изменил этой практики. Вместе с тем даже общедоступная информация о текущих событиях во взаимных отношениях, без сомнения, может быть охарактеризована как обширная и интересная. Важную информацию о польской политике в отношении России содержит Информация министра иностранных дел, с которой он ежегодно выступает перед Сеймом.

Информацию об основных событиях во взаимных отношениях можно почерпнуть и на сайтах посольства России в Польше и посольства Польши в России, как правило, в рубрике «Новости» (www.poland.mid.ru; www.moskwa.polemb.ru). Эта информация носит сухой без комментариев и оценок характер. К сожалению, эти сайты в последние годы велись нерегулярно, особенно это касается сайта польского посольства в Москве, архивы у этих сайтов отсутствуют. Важным источником о развитии российско-польского межрегионального сотрудничества являются сайты регионов и городов России и Польши. На них можно найти соглашения о

взаимном сотрудничестве, информацию о визитах делегаций и обменах в разных областях, о состоянии торговли и др.

Наиболее обширную информацию Интернет содержит о российско-польских экономических отношениях. Ее можно найти на сайтах министерств экономики, органов национальной статистики, торговых представительств, торгово-промышленных палат, компаний, на различных бизнес-сайтах и порталах, сайтах центральных и региональных газет.

Основные данные о российско-польской торговле (товарооборот, экспорт и импорт, структура торговли) ежемесячно и за год представлены на сайтах Федеральной службы государственной статистики РФ — Росстат (www.gks.ru) и Центрального статистического управления РП (www.stat.gov.pl). В последние годы польское ЦСУ дает развернутую годовую информацию о российско-польской торговле, что облегчает научный анализ тенденций ее развития. В России такую информацию предоставляет в ежеквартальных бюллетенях «Российская Федерация и страны мира. Польша» российская компания ООО «Академия-Сервис» (торговая марка-FT Inform) (www.ftinform.com). С мая 2008 г. министерство промышленности и торговли (до мая 2008 г. Министерство экономического развития и торговли РФ) и министерство экономики РП на своих сайтах (www.economy.gov.ru; www.minprom.ru; www.mg.gov.pl) размещают в основном информационно-аналитические материалы о российско-польской торговле. Российские министерства дают такого рода информацию в связи с визитами российских министров в Варшаву, а также перед заседанием Российско-польской межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Польское министерство ежегодно готовит два больших доклада «Состояние польской внешней торговли»² и «Состояние польской экономики»³, содержащие интересные и глубокие разделы о состоянии взаимной торговли и ближайших перспективах ее развития.

Размещаются на сайте министерства экономики Польши также и специальные информационно-аналитические материалы, посвященные различным проблемам торговли Польши с Россией. Например, в ноябре 2006 г. была обнародована информация «Факторы, влияющие на польский экспорт на российском рынке»⁴, а в январе 2008 г. — материал «Изменения в экспорте из Польши сельскохозяйственных и продовольственных товаров в контексте ограничений импорта из Польши в Россию»⁵. Одновременно на этом сайте можно ознакомиться с основными статистическими данными о польско-российской торговле по месяцам, а также с оценкой ее состояния по кварталам, полугодиям и годам, начиная с 2003 г.

Фактический материал о взаимной торговле и сотрудничестве в аграрной сфере можно почерпнуть на сайтах министерств сельского хозяйства обеих стран (www.mcx.ru; www.minrol.gov.pl). На сайте польского министерства сельского хозяйства и развития деревни размещается ежегодная публикация «Сельское хозяйство и производство продуктов питания в Польше» на польском, английском и на русском языках⁶. В этом докладе есть раздел о внеш-

ней торговле сельскохозяйственными и продовольственными товарами, в том числе между Польшей и Россией.

Самую разнообразную информацию о российско-польских экономических отношениях в целом, а не только о взаимной торговле, можно найти на сайтах официальных торговых представительств РП. В Польше функционирует торгпредство РФ, а в России – Отдел содействия торговле и инвестициям посольства РП в РФ. На сайте торгового представительства РФ в Польше (poland.rustrade.org) размещаются материалы о динамике российско-польского товарооборота, структуре российского экспорта и импорта, номенклатуре российского экспорта, об инвестиционном сотрудничестве, о развитии связей в топливно-энергетическом секторе, об экономическом сотрудничестве между регионами России и Польши⁷. На этом сайте помещены перечень и тексты межгосударственных российско-польских соглашений и правовых актов, регулирующих экономические связи между двумя странами.

На сайте польского Отдела содействия торговле и инвестициям (ранее www.polwech.ru, в последнее время moskwa.trade.gov.pl) можно ознакомиться с информационно-аналитическими материалами о польском экспорте и польских инвестициях в России. Важным источником являются также бюллетени Отдела. В 2007 г. их было подготовлено 11, в 2008 г. – 12. К сожалению, на сайте польского торгпредства размещены только отдельные номера Бюллетеня экономической информации. Однако они доступны на сайтах министерства экономического развития и торговли (сейчас на сайте министерства промышленности и торговли (www.minprom.ru)), а также на сайте Торгово-промышленной палаты РФ (www.tprgf.ru).

Дополнительно конкретный материал о российско-польских экономических отношениях можно найти на отраслевых экономических сайтах, различных бизнес-сайтах и прежде всего на сайтах органов местной власти, а также в центральной и местной печати.

Только изучение совокупности всех этих источников, размещенных в Интернете, позволяет исследователю дать широкую картину состояния российско-польских экономических отношений.

В отличие от взаимных политических и экономических отношений в Интернете и в СМИ практически отсутствуют какие-либо информационно-аналитические материалы по российско-польским отношениям в области культуры. Однако отдельных фактов и примеров отражающих развитие взаимных культурных связей достаточно много. Практически все события в этой сфере отражены в Интернете и в периодической печати, прежде всего на сайтах министерств культуры обеих стран (www.mkrf.ru; www.mkidn.gov.pl). На них можно найти информационные сообщения о встречах министров культуры РФ и РП, тексты соглашений о культурном сотрудничестве. В России наиболее подробно основные события во взаимных культурных связях освещены на сайтах

посольства РФ в Польше (www.poland.mid.ru) и Польского культурного центра в Москве (www.ipol.ru). В Польше — на сайте culture.pl. Однако значительно шире российско-польские культурные контакты освещаются на страницах периодической печати. Публикации на эту тему в газетах и еженедельниках более содержательны и образны, а также отличаются более высоким литературным уровнем, чем информация в Интернете. Часто статьи и заметки написаны художественными критиками и носят характер рецензии. Газеты часто публикуют интересные по содержанию интервью с деятелями культуры обеих стран. Наибольшее внимание российские СМИ уделяют деятелям польского киноискусства, среди которых наиболее популярны Кшиштоф Занусси, Анджей Вайда, Даниэль Ольбрыхский и Барбара Брыльска.

Благодаря Интернету современный историк для исследования российско-польских отношений может использовать российское и польское интерактивное телевидение и радио. Эти источники позволяют следить в основном за политическими событиями, одновременно наблюдая реакцию на них российской и польской общественности. Передачи телевидения и радио содержат оценки состояния российско-польских отношений политиками, журналистами, аналитиками, учеными.

С середины 1990-х годов Интернет стал своеобразным прорывом в доступе к достаточно широкому кругу источников по новейшей истории российско-польских отношений. Однако, претендуя на информационную универсальность, всемирная сеть не в силах предоставить исследователю, ни всей полноты информации, ни преодолеть ее субъективности и тенденциозности. Интернет выступает только как специфический носитель материала исторических источников, не представляя собой ни их новых классов, ни новых типов. Возможно, источники нового типа и сформируются в Интернете в будущем. На это указывают хотя бы наметившиеся жанровые и стилистические отличия электронной и письменной корреспонденции или же заметок и репортажей в блогах от соответствующих жанров традиционной журналистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Depesza gratulacyjna Prezydenta RP do Prezydenta Federacji Rosyjskiej // www.prezydent.pl (9.05.2008).

² Raport o stanie handlu zagranicznego // www.mg.gov.pl

³ Raport o stanie polskiej gospodarki // www.mg.gov.pl

⁴ Uwarunkowania polskiego eksportu na rynku rosyjskim // www.mg.gov.pl

⁵ Zmiany w eksporcie z Polski produktów rolno-spożywczych w kontekście ograniczeń importu z Polski do Rosji // www.wg.gov.pl

⁶ См.: www.minrol.gov.pl

⁷ Российско-польская торговля // poland.rustrade.org

Из истории Комиссии историков России и Польши

К 130-летию со дня смерти Юзефа Ковалевского (1800–1878)

В изучении Сибири, а также других регионов России видная роль принадлежала полякам. Судьбы этих людей складывались по-разному, различны были их интересы и устремления – все это зачастую было обусловлено обстоятельствами, в которых они оказались, например, будучи в ссылке за участие в польском освободительном движении.

Выдвинутый тезис находит подтверждение в биографиях многих польских ученых, живших и трудившихся в России. Среди них упомянем геолога, палеонтолога, географа, картографа, путешественника Александра Петра (Лаврентьевича) Чекановского (1833–1876); геолога, палеонтолога, географа, зоолога, путешественника Яна (Ивана Дементьевича) Черского (1845–1892); врача, зоолога, лимнолога Бенедикта Тадеуша (Ивановича) Наленч-Дыбовского (1833–1930); естествоведа, орнитолога, ближайшего сотрудника Дыбовского Виктора Игнация (Александровича) Годлевского (1831–1900); этнографа и географа Адама Шиманьского (Адама Ивановича Шиманского) (1852–1916); этнографа, географа и литератора Вацлава (Леопольдовича) Серошевского (1858–1945); языковеда, лексикографа и этнографа Элварда (Эдуарда Карловича) Пекарского (1858–1934); этнографа и языковеда Бронислава Петра (Осиповича) Пилсудского (1866–1918); геолога, геофизика Леонарда (Антоновича) Ячевского (1856–1916); географа, геолога, горного инженера Кароля Нереша (Карла Ивановича) Богдановича (1864–1947); антрополога, археолога, врача, автора очень интересного дневника Юлиана (Доминиковича) Талько-Грынцевича (Гринцевич) (1850–1936); геолога и палеонтолога Константия Воллосовича (1866–1919). Все они оставили заметный след как в российской, так и в польской науке.

В этой славной когорте была и большая группа востоковедов, к которой принадлежали: Юзеф (Осип Иванович) Сенковский (1800–1858); Александр (Леонардович) Ходзько (1804–1891); Игнаций (Игнатий Балтазарович) Петрашевский (1797–1869); переводчик Хафиза* Ян Непомуцен (Иван Антонович) Берниковский (1800–1877); Александр Шемиот (1800–1835); Август Жаба (1801–1891).

В российской и польской науке, бесспорно, заняли выдающееся место Эдвард Пекарский (1858–1934) и Вацлав Серошевский (1858–1945). Первый из них – наиболее заслуженный исследователь мирового масштаба. Его главный труд – «Словарь якутского языка», изданный в 1907–1930 гг.; во время работы над ним автор консультировался с профессором В. Котвичем. Пекарский был удостоен многих отличий: в 1907 г. он получил золотую медаль Русского географического общества, в 1927 г. стал членом-

*Хафиз (Мохаммед Шамседдин) – персидский поэт XIV в. (прим. перев.).

корреспондентом Академии наук СССР, а в 1925 г. — членом польского Общества востоковедения.

Другим крупным исследователем был В. Серошевский. В 1896 г. вышла его фундаментальная работа о якутах — «Якуты. Опыт этнографического исследования», а сокращенная польская версия этого сочинения была опубликована в 1900 г. в Варшаве под названием «Dwanaście lat w Kraju Jakutów. Wrażenia i notatki» («Двенадцать лет в Якутском крае. Впечатления и заметки»); существует также английская версия этого труда. В 1896 г., по предложению профессора кафедры истории востока Петербургского университета Н.И. Веселовского, императорское Русское географическое общество наградило книгу золотой медалью. Вацлав Серошевский был похоронен на Старом кладбище в Повонзках (участок 209, ряд 2).

К числу выдающихся ученых следует отнести монголиста профессора Владислава Котвича (1872–1944). Он окончил факультет восточных языков Петербургского университета (изучал монгольский, манжурский, китайский языки). В 1920 г. он стал директором Института живых восточных языков в Петрограде, был членом-корреспондентом Академии наук СССР. Котвич первым в России занялся манжурской филологией. В 1923 г. он вернулся в Польшу, был председателем польского Общества востоковедения. Полная библиография работ Котвича охватывает 146 позиций. Он — автор учебников описательной грамматики литературного монгольского языка (1902), калмыцкого разговорного языка (1915), а также монгольского языка желтых уйгуров (1939).

Самым значительным произведением Котвича стало «Исследование по алтайским языкам». Как писал профессор Ананьяш Зайончковский, ««Исследование» составляет гордость польского алтаеведения, которое ведет свое начало от традиций мицкевичевского периода* <...> и сохраняется благодаря Котвичу и его ученику М. Левицкому до наших дней». «Исследование по алтайским языкам» перевел на русский язык тюрколог Н.А. Баскаков. Кроме того, Котвич посвятил работы востоковедам Юзефу Ковалевскому и Антонию Мухлиньскому (1808–1877).

Мухлиньский (Антон Осипович Мухлинский) после окончания Виленского университета в 1826 г. поступил на отделение восточной филологии Петербургского университета в 1828 г., изучал арабский, персидский, турецкий; помимо этого знал санскрит, иврит и армянский языки. Вся научная деятельность Мухлиньского проходила в России: в 1832 г. он заканчивает учебу, в 1835 г. становится адъюнктом у арабиста Ю. Сенковского, в 1836–1839 гг. преподает арабский язык, литературу и грамматику. Он также излагает экзегезу Корана — читает и комментирует его по Байдави, главному кади Ширази, жившему в XIII в. В 1839–1845 гг. Мухлиньский возглавляет кафедру турецкого языка, читает лекции об особенностях османского языка и татарских диалектов. В 1845 г. он едет в Варшаву по семейным делам, в 1849–1866 гг. находится в Петербурге, где работает на прежней университетской

* Понятие, введенное Юзефом Ковалевским.

кафедре (с 1855 г. — кафедре турецко-татарского языка, с 1863 г. — турецко-татарской словесности), в 1866 г. возвращается в Варшаву.

Мухлинский был инициатором изучения польско-литовских татар. Значительными его трудами в этой области стали: «Исследование о происхождении и состоянии литовских татар» (Петербург, 1857), «Описание литовских татар, поданное одним из этих татар султану Сулейману в 1558 году; с турецкого языка перевел, объяснил и дополнил историческими материалами А. Мухлинский» (Варшава, 1858)*. Его же перу принадлежал «*Źródłosłownik...*» («Словарь источников»), который, по мнению Т. Стониша, наряду с «Исследованием о литовских татарах» является жемчужиной научного наследия Мухлинского. Мухлинский умер в Варшаве 25 октября 1887 г. и был похоронен три дня спустя. Из костёла Вознесения Св. Девы Марии на Лешно он был перевезен на Старое кладбище в Повонзках и погребен на участке 15 в 3-м ряду.

Автором изданной в Польше монографии о Ю. Ковалевском является профессор В. Котвич, однако, в связи с широким интересом к личности этого выдающегося монголиста в российской науке, она требует дополнения, особенно о казанском периоде в жизни ученого. Юзеф Щепан Ковалевский (по-русски Осип Михайлович) родился 28 декабря 1800 г. (9 января 1801 г.) в селе Большие Бржестовцы на Гроднинщине. Высшее образование он получил в Виленском университете (1820), где специализировался по классической филологии. За участие в Обществе филоматов Ковалевский был сослан вместе с Я. Берниковским под особый надзор полиции в Казань. В Казанском университете он занялся изучением арабского, персидского и татарского языков. По прошествии некоторого времени университетские власти решили, что он должен заниматься монгольской филологией. В связи с этим Ковалевский проводит много месяцев в Бурятии и Монголии, собирая материалы, касающиеся монгольского языка. В 1833 г. он сдает в Петербурге экзамен, который подтверждает его научную квалификацию. Он получает должность адъюнкт-профессора первой в Европе кафедры монгольского языка в Казанском университете. В 1837 г. Ковалевский становится членом-корреспондентом Российской Академии наук, а также членом многих научных обществ, деканом филологического факультета, преподавателем монгольских языка и литературы, а также ректором Казанского университета. В 1862 г. он получает кафедру всемирной истории в Главной школе в Варшаве**, а затем в императорском Варшавском университете.

* *Muchliński A.* Zdanie sprawy o Tatarach litewskich przez jednego z tych Tatarów złożone sułtanowi Sulejmanowi w roku 1558 / z języka tureckiego przełożył i objaśnił, materiałami historycznymi uzupełnił A. Muchliński. Wilno, 1858.

** Варшавская Главная школа (1862–1869) — Центральное высшее учебное заведение Королевства Польского (факультеты: права и администрации, историко-филологический, физико-математический, медицинский), преемница закрытого царскими властями в 1831 г. Варшавского университета, основана по распоряжению главы Правительственной комиссии общественного просвещения А. Велёпольского на базе располагавшейся в зданиях университета Медико-хирургической академии (прим. перев.).

Как справедливо пишет проф. Агата Барейя-Стажинская: «Польская монголистика может гордиться прекрасной родословной, поскольку ее основоположником мирового масштаба был Юзеф Ковалевский <...> труды проф. Ковалевского были опубликованы в царской России и рассматриваются как принадлежность ее культурного наследия. К наиболее значительным научным достижениям Ковалевского принадлежит трехтомный “Монгольско-русско-французский словарь” с тибетскими и санскритскими аналогами. Это самый лучший источник для изучения монгольской буддийской терминологии».

Ординарным профессором Варшавского университета Ковалевский оставался до своей кончины 7 ноября 1878 г. Траурная церемония прошла 11 ноября, начавшись мессой в костёле Св. Креста в Варшаве. Музыканты под управлением Антония Коханьского исполнили «Похоронный гимн» В. Трошеля и «Salve Regina» («Радуйся, Мать Божья») К.А. Фрайера. Ученый был похоронен на Старом кладбище в Повонзках (участок 66 в 3-м ряду). Сооружением памятника занялся родившийся в Казани сын Ю. Ковалевского Павел (1843–1903), ставший впоследствии профессором Академии художеств в Петербурге, а в 1879 г. находившийся в Варшаве. Он поддерживал близкие контакты с польскими художниками, выставлял свои картины во Львове (1875), Варшаве (1882), Кракове (1897) и знал польский язык*.

Время, непогода, военные действия и отсутствие попечения привели к тому, что надгробный памятник на могиле Ю. Ковалевского обветшал и постепенно разрушался. Кроме того, иконография, представляющая надгробие, не сохранилась. На одном из заседаний Комиссии изучения истории Сибири (Институт истории науки ПАН) автор данной статьи выступил с сообщением о состоянии памятника и продемонстрировал его фотографии. Мы обратили внимание научной общественности на то, что значительная часть надгробной надписи нечитаема и что вскоре никто не будет знать, кто здесь похоронен. Тогда в связи с предстоящими траурными мероприятиями, посвященными 130-летию со дня смерти Ю. Ковалевского, мы предложили привлечь к делу восстановления его памятника польское Общество востоковедения, Музей литературы им. А. Мицкевича, а также Институт востоковедения Варшавского университета. Эта инициатива получила поддержку членов комиссии, в частности директора Института истории науки ПАН профессора Л. Заштовта и Э. Маляка, высказавших мнение, что при поддержке Кассы им. Юзефа Мянковского — фонда поддержки науки — надгробный памятник удастся восстановить. Личное содействие в финансировании реставрации надгробия Ю. Ковалевского оказали профессора Э. Маляк, Е. Тулисов, З. Вуйчик и автор этих строк.

* Сыновья Ю. Ковалевского — Павел и Николай. Последний — по профессии врач, профессор Медицинского факультета и ректор Казанского университета. Оба сына приняли православие и считались «русскими» (прим. перев.)

Принимая во внимание факт, что Старое кладбище в Повонзках находится под опекой Воеводского комитета охраны памятников, Касса им. Мянковского 29 ноября 2008 г. сообщила управлению кладбища о готовности провести восстановительные работы. Одновременно обратились к художнику-реставратору, магистру Паулине Гарбач-Витковской с просьбой составить проект и смету. В задачи реставратора входило приготовление описательной и фотографической документации до и после реставрации; проведение фундаментных работ (расчистка, демонтаж поврежденных конструкций, строительство обновленного основания и восстановление фундамента) и в дальнейшем подъем и повторный монтаж надгробия на новом фундаменте. После утверждения сметы Кассой 23 апреля 2009 г. был заключен договор между Общественным комитетом охраны старых Повонзок и Кассой им. Мянковского, что и позволило реставраторам приступить к работе. Восстановление надгробного памятника было завершено в установленный срок, 15 ноября 2009 г.

17 ноября 2009 г. состоялась торжественная церемония, посвященная 130-летней годовщине кончины Ю. Ковалевского. В ней приняли участие представители Кассы им. Мянковского, Института истории науки ПАН, Комиссии изучения истории Сибири, Института востоковедения Варшавского университета, кафедры тюркологии и народов Центральной Азии. Собравшиеся почтили память выдающегося ученого. Выступали: профессор З. Вуйчик, говоривший о пребывании Юзефа Ковалевского в Виленском университете, профессор И. Шиллер — о деятельности Кассы, направленной на поддержку научных исследований, М. Жук — о общественной акции по восстановлению памятника Ковалевскому. О педагогической деятельности Ковалевского в Варшавском университете говорил Е. Тулисов. В торжественной церемонии принял участие 2-й секретарь Посольства Российской Федерации Андрей Карбовский. Его речь была посвящена вкладу Ю. Ковалевского в российскую и польскую науку. Траурная церемония завершилась молитвой, произнесенной мусульманским священником.

Перевод О. Каштановой

Избранные работы Комиссии изучения истории Сибири

2006 г.

Польские врачи в Сибири. К 70-летию со дня смерти Юлиана Талько-Грынцевича

Badania archeologiczne Juliana Talko-Hrynecwicza w okolicy Kiachty
Obecność dokonau̇ Juliana Talko-Hrynecwicza we współczesnej literaturze
karaimskiej oraz polsko-litewskich Tatarów
Lekarze polscy w Rosji – problem badawczy

2007 г.

Владислав Котвич (1877–1944), востоковед, 135 годовщина со дня рождения

Życie i działalność Władysława Kotwicza
Spuścizna naukowa Władysława Kotwicza w Archiwum PAN/PAU w Krakowie

Karaimscy i muzułmańscy respondenci Władysława Kotwicza

Władysława Kotwicz o Józefie Kowalewskim

В ознаменование 90-летней годовщины со дня смерти Бронислава Пилсудского

Grób Antoniego Muchlińskiego – orientalisty – na cmentarzu Powązkowskim w Warszawie

2008 г.

В 150-летнюю годовщину со дня рождения Эдварда Пекарского

Nad słownikiem języka j akuckiego Edwarda Piekarskiego
Echa zgonu Edwarda Piekarskiego w okresie międzywojennym w Polsce
Uczeni Polscy pozostali w ZSRR w okresie międzywojennym

2009 г.

Sprawa renowacji grobu Józefa Kowalewskiego na cmentarzu Powązkowskim w Warszawie

Józef Kowalewski we wspomnieniach potomnych

Ostatnia konferencja w Uniwersytecie Kazańskim poświęcona Józefowi Kowalewskiemu

Uroczystość odsłonięcia pomnika nagrobного Józefa Kowalewskiego na cmentarzu Powązkowskim w Warszawie

2010 г.

Jakuckie zainteresowania działalnością naukową Władysława Kotwicza

Oksana Polianskaja (Uniwersytet Buriacki – Rosja), Listy i dzienniki monolisty Józefa Kowalewskiego w rosyjskich archiwach

Список использованной литературы

Polscy badacze Syberii. Wystawa 2008–2009. Archiwum Polskiej Akademii Nauk /red. nauk. Joanna Arwaniti // <http://www.petea.home.pl/apan/pl>.

Słabczyński W. i T. Słownik podróŜnych polskich. Warszawa, 1992.

Sieroszewski A. Słowo i czyn. Źycie i twórczość Wacława Sieroszewskiego. Warszawa-Wrocław, 2008.

Bareja-Starzyńska A. Mongolistyka i Tybetologia // 75 lat Instytutu Orientalistycznego Uniwersytetu Warszawskiego. Praca zbiorowa pod redakcją naukową Macieja Popko. Warszawa, 2007.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М, 1962.

Kotwicz W., Kotwiczówna M. Orientalista Antoni Muchliński: życie i dzieło. Wilno, 1935.

Stonisz T. Antoni Muchliński orientalista polski 1808–1877 // Rocznik Tatarski. Zamość, 1935. T. 2.

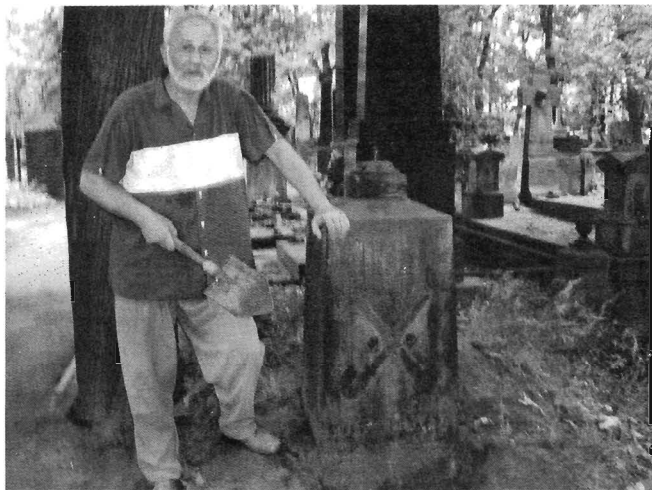
Kotwicz W. Józef Kowalewski orientalista (1801–1878). Wrocław, 1948.

Szkice z dziejów orientalistyki polskiej. Warszawa, 1957. T. 1.

Ковалевский О.М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань, 1844–1849. Т. 1–3.

Sprawozdania z prac Komisji Badań nad Historią Syberii za rok 2006, 2007, 2008, 2009, 2010.

Полянская О.Н. Российско-польские научные связи в области монголоведения и тюркологии в XX веке по материалам архива польской Академии наук // Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 2010. № 51.

Памятник Юзефу (Осипу Михайловичу) Ковалевскому (1800/1801–1878) в Варшаве на Старом кладбище в Повонзках (участок 66 в 3-м ряду). До реставрации (апрель 2009 г.)

Памятник Юзефу (Осипу Михайловичу) Ковалевскому после реставрации (ноябрь 2009 г.)

Фрагмент торжественной церемонии 17 ноября 2009 г., посвященной 130-летней годовщине кончины Ю. Ковалевского.

**Первая российская монография
о творчестве и научном наследии
польского историка Ежи Топольского***

Судьбы польских историков, пути развития польской исторической науки и польской историографии всегда привлекали внимание российских исследователей, что вполне понятно, поскольку историческое развитие наших стран, по крайней мере с XVI в., взаимосвязано теснейшим образом. Однако, публикации монографии на русском языке удавалось, пожалуй, только Иоахим Лелевель¹. В настоящее время все более возрастает внимание российских историков к исследованиям по зарубежной историографии и методологии истории. Это обусловлено как критическим переосмыслением прежних идеологических и методологических принципов изучения исторических явлений и процессов, что наиболее явно выразилось в последние десятилетия, так и общей тенденцией интернационализации науки, характерной для всех уровней научного поиска. Поэтому понятен интерес исследователей к научному творчеству и личности известного польского историка, историографа и специалиста в области методологии истории, до недавнего времени одного из признанных авторитетов польской исторической науки – Ежи Топольского (1928–1998), оказавшего заметное влияние на развитие исторической мысли в Польше в 1960–1980-е годы. Нелишне будет отметить, что он также был в числе членов Комиссии историков России и Польши и играл в ней видную роль.

В ряде работ как зарубежных, так и отечественных историков рассматривались отдельные положения научных концепций Ежи Топольского, однако монография В.Е. Туманина является первым комплексным исследованием научного наследия польского историка и, несомненно, удачным опытом автора. В связи с этим уместно будет указать, что она была первым значительным опубликованным трудом молодого ученого. Думается, что перед ним стояла особенно нелегкая задача, ибо выносимые на суд читателя суждения не имели по указанным причинам в своем основании собственной многолетней исследовательской работы и зрелости умозаключений, которая приходит только с годами.

Однако, на наш взгляд, автор успешно справился с поставленной задачей всестороннего анализа научного наследия Е. Топольского. В целом удачной и обоснованной кажется структура работы, поскольку Топольский предстает перед нами в трех ипостасях: как исследователь, историо-

* Туманин В.Е. «Historia – moje życie»: Научное наследие Ежи Топольского. Казань, 2008. 240 с.

** Кеневич Стефан. Лелевель / перев. с польск. И.С. Миллера. ЖЗЛ. М.: Молодая Гвардия, 1970. Вып. 490.

граф и теоретик исторической науки. Монография написана на базе широкого круга источников. Туманин привлек к исследованию практически все материалы научного наследия польского историка. В монографии изучены многочисленные опубликованные работы Е. Топольского, а также его неизданные труды. Для сбора недостающего материала автор предпринял поездку в Польшу, где встречался с коллегами и учениками польского ученого. Изучение обширной исследовательской литературы позволило Туманину успешно ориентироваться в поставленных Топольским проблемах, в общественных условиях и в моральной атмосфере, составлявших контекст научного творчества польского ученого, проанализировать его труды в сопоставлении с тем вкладом в науку, который был внесен его предшественниками и современниками.

Анализ творческого пути Е. Топольского автор начинает с характеристики теоретико-методологических концепций, которыми руководствовался в своих исследованиях польский ученый. В начале научной деятельности историк-медиевист Топольский обратился к историческому материализму. Ученый развивал и творчески интерпретировал положения марксизма применительно к исторической науке, однако он не считал материализм единственно возможной концепцией объяснения истории. Эти взгляды нашли отражение и в главной работе Топольского, посвященной теории и методологии исторического исследования «Методология истории» (1968), до сих пор сохранившей свое значение в ряду памятников польской исторической мысли.

Польский исследователь, как подчеркивал В.Е. Туманин, уделил немало внимания изучению современных концепций философии истории, выделив три основные модели: 1) «эмпирически-объясняющая модель», трактующая историю с позиций модернизма; 2) «нарративно-риторическая», берущая свое начало в постмодернистской философии истории; 3) «пост-постмодернистская», не вполне сформировавшаяся еще в законченную концепцию.

По мнению автора, для теории исторической науки существенное значение имели классификация Топольским источников на адресованные и не адресованные (получателю информации), разработка им теории т. н. «внеисточникового знания», а также трактовка проблемы истины в историческом исследовании, введение понятия об историческом нарративе (целостном историческом документе).

Говоря о вкладе польского ученого в конкретно-исторические исследования, Туманин указал на его работы в области социально-экономической истории Польши и Европы Нового времени, в частности на труды о землевладении гнезненского архиепископства в XVI–XVIII вв. и о роли Гнезна в польской внутренней и международной торговле. Разнообразие затронутых историком проблем способствовало появлению трех монографий и ряда научных статей о развитии феодальных отношений в Польше в XVI–XVIII вв.

Топольский проявил большой интерес к проблеме генезиса капитализма в Европе, причем, как отмечал Туманин, польский исследователь полагал, что развитию капитализма способствовала экономическая активность дворянства, с особой силой проявившаяся в XVI в. Она была вызвана стремлением господствующего класса отстоять свое привилегированное положение в условиях вызванного «революцией цен» сокращения доходов и соперничества с начинающим набирать силу третьим сословием. Эта активность, согласно воззрениям Топольского, существенно повлияла на «экономическую дифференциацию Европы» и на формирование в Речи Посполитой XVII в. фольварочно-барщинной системы, которая в начале значительно повысила продуктивность помещичьего хозяйства, однако в исторической перспективе привела страну к экономическому упадку.

В работах, посвященных политической истории Польши раннего Нового времени, Топольский предложил ее новую периодизацию, отказавшись от рубежей, определенных классической польской историографией. Характеризуя содержание отдельных этапов, он взял за основу сочетание трех составляющих развития в экономике, политике и культуре, что позволило ему говорить о «золотом веке» (1501–1618), о периоде экономического и политического упадка (1618–1733) и о времени подъема в культурной и экономической сферах (1733–1795), стимулировавшего многие реформаторские начинания. Как указывал Туманин, важную роль в формировании мировоззрения Е. Топольского сыграла оценка ученым ключевого этапа 1944–1947 гг. в истории ПНР, когда, несмотря на возможные альтернативы, реальные шансы имел лишь тот вариант развития страны, который предусматривал прямое перенесение на польскую почву опыта государственного строительства, осуществляемого в СССР.

Едва ли не центральное место в научном творчестве Е. Топольского принадлежало исследованиям в области европейской и польской историографии XIX–XX вв. Ученый посвятил ряд работ И. Лелевелю (1786–1861), которого Топольский назвал «первым польским представителем современной науки».

Говоря о наследии ученого как историографа, В.Е. Туманин уделил главное внимание его работам по польской историографии XX века. В ее развитии Топольский отводил ведущую роль периоду после Второй мировой войны. В это время многие историки отказались от прежних методологических концепций и обратились к материализму, который способствовал новому осмыслению процесса исторического развития. Влияние марксизма в оценке Топольского имело, подчеркивает Туманин, как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, интерес к историческому материализму стимулировал изучение вопросов, ранее привлекавших недостаточное внимание исследователей, а именно проблем социально-экономической истории и истории материальной

культуры. Однако, с другой стороны, в конце 1940-х – середине 1950-х гг. началось насильственное насаждение марксистской идеологии, которое сопровождалось отстранением от научной деятельности лиц, не желавших идти на компромиссы с существующим режимом. После 1956 г., по мнению Топольского, идеологическое давление уменьшилось, и создались реальные предпосылки для плюрализма различных теорий в исторической науке. По-прежнему сохранялся интерес к методу исторического материализма, однако он рассматривался лишь как одна из возможных концепций объяснения истории.

В.Е. Туманин обращает внимание читателя на то, что особый интерес Топольский проявлял к изучению научного наследия своего учителя Я. Рутковского (1886–1949) – видного польского историка первой половины XX в. Анализ концепций Рутковского нашел свое отражение во многих теоретико-методологических и историографических исследованиях Топольского. В частности, влияние взглядов учителя проявилось в концепциях Топольского о причинах дисбаланса в экономическом развитии европейских стран к началу XVII в., о складывании фальварочно-барщинной системы в государствах к востоку от Эльбы и в вопросе о распределении общественного дохода в Польше в Новое время. Однако думается, что этими темами отнюдь не ограничивается сюжет о взаимоотношениях Топольского с учителем, и не случайно Туманин интуитивно уделил ему столь значительное внимание. Именно в данном вопросе нашло отражение принципиальное для польской исторической науки и историографии взаимоотношение историков старшего поколения, сформировавшихся в межвоенной Польше 1918–1939 гг., и историков времени ПНР. Это в известной мере проливает свет и на некоторые личные черты Топольского, не порывавшего ни научных, ни человеческих связей с традициями предшествовавшего периода и их носителями в науке.

При несомненных достоинствах работы следует отметить некоторые недостатки. На наш взгляд, В.Е. Туманин не всегда достаточно критически подходил к анализу научных концепций Е. Топольского. Излагая взгляды польского историка, он делает свои комментарии, однако зачастую они как бы служат доказательством тех или иных суждений самого Топольского или являются их иллюстрацией. Временами создается впечатление, что автор полностью разделяет отнюдь не бесспорные взгляды польского ученого. Однако некоторые положения в представленных автором монографии концепциях Топольского, несомненно, требуют большего уточнения. Так, по словам Туманина, в отличие от подавляющего большинства историков, опирающихся лишь на письменные источники, для Топольского историческим источником является «все, что может помочь воссозданию образа прошлого». Между тем, такое понимание источника в целом характерно для исследователей, занимающихся изучением социально-экономической

истории и истории материальной культуры. Давая высокую оценку творчества Топольского, Туманин приводит высказывания его учеников и единомышленников, обходя молчанием мнения многочисленных оппонентов.

Отмеченные недостатки не дают основания усомниться в высоком научном уровне монографии В.Е. Туманина и в обоснованности его главного вывода, что изучение научного наследия Топольского имеет важное значение, поскольку исторические концепции и методологические разработки польского ученого до сих пор сохраняют свою актуальность и способствуют лучшему пониманию исторических, историографических и историко-методологических проблем, стоящих перед современной наукой. Думается также, что новая книга послужит достойным примером сотрудничества российских и польских историков, без которого такое издание едва ли было возможно, а также основанием и достойным поводом для развития наших научных связей в будущем.

К юбилею Виктории Сливовской

В июне 2011 года отмечается юбилей профессора Виктории Сливовской – событие знаменательное для польской исторической науки, для историков России, занимающихся отечественной историей XIX в., для всех историков-полонистов нашей страны, для всех многочисленных российских друзей «пани Виктории», как они ее называют, выражая, в частности, этим дружеским обращением искреннюю сердечную привязанность. Причем круг этих друзей не ограничивается профессиональным сообществом историков. К нему принадлежат многие представители литературы и искусства, видные общественные деятели. Высокий авторитет и уважение, которыми пользуется В. Сливовская в нашей стране, любовь друзей и коллег не случайны, тем более они не продиктованы какими-то конъюнктурными мотивами – все это стало результатом незаурядного таланта, титанического труда ученого, выдающихся душевных качеств, которые всегда ее отличали.

Виктория Сливовская – известный польский историк, крупнейший специалист по истории России и Польши XIX в., польско-российских общественных и культурных связей. Она – автор ряда монографий, составитель и редактор многих публикаций исторических источников, организатор различных польско-российских научных мероприятий. Для работ В. Сливовской характерны новизна, прекрасное знание предмета исследования, введение в научный оборот большого числа новых, неизученных архивных документов. Выдающийся вклад В. Сливовской не только в польскую, но и в российскую историческую науку признан в нашей стране. Многие годы она возглавляла в качестве сопредседателя Комиссию историков России и Польши, а в 2001 г. профессор В. Сливовская была удостоена высокого звания почетного доктора Российской академии наук.

В. Сливовская родилась в Варшаве в семье литератора, издателя и видного деятеля польского социалистического движения. Детские годы ее пришлось на время гитлеровской оккупации Польши, когда ее семья оказалась в Варшавском гетто. После окончания войны В. Сливовская – выпускница варшавской гимназии им. Г. Коллонтая – наряду с другими польскими студентами была направлена на учебу в СССР, в Ленинград, где окончила исторический факультет Государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Может быть, это случайное совпадение, однако одной из ее первых книг, написанных в соавторстве с мужем Рене Сливовским – студентом и выпускником того же института, – стала монография об А.И. Герцене.

По возвращении на родину дальнейшая научная деятельность В. Сливовской связана с Институтом истории Польской академии наук (ПАН), где она

работает вот уже 50 лет: именно здесь В. Сливовская начала исследовательскую работу в аспирантском семинаре выдающегося польского ученого, специалиста по истории XIX в. Стефана Кеневича. В 1970 г. Сливовская защитила докторскую диссертацию, в 1973 г. получила звание профессора.

Свой творческий путь В. Сливовская начинала с работ по истории общественного движения в России в середине XIX в. В 1960–1970-е гг. вышли в свет четыре монографии ученого: о петрашевцах; об эпохе Николая I; о политической эмиграции в России в его царствование и уже упоминавшаяся книга об А.И. Герцене¹. Последняя работа написана совместно с мужем — литературоведом, переводчиком, популяризатором произведений русских писателей, профессором Варшавского университета Рене Сливовским.

В. Сливовская активно участвовала в реализации важнейших польско-российских научных проектов. В начале 1960-х гг. она вошла в состав коллектива ученых (с польской стороны руководимого С. Кеневичем), собиравшего и подготавливавшего материалы для фундаментального 25-томного издания о восстании 1863 г. На протяжении долгого времени Сливовская в качестве составителя и члена Главной редакции сотрудничала с видными российскими историками-полонистами И.С. Миллером и В.А. Дьяковым. Сотрудничество с Дьяковым продолжилось и при осуществлении другого совместного проекта — издании многотомной серии, посвященной польскому освободительному движению и общественно-культурным связям в XIX в. Проект выполняется с 1978 г., к настоящему времени издано 6 томов, последний из них, вышедший из печати в 2009 г., повествует о деятельности «Содружества польского народа» Ш. Конарского в Подольской, Вольнской и Киевской губерниях². Сливовская является членом Главной редакционной коллегии, а также составителем и комментатором всех вышедших томов данного издания.

Начиная с 1980-х гг. главной сферой научных интересов В. Сливовской становится изучение польской политической ссылки XIX в. В это время она руководит осуществлением проекта ПАН «Польские ссылки в Российской империи». В решающей степени благодаря творческому подходу В. Сливовской и выработанным под ее руководством методологическим принципам и методике исследовательской работы большого польско-российского коллектива проект не ограничился регистрацией польских узников царизма. Он помог воссоздать картину участия поляков в жизни российской провинции, рассказать об их контактах с представителями царской администрации, различными социальными группами местного населения, со ссылными декабристами. Проект позволил детально осветить роль поляков в развитии просвещения, науки и культуры в России, в формировании интеллигенции, в том числе и на окраинах страны, и в среде нерусского населения. Для сбора материала В. Сливовская в 1990-е гг. предпринимала поездки в Вологду, Архангельск, Казань, Иркутск, Якутск и другие российские города.

Первым этапом реализации проекта стало издание в 1998 г. поистине уникального словаря, содержащего подробные биографические данные о польских ссыльных в Российской империи в первой половине XIX в.³ Другими крупными работами исследовательницы стали монографии о жизни в Сибири нескольких поколений семьи участника восстания 1863 г. Я.К. Гейштора (2000 г.) и о побегах польских ссыльных из Сибири (2005 г.)⁴. В этих трудах и в своих публичных выступлениях В. Сливовская опровергает нередко бытующие в польском общественном мнении ложные представления о якобы безмерной жестокости царской ссылки, о будто бы бесчеловечном отношении к полякам всех россиян. Не случайно одним из часто упоминаемых ею произведений русского искусства стала картина Н.А. Ярошенко «Всюду жизнь». В. Сливовская решительно возражает против отождествления царской ссылки со сталинскими лагерями, обращая внимание на то, что целью ссылки являлась изоляция, а не физическое уничтожение. Также она опровергает миф о том, что ссылка в Сибирь была самым тяжелым наказанием для поляков, доказывая, что в действительности ссыльные, как правило, освобождались от каторжных работ и привлекались местной администрацией, заинтересованной в образованных кадрах, в качестве чиновников, домашних учителей, врачей. Сливовская также отмечала, что в представлении польского общества XIX в. «Сибирь» часто ассоциировалась с другими, совершенно не связанными с нею, регионами и центрами России, например, с Архангельском, Вяткой, Саратовской или Пермской губерниями. Сибирской ссылкой считалось пребывание осужденных в киргизских степях или, наконец, служба в т. н. отдельных корпусах российской армии – Кавказском и Оренбургском. Именно солдатчина, или служба в унтер-офицерских, или даже в офицерских чинах в отдельных корпусах была, по мнению исследовательницы, гораздо более суровым наказанием. Хотя получение офицерского чина и давало возможность выхода в отставку и возвращения на родину, однако «сосланные в солдаты» не доживали до желанного освобождения, они погибали в боях, умирали от ран и болезней или надломленные тяготами службы, испытывая тяжелые моральные и физические лишения, нередко сходили с ума или кончали жизнь самоубийством⁵.

В. Сливовской подготовлены и опубликованы многочисленные материалы, касающиеся жизни и деятельности ссыльных поляков в России в XIX–XX вв., в первую очередь, мемуарная литература: записки В. Станишевского; дневник «конарщика» Ю.Г. Сабиньского; воспоминания участников и свидетелей восстания польских ссыльных на круго-байкальской дороге в 1866 г. (совместно с А. Брус); мемуары В. Вороновича о пребывании в советских лагерях на Соловецких островах и Колыме; воспоминания о ссылке в Казахстан М. Папиньского, семьи Малаховских, Л. Доманьской⁶. Хронологически к этим последним мемуарам примыкают воспоминания о трагических судьбах евреев в Польше во время Второй мировой войны⁷.

В последние годы профессор Сливовская и сама выступила в роли мемуаристки. В 2006 г. выходит подготовленная исследовательницей книга об отце — известном польском издателе и редакторе, библиофиле, коллекционере и общественном деятеле В.Ю. Завадском⁸. В основу ее легли воспоминания как самой В. Сливовской, так и лиц, знавших Завадского, сохранившиеся документы и корреспонденция. В 2008 г. увидела свет книга «Россия — наша любовь», написанная совместно с Р. Сливовским⁹. Супруги Сливовские связаны с Россией не только своими научными исследованиями, но и многочисленными личными контактами с представителями научной, литературной и культурной элиты. Они познакомились и поженились в Ленинграде, здесь же в студенческой семье Сливовских в 1951 г. родился их сын Анджей. Однако в это время сталинщины, наблюдая вокруг себя атмосферу доносов и политических преследований, Сливовские критически смотрели на Россию.

После наступления хрущевской оттепели их отношение к нашей стране изменилось. В 1950-е годы и в свои последующие приезды в Россию Сливовские встретились со многими известными учеными и литературоведами. Особенно тесная дружба связывала их с Ю.Г. Оксманом, Н.Я. Эйдельманом, Ю.И. Штакельбергом, И.С. Миллером, В.А. Дьяковым, а также с О.П. Морозовой, Б.Ф. Стахеевым, С.Б. Рассадиным, А.Г. Петуховой. Благодаря своим друзьям и чтению литературы Самиздата Сливовские узнали совсем другую, «неофициальную» Россию и всем сердцем полюбили ее. Теплые, искренние, сердечные отношения, связывающие В. Сливовскую с ее российскими друзьями, заслуживают, пожалуй, отдельного описания. Будучи человеком иного поколения, автору этих строк пришлось не раз отметить, что из множества писем, полученных Сливовскими из России, ни одно не осталось без ответа, причем ответа содержательного, проникнутого искренним дружеским участием и сопереживанием. Доводилось наблюдать нам и встречи давних друзей на конференциях и симпозиумах. Однако сердечности и задушевности этих свиданий отнюдь не препятствовала атмосфера публичного мероприятия.

Виктория и Рене Сливовские внесли большой вклад в популяризацию в Польше российской исторической и мемуарной литературы, исторической беллетристики, публицистики и художественной литературы. Их перу принадлежат переводы на польский язык трудов современников — историков Н.Я. Эйдельмана, Ю.И. Штакельберга, О.П. Морозовой; писателей и мыслителей XIX века — А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, В.П. Боткина, В.Г. Белинского; классиков русской литературы XX века, например Андрея Платонова, или же современного автора исторической прозы — Ю.В. Давыдова — и ряда других писателей¹⁰.

Многолетние исследования В. Сливовской по истории общественного движения в России и Польше снискали ей заслуженное уважение среди российских историков. Сливовская поддерживает широкие деловые и дружеские контакты со многими российскими учеными — сотрудниками

Российской академии наук, представителями высшей школы, работниками архивов, библиотек, музеев, проживающими в Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Казани, Вятке, Барнауле, Омске, Иркутске и других городах. Сама она всегда гостеприимно принимает у себя в Варшаве российских ученых. В. Сливовскую отличает требовательность по отношению к себе и другим, принципиальность в вопросах научной этики. Вместе с тем она отзывчивый и душевный человек. Неутомимая энергия и обширные связи исследовательницы с польскими, российскими, украинскими и белорусскими учеными способствовали успеху фундаментальных совместных проектов Польской и Российской академий наук. Признание высоких научных заслуг В. Сливовской получило еще одно подтверждение, когда в 1998 г. действительный член Польской академии наук профессор Ю. Бардах передал ей как своей преемнице полномочия по руководству польской частью Комиссии историков России и Польши. За совокупность работ в области изучения польско-российских отношений польский журнал «Восточное обозрение» в 2001 г. присудил профессору Сливовской премию.

В преддверии очередной конференции Комиссии историков России и Польши, посвященной истории научных связей двух стран, будет уместно отдать дань уважения профессору В. Сливовской как автору крупных монографий, публикатору источников, организатору научных исследований. Среди выдающихся польских историков второй половины XX в., возродивших польскую историческую науку после Второй мировой войны, она занимает достойное место. Поздравляя В. Сливовскую с юбилеем, ее российские коллеги и друзья от всей души желают ей новых творческих успехов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Śliwowska W. Sprawa Pietraszewców. Warszawa, 1964; Idem. Mikołaj I i jego czasy: 1825–1855. Warszawa, 1965; Idem. W kręgu poprzedników Hercena. Wrocław, 1971; Śliwowski Wiktoria i Rene. Aleksander Hercen. Warszawa, 1973.*

² *Stowarzyszenie Ludu Polskiego na Podolu, Wołyniu i w guberni Kijowskiej. Szymon Konarski. Содружество польского народа в губерниях Подольской, Волынской и Киевской. Шимон Конарский / Red. tomu M. Micińska. Warszawa, 2009.*

³ *Śliwowska W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku: słownik biograficzny. Warszawa, 1998.*

⁴ *Idem. Syberia w życiu i pamięci Gieysztorów – zesłańców postyczniowych: Wilno–Sybir–Wiatka–Warszawa. Warszawa, 2000; Idem. Ucieczki z Sybiru. Warszawa, 2005.*

⁵ См.: *Сливовская В. Польская Сибирь – мифы и действительность // Новая Польша. 2010. № 1.*

⁶ Staniszewski W. Pamiętniki więźnia stanu i zesłańca / tekst do dr. przygot. A. Gałkowski i W. Śliwowska; posłowiem i przypisami opatrzyła W. Śliwowska. Warszawa, 1994; *Sabiński J.G.* Dziennik syberyjski / do dr. z rpsu przygot. W. i R. Śliwowsy; przedm., przypisami opatrzył J. Trynkowski. Warszawa, 2009. T. 1–3.; Wystąpienie polskich katorżników na trakcie okołobajkalskim: cztery relacje / W. Buszkat [et al.]; do dr. przygot. A. Brus i W. Śliwowska; przedm. opatrzyła W. Śliwowska. Warszawa, 2007; *Woronowicz W.* Przypadki XX wieku: 20 lat na Wyspach Sołowieckich i Kołymie: 1935–1955 / do dr. przygot., wstępem i przypisami opatrzyła W. Śliwowska, M. Giżejewska. Warszawa, 1994; Tryptyk kazachstański: wspomnienia z zesłania – Marian Papiński, rodzina Małachowskich, Lesława Domańska / wybór i oprac. W. Śliwowska, M. Giżejewska, J. Ankudowicz. Warszawa; Toruń, 1992.

⁷ Czarny rok ... czarne lata ... / oprac. i przypisami opatrzyła W. Śliwowska; słowo wstępne W. Śliwowskiej i K. Meloch; słowo końcowe M. Turskiego. Warszawa, 1993; Dzieci holokaustu mówią... / do dr. przygot. W. Śliwowska; posł. opatrzył J. Ficowski. Warszawa, 1993.

⁸ Pan Puchatek: rzecz o Wacławie Józefie Zawadzkim / do dr. przygot. W. Śliwowska; przypisy oprac. A. Brus i W. Śliwowska. Warszawa, 2006.

⁹ *Śliwowsy W. i R.* Rosja – nasza miłość. Warszawa, 2008.

¹⁰ *Ejdelman N.J.* Łunin – adiutant wielkiego księcia Konstantego / przeł. [z ros.] W. i R. Śliwowsy. Warszawa, 1976; *Idem.* Paweł I czyli Śmierć tyrana / przeł. [z ros.] W. i R. Śliwowsy. Warszawa, 1990; *Sztakelberg J.I.* Pieczęcie powstańcze 1863–1864 / przekł. autoryzowany [z ros.] W. Śliwowskiej; przedmową poprzedził St. Kieniewicz; tablice pieczęci i il. do dr. przygot. St.K. Kuczyński. Warszawa, 1988; *Morozova O.P.* Bronisław Szwarcze / przeł. [z ros.] W. i R. Śliwowsy; wstępem opatrzyła W. Śliwowska. Wrocław [etc.], 1982; *Goleniszczew-Kutuzow I.N.* Odrodzenie włoskie i literatury słowiańskie wieku XV i XVI / przeł. W. i R. Śliwowsy; [teksty łac. przeł. I. Lichońska, teksty chorw. przeł. J. Wierzbicki]; sł. wstępne J. Krzyżanowski; [indeks B. Otwinowska]. Warszawa, 1970; Aleksander Hercen / oprac. W. Śliwowska [et al.]. [S.l.: s.n.], 1975; Mikołaj Czernyszewski / oprac. W. Śliwowska [et al.]. [S.l.]: Ossolineum, 1975; *Botkin W.P.* Listy o Hiszpanii / tł. [z ros.], posłowiem i przypisami opatrzyła W. Śliwowska. Warszawa, 1983; *Wissarion Bielinski* / oprac. W. Śliwowska [et al.]. [Wrocław], 1975; *Śliwowsy W. i R.* Andrzej Płatonow. Warszawa, 1983; *Dawydow J.W.* Czas głuchej jesieni / z ros. przeł. W. i R. Śliwowsy. Warszawa, 1977.

Памяти Юльюша Бардаха (1914–2010)

В январе 2010 года ушел из жизни Юльюш Бардах – выдающийся польский историк, действительный член Польской академии наук, профессор Варшавского университета, почетный доктор Лодзинского и Вильнюсского университетов. Многие годы Ю. Бардах входил в состав Комиссии историков России и Польши, будучи с 1986 по 1998 годы ее председателем.

Фундаментальные труды Ю. Бардаха по истории польского права и права Великого Княжества Литовского эпохи Средневековья и раннего Нового времени широко известны в России и снискали их автору высочайший авторитет у себя на родине и среди зарубежных коллег–историков. Он пользовался заслуженной известностью как выдающейся специалист по польской истории и по истории Руси (России), Белоруссии и Украины. С ранних лет и до последних дней жизни Ю. Бардаха связывали с Россией не только научные изыскания, но и разностороннее научное сотрудничество. И во всех других его начинаниях в этой области в полной мере проявились не только его талант исследователя, но и выдающиеся способности организатора науки.

Ю. Бардах родился в Одессе 3 ноября 1914 г. в семье врача. В 1939 г. он окончил юридический факультет Виленского университета, где решил посвятить себя научной работе, занимаясь в семинаре по истории государства и права Литвы периодов Средневековья и Нового времени, а также в семинаре по советологии. Интерес молодого человека к проблемам актуальной политики был не случаен. Еще в годы студенчества Ю. Бардах включился в политическую деятельность в Союзе независимых студентов–социалистов и вступил в Социалистическую партию Польши (ППС).

В годы Второй мировой войны Ю. Бардах участник антифашистского сопротивления. В ряды борцов с нацизмом его привели не только драматическая участь его Родины (а родными для него были не одна только Польша, но и в значительной мере Россия, Литва, Белоруссия и Украина) и личная трагедии (от рук гитлеровцев погибли родители и сестра ученого). Однако отнюдь не в последнюю очередь его политический выбор определила политическая позиция антифашиста, демократа и социалиста. Этим взглядам ученый оставался верен до последних дней жизни. С 1943 г. Ю. Бардах воевал на советско–германском фронте в рядах I корпуса Войска Польского. После победы над фашизмом и восстановления независимой Польши он, будучи на дипломатической работе, содействовал установлению добрососедских отношений между нашими странами и в то же время продолжал научные занятия, будучи докторантом Ягеллонского университета в Кракове.

В 1950 г. полковник Ю. Бардах оставил военную службу, чтобы целиком посвятить себя науке, и начал преподавательскую работу в Варшавском университете, с факультетом Права и Администрации которого был неразрывно связан на протяжении всех последующих лет. С 1951 г. он профессор Варшавского университета, звания профессора он был удостоен в 1960 г. С 1983 г. Ю. Бардах член-корреспондент, а с 1989 г. действительный член Польской академии наук, будучи также почетным членом ряда зарубежных академий. Интересы Бардаха-ученого были необычайно широки. Его труды были посвящены разнообразным проблемам медиевистики, средневековой истории Литвы, истории парламентаризма и федерализма. В наследии ученого работы по методологии истории, по теории и истории государства и права, по политологии. Ю. Бардах уделил немало сил исследованиям по истории исторической науки и историографии.

К числу наиболее значительных трудов Ю. Бардаха принадлежит неоднократно переиздававшаяся пятитомная «Истории польского государства и права» (Варшава, 1957–1982.). Он был ее главным редактором и автором первого тома (до середины XV в.). Перу ученого принадлежит также ряд других фундаментальных работ по истории польского права, одна из которых в 1980 г. была издана в Москве на русском языке. Общее число научных публикаций Ю. Бардаха составляет 574 названия. Важным направлением в многогранной деятельности ученого был его многолетний труд педагога, наставника и воспитателя студенчества. С 1950 г. Ю. Бардах читал общие и специальные курсы на факультете Права и Администрации Варшавского университета, руководил магистерским и докторским семинарами. За более чем полувековую педагогическую работу он подготовил не одно поколение польских историков и юристов. Под его руководством степень доктора наук была присуждена 17 ученым, из которых в дальнейшем десятеро были удостоены звания профессора.

Ю. Бардах всегда уделял большое внимание развитию сотрудничества польских историков с коллегами в нашей стране, следил за работами российских историков, ученых Литвы, Белоруссии и Украины, о чем свидетельствуют опубликованные им рецензии. Многие годы, вплоть до последних дней жизни Ю. Бардах входил в состав двусторонней Комиссии историков России и Польши, более 10 лет (с 1986 по 1998 г.) будучи ее сопредседателем с польской стороны. В эти трудные годы, когда кардинально изменились судьбы России и Польши, да и всей Европы, Ю. Бардах внес неоценимый вклад в сохранение позитивного потенциала сотрудничества российских и польских историков, в определение новых принципов наших взаимоотношений. Трудно переоценить его роль в формировании творческой и подлинно товарищеской атмосферы наших контактов и связей. Ю. Бардах свободно владел русским языком и охотно беседовал с коллегами по-русски, непринужденно демонстрируя практически безукоризненный стиль и высокую культуру речи. Имея это в виду, многие

российские коллеги старшего поколения иногда обращались к нему на русский манер, называя его по имени и отчеству Юлием Марковичем.

Значительный вклад Ю. Бардах внес в реализацию многолетнего совместного проекта Российской и Польской академий наук по изданию фундаментальной серии «Польское освободительное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX веке. Исследования и материалы». Под его руководством в 2009 г. в Варшаве было начато издание очередных томов под заглавием «Движение Шимона Конарского», и увидел свет его первый том, посвященный польскому национально-освободительному движению 1830-х гг. в Российской империи. В томе опубликованы уникальные архивные документальные материалы, впервые введенные в научный оборот, а также объединенные общей проблематикой монографические статьи и очерки, подготовленные как польскими, так и российскими историками.

Ю. Бардах прошел долгий и сложный жизненный путь, однако и в преклонные годы он не оставлял научной работы, составлявшей содержание и смысл его бытия. Покидая этот мир, он не успел осуществить все свои начинания, завещав их своим ученикам, новым поколениям историков. Говоря о Ю. Бардахе, нельзя не упомянуть о его личных качествах, которые отмечали все, кому довелось непосредственно общаться с ученым. Его отличали, казалось бы, органически присущие ему доброта, отзывчивость, житейская мудрость, деликатность, мягкий доброжелательный юмор. Светлая память о Юльюше Бардахе – выдающемся ученом и замечательном человеке неизменно сохранится в сердцах его российских коллег и друзей, а его труды – останутся не только незаурядным достижением польской науки, но и бесценным достоянием ученых всего мира.

Сведения об авторах

Бухарин Николай Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН. Специализируется по новейшей истории Польши, стран Центральной и Юго-Восточной Европы рубежа XX–XXI вв., в частности в области изучения процессов политических трансформаций, и по современным российско-польским отношениям. Автор более 300 научных трудов, в том числе монографий: «Российско-польские отношения 90-е годы XX в. – начало XXI века» (2007), «Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского Союза. Проблемы адаптации» (2010 – *в соавторстве*).

Вех Станислав – доктор исторических наук (хабилизированный), профессор Исторического института Университета гуманитарных и естественных наук им. Яна Кохановского в Кельцах. Специализируется в области социально-политической истории Польских земель и России в XIX в., автор ряда монографий и публикаций исторических источников, в том числе: «Общество Королевства Польского в видении царской политической полиции (1866–1896)» (2002), «Варшавские генерал-губернаторы об общественно-политической ситуации в Королевстве Польском» (2007).

Горизонтов Леонид Ефремович – доктор исторических наук, профессор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, руководитель международной магистерской программы «Историческая компаративистика и транзитология (Россия – Польша)» РГГУ. Специализируется в области истории России, Польши, стран Центральной и Восточной Европы XIX– начала XX в., а также истории славистики, автор монографии «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начала XX вв.)» (1999) и более 100 научных трудов, в том числе: Русско-польское противостояние XIX – начала XX вв. в геополитическом измерении // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 2: География и политика. М., 2006; The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington, 2007.

Ендрьховска Барбара – доктор исторических наук (хабилизированный), сотрудник Института педагогики Вроцлавского университета. Специализируется в области истории и культуры поляков в Российской империи в XIX в., их деятельности в Сибири. Автор монографий: «Ссылные

поляки в Сибири (1830–1883): просветительная, педагогическая и культурная деятельность» (2000); «Всем чужим и далеким: Феликс Зенкович и его письма из Сибири 1864–1881» (2005).

Жук Махмуд Таха – польский мусульманский теолог, имам, член Объединения мусульман (Польша), основатель Исламского института того же Объединения, издатель и переводчик исламской литературы.

Заштовт Лешек – доктор исторических наук (хабилизированный), профессор, директор Института истории науки ПАН, профессор факультета Восточной Европы Варшавского университета, сопредседатель Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области истории Центрально–Восточной Европы и России, автор ряда монографий, в том числе: «Школьное дело на землях Литовских и Русских в шляхетской Речи Посполитой» (1997); «Центрально–Восточная Европа и Россия XI–XX веков» (2007).

Каштанова Ольга Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории России, Польши и российско-польских культурных связей конца XVIII – первой трети XIX века. Среди опубликованных ею трудов: Великий князь Константин Павлович в Варшаве 1815–1830 годы (по воспоминаниям современников) // Столица и провинция в истории России и Польши. М., 2008; Донесения великого князя Константина Павловича и его переписка с императором Николаем I как источник по истории автономного Королевства Польского (1825–1828 гг.) // Источниковедческие исследования. 2009. № 2. «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» (2010 – в соавторстве).

Лебедева Наталья Сергеевна – кандидат исторических наук, доктор хабилизированный (Польша), ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Специализируется в области истории Второй мировой войны. Участник коллектива составителей и соредатор 6-томной польско-российской документальной публикации, посвященной трагедии польских офицеров в Катыни 1939–1940 гг. (Варшава–Москва, 1995–2006).

Макаров Николай Андреевич – член-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Института археологии РАН, сопредседатель Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области изучения проблем непосредственного взаимоотношения местных финской и славянской культур, вопросов регионального освоения районов Русского Севера в XI–XIII вв., а также в целом в области изучения про-

цессов древнерусского расселения по их отражению в археологии. Автор более 200 научных трудов по археологии Древней Руси и финно-угорских областей Восточной Европы, в том числе монографий «Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья)» (1995); «Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.» (1997); «Средневековое расселение на Белом озере» (2001 – *в соавторстве*).

Макарова Галина Васильевна – научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области изучением истории польского общественного движения и российско-польских связей конца XVIII – середины XIX вв., принимала участие в издании ряда томов совместных российско-польских серийных публикаций «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» и «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX века. Исследования и материалы». Среди опубликованных ею трудов: Национальный институт им. Оссолинских («Оссолинеум») // Славянские матицы, XIX в. М., 1996; Поляки в борьбе за реализацию «принципа национальности» в революции 1848–1849 гг. Патриотическое движение в Королевстве Польском в период «Весны народов» // Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М., 2001; «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» (2010 – *в соавторстве*).

Марней Людмила Петровна – кандидат исторических наук, ученый-секретарь Комиссии историков России и Польши, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области экономической истории и истории экономической политики России и Польши в XIX в. Автор монографии «Д.А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX в.» (2009); «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» (2010 – *в соавторстве*).

Носов Борис Владимирович – доктор исторических наук, заведующий отделом Института славяноведения РАН, зам. председателя российской части Комиссии историков России и Польши. Специализируется в области политической истории Речи Посполитой, России и истории международных отношений в Европе в XVIII в. Автор монографии: «Установление российского господства в Речи Посполитой 1756–1768 гг.» (2004); «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» (2010 – *в соавторстве*).

Сикорска-Кулеша Иоланта – доктор исторических наук (хабilitированный), сотрудник Исторического института Варшавского университе-

та. Специализируется в области социально-политической истории России и земель прежней шляхетской Речи Посполитой в составе Российской империи в XIX в., автор монографий: «Деклассирование мелкой шляхты в Литве и Белоруссии в XIX в.» (1995); «Род Цехановских герба Домброва» (1997 – *в соавторстве*); «Терпимое зло. Проституция в Королевстве Польском в XIX в.» (2004).

Трынковский Ян – доктор исторических наук, доцент Варшавского университета и Белостокского университета. Специализируется в области истории повседневности в жизни поляков в России XIX в., на территориях прежней Речи Посполитой и в Сибири, автор ряда монографий и публикаций исторических источников, в частности: «Граница и пограничье: история повседневности и опыта познания» (1999 – *в соавторстве*); «Гимназия: из истории Белостокской гимназии (1777) 1802–1915» (2002); «Юлиан Сабиньский. Сибирский дневник» (2009 – *в соавторстве*).

Фалькович Светлана Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Специализируется в области истории Польши и российско-польских отношений, общественных и культурных связей XVIII–XX веков, истории польской общественной мысли и связей польского освободительного и европейского революционного движений. Автор обобщающих трудов и монографий, среди которых: «Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX века» (1966); «Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912)» (1975). Последняя монография была издана и в Польше. Она соавтор и ответственный редактор коллективной монографии «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского 1815–1830» (2010).

Цабан Веслав – доктор исторических наук (хабilitированный), профессор, проректор Университета гуманитарных и естественных наук им. Яна Кохановского в Кельцах, директор Исторического института того же университета. Специализируется в области истории польского освободительного движения и борьбы за национальную независимость, а также в области военной истории и истории польско-российских отношений в XIX и в начале XX веков, автор монографий: «Из истории Ноябрьского восстания в регионе Свентокшистских гор» (1989); «Общественное развитие Келецкой области 1832–1864» (1993); «Служба рекрутов из Королевства Польского в царской армии в 1831–1873 гг.» (2001); «Из Оренбурга в Париж. Бронислав Залеский 1820–1880» (2006).

Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН. Специализируется в области истории Польши, советско- и российско-польских отношений XX в. и на современном этапе. Автор более 300 научных трудов, в том числе 10 монографий, среди которых «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях» (2001 – *в соавторстве* с А.Ю. Яблоковым и В.С. Парсадановой).

Научное издание

**Сотрудничество
российских и польских историков:
достижения, проблемы, перспективы**

Изучение и публикация
исторических источников
в России и Польше

Подписано в печать 21.07.2011. Формат 60х90¹/16.
Печать офсетная. 12,0 п. л. Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «Типография ПРЕМИУМ»
150000, Ярославль, ул. Лисицына, д. 30, корп. 2

